

П. Ю. РАХШМИР
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ФАШИЗМА

Истоки фашизма

Развитие государственно-
монополистического капитализма
и фашизм

Место фашизма
в политической стратегии буржуазии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «История и современность»

П. Ю. РАХИМИР

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ФАШИЗМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

Р 80 Рахмиди П. Ю. Происхождение фашизма.— М.: Наука, 1981 (История и современность), 184 с.

Прошло более полувека с тех пор, как на политической сцене капиталистического мира появились фашисты. Где коренятся истоки фашизма? Какие факторы обусловили его возникновение? Каким образом он набрал силу? На эти вопросы и отвечает предлагаемая читателю книга. В ней рассказывается о предыстории фашизма и его становлении, вскрывается ответственность монополистической реакции за ту зловещую роль, которую он сыграл в истории европейских народов, объясняются причины возникновения неофашистских тенденций в наши дни.

5.4

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ГАЛКИН

ОТ РЕДАКТОРА

В конце 70 — начале 80-х годов в развитых капиталистических странах наметилось определенное оживление крайне правых политических сил. Оно проявляется и в создании экстремистских союзов и движений, и в попытках объединить так называемых умеренных правых и силы откровенно неофашистского лагеря, и в проведении целой серии кровавых террористических акций.

Постоянным источником политической напряженности являются неофашистские элементы в бывших цитаделях «традиционного» фашизма — в Италии, ФРГ, Испании. Последыши Муссолини и Гитлера хотели бы повернуть вспять исторический процесс, пуская в ход террористические методы и используя широкие легальные возможности, предоставленные им буржуазным обществом. Не желают примириться с поражением фашисты пиренейских государств, где так долго держались диктаторские режимы. Активизировались реакционные силы на Латиноамериканском континенте. Сигналом тревоги для человечества стала трагедия Чили. «Она учит бдительности против современного фашизма», — подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС¹.

Очаги неофашизма сохраняются и в кичащихся своей «демократией» государствах Запада при попустительстве, а порой и под покровительством властей. По улицам Лондона нагло шествуют молодчики из расистско-фашистского «Национального фронта», в Чикаго демонстрируют американские последователи фашистов. Брюссель и Льеж становятся ареной экстремистских вылазок бельгийских фашистов, всю Францию потряс устроенный неофашистами

© Издательство «Наука», 1981 г.

Р 10603—085
054(02)—84 БЗ-93-35-79 0504000000

взрыв на улице Коперника в Париже. Неофашисты пытаются сплотить свои силы в международном масштабе, чтобы противодействовать позитивным тенденциям современного мирового развития².

Очевидно, что в этих условиях перед демократическими, антифашистскими силами остро встает задача: сорвать замыслы и планы, выплываемые международной реакцией, и прежде всего преградить путь фашистской опасности. Для решения этой задачи необходимо глубокое и всестороннее знание истоков, происхождения и социальной сущности фашизма.

В этом плане необходимо четко представлять ту роль, которую сыграл в прошлом фашизм. Напомним, что зарождение фашизма пришлось на то время, когда капитализм вступил в стадию общего кризиса. Господство крупных монополий углубило прежние противоречия. Первая мировая война с огромной силой форсировала эти процессы, а Великая Октябрьская социалистическая революция в огромной степени ускорила революционизацию широких масс.

В этих условиях перед буржуазией в большинстве государств развитого капитализма встал во всей остроте вопрос о новых формах сохранения своего господства. Буржуазия стремилась выйти из кризиса путем установления открытого террора в отношении широких масс трудящихся, применения более изощренных методов насилия и манипуляции массами. Она стала применять политическое насилие, опираясь на фашистское движение, возникшее на волне шовинистических настроений. В обстановке острого кризиса на фашизм были возложены функции, которые не могли в создавшихся условиях выполнять традиционные буржуазные партии: приспособить старую систему власти к новой экономической и социальной реальности и тем самым создать альтернативу социализму. Иными словами, ставилась задача при помощи крайних средств установить господство государственно-монополистического капитализма со всеми свойственными ему атрибутами.

Сказанное, разумеется, не означает, что развитие от монополистического к государственно-монополистическо-

му капитализму должно было неизбежно пройти через фазу фашизма. Впоследствии правящий класс ряда стран нашел другие пути перехода к государственно-монополистическому капитализму при сохранении традиционных форм буржуазной демократии. Речь, таким образом, не идет о фатальной неизбежности фашизма. Однако в сложившихся тогда условиях правящие классы в некоторых развитых капиталистических странах обратились именно к фашизму.

Немалую роль в выборе, который они сделали, сыграло и то, что фашизм показался им удобным орудием осуществления внешнеполитических амбиций. Стремление к тотальной регламентации жизни общества и реорганизации его на военизированной основе, апелляция к крайнему национализму делали его превосходным инструментом подготовки к проведению территориальной экспансии. Не случайно, фашистские силы захватили власть в тех странах, в которых правящие классы чувствовали себя обделенными при дележе добычи (Италия) или ущемленными в результате понесенного поражения (Германия).

Результаты всего этого общеизвестны. Сегодня, прозвучав слово «фашизм», мы ясно представляем себе главные характеристики этого мрачайшего феномена XX в. Фашизм — это порабощение и ограбление десятков народов, лишение их не только человеческих прав, но и жизненно необходимых средств к существованию. Фашизм — это массовые кровавые расправы, уничтожение целых народов, фабрики смерти. Фашизм — это всеобщее подавление и слежка, система физического и духовного гнета.

Ситуация, в которой действует ныне капитализм, по многим показателям существенно отличается от той, которая способствовала возникновению и укреплению фашизма в межвоенный период. В этой связи достаточно напомнить о новом соотношении сил в мире между капитализмом и социализмом, империализмом и антиимпериалистическими движениями, реакцией и прогрессом.

Тем не менее фашистская угроза коренится в самой

социально-экономической и политической природе империализма. В середине 70-х годов капитализм вступил в полосу резкого обострения всех его противоречий. Продолжается оно и в 80-е годы. Проявившись в первую очередь в экономической сфере, кризисные процессы, как это обычно бывает, захватили и политическую область, усилив тем самым существовавшую и до этого неустойчивость политического механизма, призванного обеспечить неприкосновенность капиталистических общественных отношений.

Как только кризис институтов власти приобрел острые формы, в правящих кругах капиталистического общества усилились опасения за свои позиции. Это в ряде случаев привело к пересмотру взглядов на наиболее предпочтительные формы осуществления политического господства. Соответственно, укрепилось влияние сторонников открытого политического принуждения.

Выбор форм и методов осуществления власти зависит, разумеется, не только от воли правящей верхушки. Он определяется также степенью противостояния других общественных групп, и прежде всего — активностью демократических движений и организаций. Вне зависимости от желания власть имущих существует реальная возможность предотвратить тенденцию сползания вправо, к авторитарным и авторитарным типам господства. Можно положить конец и амбициям фашистских и неонацистских организаций, подрывая их массовую базу и пресекая попытки прорваться к власти.

Об этом ясно и четко говорится в документах международного коммунистического движения. «Необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неонацистских террористических организаций и групп»³.

Сказанное объясняет, почему книга П. Рахшмира, предлагаемая вниманию читателя, будучи исторической, звучит так политически злободневно.

Профессор А. Галкин

Проверенный историческим опытом марксистский взгляд на фашизм позволяет научно подойти к выявлению его истоков. Они генетически сплетаются с истоками общего кризиса капитализма, который в полную силу разразился после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Однако процесс всестороннего разложения устоев буржуазного общества начался еще до первой мировой войны — война, отмечал В. И. Ленин, лишь ускорила его. Зародышевые элементы общего кризиса капитализма проявляются в социально-экономической, политической и духовной сферах жизни буржуазного общества, вступившего в империалистическую стадию развития.

При анализе предпосылок фашизма следует иметь в виду следующее ленинское указание: «С точки зрения марксизма нелепо останавливаться на положении одной только страны, говоря об империализме, тогда как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом»⁴. В. И. Ленин подчеркивал международный характер империалистической реакции, усилившейся «при всяких политических порядках»⁵, т. е. начиная с самодержавной монархии и кончая буржуазно-демократической республикой. И эмбрионы фашизма вызревали в самых разнообразных политических и социально-экономических структурах.

Попытки сузить сферу распространения фашизма, предельно локализовать его, встречающиеся в буржуазной исторической литературе, основаны на смешении вопроса о предпосылках фашизма и вопроса о причинах успехов или неудач, силы или слабости фашистских движений в отдельных странах. Если предпосылки возникают в большинстве империалистических государств, то степень их глубины и интенсивности оказывается везде различной в силу неравномерности социально-экономиче-

ского и политического развития отдельных стран, их национально-исторической специфики.

Непосредственные предпосылки фашизма формируются с началом «империалистической эпохи всемирного капитализма», в качестве исходного пункта которой В. И. Ленин выделял рубеж XIX и XX вв.³

В. И. Ленин постоянно подчеркивал реакционный характер империализма. «Политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции... политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция», — писал он⁴.

В империалистической реакции антипролетарские, антисоциалистические тенденции сочетались с антилиберальными, поскольку либерализм считался синонимом буржуазной демократии. Фашизм, несмотря на преобладающий в нем антикоммунизм, антидемократичен в самом широком смысле слова, будучи решительным и последовательным отрицанием не только социалистической, но и буржуазной демократии.

Фашизм — крайняя форма империалистической реакции, и зарождение его, естественно, связано с монополистической стадией эволюции капитализма. Это, разумеется, не означает, что установление фашистских режимов было исторической неизбежностью. В империалистической реакции заложена потенциальная возможность развития фашистских тенденций в ужасающую реальность фашистских диктатур. Однако претворение этой возможности в реальность в конечном счете зависит от конкретного соотношения классовых сил в отдельных странах и на международной арене в целом. Такая постановка вопроса особенно важна, поскольку она не освобождает различные партии, группировки и отдельных политических деятелей от исторической ответственности за трагедии народов, ставших жертвами фашизма.

Социально-экономическая почва империализма стала благодатной питательной средой для вызревания эмбрионов фашизма. Хотя в генезисе фашизма немаловажное значение имеют факторы политического, культурно-идеологического и психологического характера, главная роль все же принадлежит такому основополагающему признаку империализма, как монополизация экономики.

Монополизация экономики требовала возрастания роли государства. Предпринимателям эпохи свободной конкуренции нужно было государство со скромными функциями и расходами, своего рода «ночной сторож». Им хватало простора в сфере производства и на рынках. Рабочее движение еще только формировалось организационно, поэтому буржуазия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы обходиться без посредничества государства во взаимоотношениях с рабочими. Буржуазия эпохи монополистического капитализма предъявляет иные требования к государству. С его помощью она стремится обеспечить гегемонию на внутренних рынках и завоевать рынки внешние, удержать классовое господство под натиском развивающегося рабочего движения. Ей нужен не скромный «ночной сторож», а вооруженный до зубов часовой, способный отстаивать ее внутренние и внешние интересы.

С точки зрения генезиса фашизма особое значение имеет следующая объективная закономерность, свойственная базису капиталистической системы в эпоху империализма: «Чем больше базис имеет тенденцию к превращению в монополистический, чем больше растет концентрация капитала, тем больше государство испытывает тенденцию к превращению в государство *не всех капиталистов*, а в государство финансового капитала, господствующей олигархии...»⁵. В таком развитии уже таилась угроза установления контроля над государством и обществом со стороны наиболее агрессивных группировок монополистического капитала.

Вследствие концентрации производства и капитала формируется могущественная финансово-промышленная олигархия: стальные, угольные, нефтяные, пушечные, газетные и прочие «короли» образуют династии, богатства которых и степень влияния на все стороны жизни достигают невиданных масштабов⁶.

Хорошо известно, что переход капитализма в империалистическую стадию сопровождался усилением неравномерности экономического развития отдельных стран. Отсюда и существенные изменения в соотношении сил на мировой арене: «С одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция, Англия)»⁷.

В США промышленная продукция в 1870—1914 гг. выросла в 9 раз, в Германии — в 5,5 раза, во Франции — в 3 раза, в Англии — в 2,3 раза. В 1870 г. удельный вес Германии в мировом промышленном производстве составлял 13%, Англии — 32%, Франции — 10%, а в 1913 г. — соответственно 16, 14 и 6%.

В Италии период наиболее бурных темпов роста промышленности пришелся на 1901—1913 гг. За это время прирост промышленной продукции в стране достиг 87%, тогда как по Европе в среднем — 56%.

К началу XX в. Север Италии (между промышленным Севером и аграрным Югом существовал довольно большой разрыв) занял уверенные позиции на международной арене. К концу XIX в. Милан, центр итальянской текстильной промышленности, потеснил Лион, а Генуя успешно конкурировала с Марселем в борьбе за роль главного порта Средиземноморья.

Буржуазия «запоздавших» стран стремилась опереться на поддержку государства, чтобы противостоять буржуазии стран «старого капиталистического развития», успешных укрепиться на внешних рынках, создать колониальные империи.

В. И. Ленин неоднократно указывал на Германию как на «образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки»⁸.

Что касается итальянского империализма, то его, по словам П. Тольятти, «можно отнести к числу наиболее

слабых, поскольку у него нет собственного сырья и пр., но с точки зрения организации, структуры он, без сомнения, один из наиболее развитых»⁹. Экономическая слабость итальянского капитализма в известной мере компенсировалась разветвленной системой организационно-финансовых связей, мощью отдельных монополий-гигантов («Ансальдо», «Ильва», «Бреда», «Пирелли», «Фиат» и др.). Главной чертой запоздалой итальянской промышленной революции известный историк Р. Ромео считает вмешательство государства в таком объеме, «который отнюдь не предвидела либеральная экономическая теория»¹⁰. Эта практика способствовала более раннему зарождению государственно-монополистических тенденций в «запоздавших» странах. Их финансово-промышленная олигархия при активном содействии государства вторгается в различные сферы общественной жизни. Но и в «старых» империалистических государствах с буржуазно-либеральными традициями также усиливается тенденция к всеобъемлющему контролю за экономикой, политикой и массовым сознанием со стороны финансово-промышленной олигархии. Только контроль этот осуществлялся более косвенными, негосударственными методами через парламентарные и партийно-политические структуры, с помощью массовой прессы, родиной которой стала буржуазно-демократическая Англия. Именно в этой стране «лорды прессы» располагали огромным влиянием на правительство, парламент, буржуазные партии. Первенство тогда, бесспорно, принадлежало лорду Нортклиффу, чья газета «Дейли мейл» в 1914 г. выходила рекордным тиражом — 7 млн. экземпляров в день.

Гигантское разнообразие экономических и политических условий, крайнее несоответствие темпов развития разных стран, как отмечал В. И. Ленин, было органично связано «с бешеной борьбой между империалистическими государствами»¹¹. Их острое соперничество за «место под солнцем», а также развитие рабочего движения обусловили нарастание милитаристских тенденций. Содержание постоянных армий, втягивающих в орбиту военного обучения миллионы людей, создание крупного военно-промышленного потенциала заметно увеличили удельный вес милитаризма в капиталистическом обществе, придали ему качественно новые черты. «Современный милитаризм,— писал В. И. Ленин,— есть результат капитализма. В обеих своих формах он — „жизненное проявление

ниб“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях („Militarismus nach aussen“, как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата („Militarismus nach innen“)»¹².

Громадные масштабы милитаризм принимает прежде всего под прямым воздействием процесса монополизации экономики. В области военного производства возникают гигантские монополии, неразрывно связанные с государством. Эти первоначальные проявления государственно-монополистического капитализма в известной мере предвосхитили создание современного военно-промышленного комплекса. Вот что писал о французском военном концерне «Крезю» видный либеральный ученый Г. Хальгартен: «Любимой вотчиной этой фирмы было военно-морское министерство, которое благодаря своей структуре размещало среди промышленников самые „жирные“ заказы. В последних недостатка не было. Об этом заботились многие люди, близкие к концерну, в том числе два брата Клемансо»¹³.

Даже в Англии, где монополистические и государственно-монополистические тенденции до первой мировой войны по сравнению с другими странами были выражены более слабо (сказывались последствия многолетней торгово-промышленной гегемонии), в военной промышленности возникли могущественные монополии, тесно связанные с государством. «Морские вооружения Англии,— отмечал В. И. Ленин,— особенно велики. Судостроительные заводы Англии (Викерс, Армстронг, Броун и др.) пользуются мировой известностью... А в качестве акционеров и директоров предприятий судостроительных, пороховых, динамитных, пушечных и т. д. мы видим адмиралов и знаменитейших государственных деятелей Англии из обеих партий: и консервативной, и либеральной»¹⁴.

Не ограничиваясь связями с государственным аппаратом своих стран, военные монополии, по словам К. Либкнехта, образовали «кровавый интернационал торговцев смертью». Они как бы подстегивали друг друга, чем больше оружия производилось за границей, тем больше нужно было выкачать средств на производство вооружений в собственной стране.

Не без основания в глазах множества людей во всем мире олицетворением военного бизнеса стали немецкие пушечные короли Круппы. Автор обширной книги об этой династии — американский публицист У. Манчестер так рисует лагерь торговцев смертью накануне первой мировой войны: «Торговцы оружием во всех странах включились тогда в безудержную гонку, устремляясь к незаметной для них пока пропасти, и Густав Крупп вместе с другими оружейниками — Шнейдером, Шкодой, Мицуи, Виккерсом и Армстронгом, Путиловым, Терни и Ансальдо, Бетхлемом и Дюпоном — быстро приближался к этому финишу. Между Круппом и остальными была только та разница, что Крупп вырвался вперед и вел за собой всю стаю хищников»¹⁵.

«Что хорошо для Круппа, то хорошо и для Германии» — этот мотив в самой разнообразной аранжировке звучал во время прений в рейхстаге (недаром у Круппов имелся тайный избирательный фонд для поддержки своих фаворитов), со страниц буржуазной прессы. Не были забыты и университетские аудитории, где сохранялись еще остатки либерального духа. Чтобы выветрить его, директорат крупповского концерна оказывал финансовое содействие профессорам, проповедовавшим милитаристские идеи.

Крупповский концерн (как и его собратья в других странах) отнюдь не являлся «одиноким волком» в сфере большого бизнеса. Г. Хальгартен подчеркивает, что «тяжелая промышленность с самого начала была неразрывно связана с военной промышленностью даже и тогда, когда обе эти отрасли не представляли собой единого целого»¹⁶. Магнаты тяжелой индустрии и пушечные короли энергично подталкивали развитие милитаризма как во внешней, так и во внутренней его форме.

Милитаризм служил постоянной опорой для авторитарно-диктаторских устремлений внутри господствующих классов, нагнетал атмосферу националистическо-шовинистического угара. Он готовил кадры, способные на любые преступления. Не случайно почти вся фашистская «элита» в той или иной мере прошла казарменную школу милитаризма. Исторические судьбы фашизма и милитаризма неотделимы друг от друга.

Возникновение социальных предпосылок фашизма находится в тесной взаимосвязи с уже рассмотренными экономическими процессами, прежде всего с монополизацией. Одним из главных социальных последствий монополиза-

ции экономики явилось формирование нового элемента элиты буржуазного общества — монополистической олигархии, постепенно превращавшейся в решающую силу лагеря верхов. Как раз ее наиболее реакционные фракции становятся мощным генератором тенденций, способствующих зарождению фашизма.

Чтобы разобраться в социальной подоплеке фашизма, необходимо учитывать и психологические факторы: состояние умов, систему ценностей людей разных социальных слоев, в том числе и правящих верхов. Процесс монополизации углублял у последних неутолимую жажду полновласти. Колониальные авантюры привили вкус к политическому авантюризму, а опыт жестокого подавления колониальных народов побуждал к политическому экстремизму и в метрополиях.

В эпоху империализма формируется мощная армия революционных сил, нацеленных на свершение социалистической революции, но вместе с тем экономическая и социальная реальность буржуазного общества порождает у отдельных индивидуумов и определенных социальных слоев такие психологические свойства, которыми может манипулировать самая махровая реакция. Прежде всего это относится к мелкобуржуазным и средним слоям, занимающим промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. В период монополистического капитализма их социальные позиции пошатнулись. Мелкой буржуазии казалось, что она находится между двух огней. С одной стороны, она ощущала свою слабость перед монополиями, а с другой — испытывала страх перед набравшим силу организованным рабочим движением.

В «запоздавших» империалистических государствах интенсивная ломка традиционных социально-экономических структур особенно обостряла классовые противоречия и создавала напряженную психологическую ситуацию для многочисленных слоев населения, не успевших адаптироваться в быстро меняющихся условиях.

Ранняя монополизация, прежде всего в Германии и Италии, ставила в трудное положение мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, не успевших экономически и политически консолидироваться в той мере, как, например, аналогичные слои во Франции, где они имели опыт участия в нескольких революциях и многолетнюю школу политической борьбы.

Немецкая мелкая буржуазия по своему политическому развитию значительно отставала от подобных социальных слоев в других западноевропейских странах. «Английский, французский и всякий другой мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким», — отмечал Энгельс¹⁷. Причина, по его словам, кроется в следующем: «В Германии меланство — это плод потерпевшей поражение революции...»¹⁸.

Политическое единство пришло в Германию поздно. Результатом его явились «порядок», «величие», «слава», а мелкой буржуазии особенно свойственно отождествлять себя с нацией и с ее воплощением — государством. Идентификация с мощным кайзеровским рейхом льстила социальному самолюбию мелкого буржуа, насквозь пропитанного в Германии тем духом верноподданничества, который с таким разящим сарказмом развенчал Г. Манн. Не удивительно, что мелкобуржуазные слои в Германии оказались подвержены воздействию реакции и часть их была вовлечена в русло консервативной юнкерско-буржуазной политики.

Идея «национального величия» давала мелкому буржуа (причем не только германскому) компенсацию за пошатнувшиеся экономические позиции. Империалистическая экспансия выглядела конкретной реализацией этой идеи. «Империализм, — пишет прогрессивный западногерманский ученый Р. Кюнль, — являлся, таким образом, одним из важнейших связующих звеньев между мелкобуржуазными массами, которые по многим причинам мечтают о величии нации, и капиталом, который с конца XIX в. был побуждаем к экспансии потребностями самосохранения»¹⁹.

Эффективным рычагом для втягивания массовых слоев в орбиту империалистической политики служил реакционный национализм. Трудно переоценить его роль в подготовке социальной базы фашизма. В то же время нужно иметь в виду, что в распространенных на Западе концепциях национализм изображается своего рода стихийным порывом широких народных масс, который будто бы и подталкивал верхи на путь экспансии. Так, американский историк А. Касселс пишет о «народном национализме», проистекающем из глубоких иррациональных инстинктов масс.

На самом же деле националистическая истерия насаждалась сверху. Наглядным примером может служить Гер-

мания, где запоздавший к разделу мира империализм обрел наиболее агрессивный характер. Там основным разносчиком националистической заразы был основанный в 90-х годах XIX в. Пангерманский союз. Пангерманский союз пропагандировал не только объединение всех немцев под одной крышей, но и, по сути дела, ничем не ограниченную экспансию. Промышленный магнат Э. Кирддорф (это имя еще не раз появится на страницах этой книги), входивший в руководство союза, недвусмысленно высказался на этот счет: «Европейское платье стало для нас слишком тесным»²⁰.

После того как главой союза в 1909 г. стал Г. Класс, еще более упрочились связи пангерманцев с монополистическим капиталом. Тем более что один из руководителей союза — А. Гутенберг возглавил директорат концерна Круппа и вошел в директорат Центрального союза германских промышленников. Не удивительно, что крупную монополию Г. Класс приводил в качестве примера подлинно национального промышленного комплекса.

В «мозговом тресте» союза была широко представлена буржуазная интеллигенция, располагавшая большими возможностями воздействия на массовое сознание. По данным на 1904 г., из 276 членов правления насчитывалось 19 университетских профессоров, учителей и священников — 61, прочих представителей интеллигенции — 62. Если прежде говорили, что прусский школьный учитель одержал победы под Садовой и Седаном (имеются в виду австро-прусская и франко-прусская войны), то теперь с помощью учителей, священников, профессоров, журналистов монополии рассчитывали подготовить массы к борьбе за мировое господство. Достаточно вспомнить хотя бы активную деятельность националистического историка Г. Трейчке.

Пангерманский союз представлял собой своеобразное головное учреждение, от которого тянулись идейно-организационные нити к родственным организациям. Так, в декабре 1913 г. в Германии насчитывалось 3845 местных групп Флотского союза, требовавшего создания мощного флота и неограниченной экспансии на океанских просторах. «Союз рассылал бесплатно многие тысячи экземпляров информационных материалов, организовывал экскурсии учителей и школьников к побережью Северного моря. Благодаря такому размаху своей деятельности, шумихе, поднятой в обществе... Флотский союз представ-

лял для монополий такой рекламный аппарат, каким не располагал ни один другой концерн в мире», — так оценивает роль этой организации Г. Хальгартен²¹.

Националистическую пропаганду вели также Союз сельских хозяев, Германское колониальное общество, Имперский союз против социал-демократии и т. д.

Энергично действовали итальянские националисты. В Италии крикливая националистическая риторика служила взбадривающим средством для слабого, но претенциозного «империализма бедняков» в сравнительно отсталой стране. Националисты стремились подтолкнуть итальянскую буржуазию к более активной борьбе за «место под солнцем», к решительным мерам против социалистов и либеральной демократии, привить ей вкус к «интенсивной», «героической» жизни. «Национальную пользу» они ставили выше социальной справедливости, а реальным воплощением нации объявляли государство, прочное изнутри, способное осуществлять широкую внешнюю экспансию. Сферой вожделений итальянской буржуазии была Адриатика, а также весь бассейн Средиземного моря.

Как и в Германии, национализму в Италии предназначалась роль связующего звена между господствующими классами и массовыми слоями населения. Идея классовой борьбы переносилась на международную арену, ей придавалась видимость борьбы между нациями «молодыми», «динамичными» и «старыми», «одряхлевшими». Причем первые — это нации «пролетарские», а вторые — «капиталистические», «плутократические». Внутри «пролетарской» нации якобы нет места классовым антагонизмам, общие национальные интересы должны объединять всех итальянцев. «Подобно тому как социализм разъяснил пролетариату значение классовой борьбы, мы должны разъяснить Италии значение международной борьбы. Но международная борьба — это же война? Ну что ж, пусть будет война и пусть национализм пробудит в Италии жажду победоносной войны», — заявлял в 1910 г. на первом конгрессе Итальянской националистической ассоциации ее лидер Э. Коррадини²².

Националисты иногда принимали позу борцов против капитализма, но отнюдь не своего, итальянского, а английского, французского, американского. Анализируя книгу Э. Коррадини «Итальянский национализм», В. И. Ленин с предельной ясностью выявил смысл этой, по его сло-

вам, «дрянной книжонки»: «Другие нации грабят много. „Социализм“ состоит в том, чтобы наша маленькая и бедная нация догнала или догоняла грабящих много, чтобы и она пограбила больше!»²³.

Незадолго до первой мировой войны итальянским националистам удалось достичь известного идейно-организационного сплочения. В декабре 1910 г. оформилась Итальянская националистическая ассоциация. «Армию национализма... — отмечает итальянский историк-марксист П. Алатри, — составляла патриотствующая мелкая и средняя буржуазия, но генералами этой армии были крупные промышленники и аграрии»²⁴. Программа националистов, нацеленная на внешнюю экспансию, требовала роста экономики, отказа от либерального принципа свободной торговли в пользу жесткого протекционизма. Она выражала интересы монополистического капитала, который стремился закрепить гегемонию внутри страны и утвердиться на международной арене. Уже для наблюдательных современников была очевидна связь национализма с интересами наиболее динамичных ломбардско-пьемонтских монополий. Однако монополисты и помещики предпочитали оставаться в тени, уступая авансцену специалистам по риторике из рядов буржуазной интеллигенции.

Во Франции националистические тенденции подогревались жадной реванша за унижительное поражение во франко-прусской войне 1870—1871 гг. Французская реакция оперировала идеей «интегрального национализма». Главным ее пропагандистом была крайне правая группировка «Аксон франсэз», сыгравшая существенную роль в генезисе не только французского, но и западноевропейского фашизма в целом. Как в недалеком будущем и фашисты, «интегральные националисты» манипулировали антикапиталистическими лозунгами, содержащими противопоставление «созидательного» национального капитала «паразитическому» еврейскому и иностранному вообще.

Британский национализм, или джингоизм, основывался на прославлении подвигов создателей колониальной империи. Либеральный критик британского колониального империализма Д. Гобсон выделял то обстоятельство, что джингоистские страсти сознательно возбуждались в массах дельцами и политиками, заинтересованными в экспансии. У него вызывало обоснованную тревогу то,

что «джингоизм становится душой особого рода патриотизма, который можно двинуть на какое угодно безумие или преступление»²⁵.

Конкретные исторические факты свидетельствуют о верхушечном происхождении реакционного национализма в империалистических странах. Он органично вписывался в контекст политического курса верхов, получившего наименование социал-империализма. Этот курс предусматривал определенные подачки представителям господствующих наций за счет грабежа колониальных народов в сочетании с националистической пропагандой, культивированием чувства расового и национального превосходства.

Социал-империалистическая политика не была монополией главной колониальной державы — Англии; в тех или иных формах и масштабах ее проводили империалисты других стран.

Хотя внутри социал-империализма имелись определенные тактические различия (одни его поборники делали ставку на социальные реформы, другие рассчитывали главным образом на националистический психоз), в целом он представлял собой политику национальной интеграции на реакционной основе. Это роднит его с фашизмом, выполнившим аналогичную миссию. Характерно, что американский ученый Б. Семмел видит в основателе Британского союза фашистов О. Мосли интеллектуального наследника экстремистского крыла английского социал-империализма²⁶.

Родство между национализмом и фашизмом еще более близкое. Многие идеологические принципы и практические методы реакционного национализма были легко впитаны фашистскими движениями, а в некоторых странах, прежде всего в Италии и Германии, фашизм прямо и непосредственно интегрировал националистические организации в свои ряды. Но следует подчеркнуть, что с самого начала обнаружались те социальные пределы, за рамки которых национализм не смог сколько-нибудь эффективно просочиться. Американский историк Э. Тенненбаум в книге о предвоенном мире признает, что наименьший успех националистическая пропаганда имела среди рабочих²⁷.

Процесс формирования социальных предпосылок фашизма охватывал преимущественно господствующие классы буржуазного общества и его промежуточные слои.

В основе этого процесса лежали объективно присущие империализму социально-экономические тенденции, их психологические последствия, а также целенаправленное манипулирование массовым сознанием со стороны правящих верхов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Ключ к пониманию политических предпосылок фашизма дают ленинские положения об основных типах буржуазной политики. В. И. Ленин указывал, что «буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях»²⁸. Один из них — метод насилия, грубого подавления рабочего движения — определяет существо консервативной политики, другой, делающий ставку на уступки рабочему движению, лавирование и реформы, — существо либеральной политики.

Выявляя основные типы буржуазной политики, В. И. Ленин учитывал сложность политической эволюции, которую пережили как консерватизм, так и либерализм. Интересы этих первоначально противоборствующих идейно-политических течений, представлявших уходящий феодализм и развивающийся капитализм, в значительной мере сблизились в силу необходимости отстаивать господство правящих классов от революционного пролетариата.

Со второй половины XIX в. быстрыми темпами шел процесс социальной диффузии, в результате которого аристократия обуржуазивалась, а буржуазия аристократизировалась. В. И. Ленин подчеркивал, что к началу XX в. консервативная политика «все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической»²⁹.

Вступление буржуазного мира в империалистическую стадию приближало его к эпохе социалистических революций. Хотя лидеры буржуазии, даже самые опытные и проницательные, были не в состоянии осознать глубинные закономерности общественного развития, но интуитивно они в известной мере ощущали глобальность масштаба надвигающейся угрозы их классовому господству. Чтобы

предотвратить ее, они приступают к модернизации тактико-стратегического арсенала буржуазной политики.

Еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, В. И. Ленин обратил внимание на сдвиги внутри как либеральной, так и консервативной политики, вызванные развитием империализма, усилением рабочего и национально-освободительного движений. В связи с нарастанием империалистической реакции диапазон консервативной политики заметно раздвинулся вправо. «Европейская буржуазия, — отмечал В. И. Ленин, — судорожно цепляется за военщину и реакцию из страха перед рабочим движением»³⁰. Империалисты Запада, по словам В. И. Ленина, были готовы «продать любому авантюристу всю свою „цивилизацию“ за меры „строгости“ против рабочих или за лишнюю пятачок на рубль прибыли»³¹.

Процесс монополизации усугублял тягу капиталистов к «твердому порядку», так как при огромных масштабах производства забастовки и другие формы борьбы рабочего класса причиняли им все больший ущерб. По сравнению со сложным механизмом буржуазно-демократического контроля над обществом и производством многим из них авторитарная организация власти представлялась более простой и надежной.

В то же время среди правящих верхов имелись влиятельные фракции, не утратившие веру в эффективность гибкой либеральной тактики. Но в условиях напряженной борьбы с постоянно усиливающимся классовым противником сторонники такого курса начинают осознавать необходимость серьезного обновления традиционных либеральных методов. Наиболее дальновидные из них делают ставку на буржуазное реформаторство, суть которого с предельной ясностью раскрыл В. И. Ленин: «...реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии, *против* революционного ниспровержения этой власти»³².

Таким образом, расширяется диапазон и либеральной политики: «...буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной „передовой“, образованной буржуазии»³³. Сторонники такого курса обычно рассчиты-

вали вовлечь в его орбиту социал-реформистское крыло рабочего движения.

Либерально-реформистский вариант буржуазной политики, рассчитанный на интеграцию рабочего класса в капиталистическую систему с помощью социального лавирования и определенных уступок, еще более усиливал ультраконсервативные, экстремистские тенденции в среде наиболее реакционных фракций господствующих классов. В отличие от традиционных консерваторов, которые обычно не идут на коренные изменения политической надстройки, видят в ней фактор стабильности системы, консерваторы нового, экстремистского типа ищут путь к спасению системы своего классового господства в крутой ломке политических структур. Такой консерватизм до первой мировой войны еще не успел оторваться от пуповины консерватизма традиционного, однако существенные различия между ними уже наметились, и не только в стратегических установках, но и в тактике и методах политической борьбы.

Обусловленный империалистической эпохой поворот к реакции отнюдь не мог предотвратить расширение участия масс в политической жизни, дальнейшее развитие буржуазно-демократических институтов, которыми рабочий класс научился эффективно пользоваться для защиты своих интересов (империалистическая реакция, о чем уже говорилось, была в известной мере ответом на растущее влияние масс). Буржуазия не могла игнорировать это обстоятельство. «Без масс не обойтись,— подчеркивал В. И. Ленин,— а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглирования модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»³⁴.

Подобную систему манипулирования массовым сознанием В. И. Ленин связывал прежде всего с именем искуснейшего английского либерального политика Д. Ллойд Джорджа. Естественно, именно либералы поднапорели в политическом манипулировании, которое в то время уже могло опираться на эффективные средства массовой пропаганды, и в первую очередь на дешевую прессу с ее многомиллионными тиражами.

Возможности манипулирования использовали и консервативные фракции верхов. Подспорьем служил опыт политики бонапартистского типа (Луи Бонапарта, Бисмарка). Проблема вовлечения масс в фарватер реакционной политики особенно занимала сторонников экстремистского консервативного курса, от политики которых до политики собственно фашистского типа не такая уж большая дистанция. Они, в частности, пополняли свой тактический арсенал формами и приемами массовой работы, заимствованными у противников слева: демонстрации, митинги, фестивали и т. д. Оружие манипулирования массовым сознанием оттачивалось в практике проведения социал-империалистического курса, в шумной националистической пропаганде.

Консервативные тенденции были особенно сильны в политике господствующих классов кайзеровской Германии. Здесь буржуазия не имела за плечами опыта победоносной буржуазной революции, из страха перед пролетариатом она пошла на союз с землевладельческой аристократией, уступив ей ведущие позиции, приняв в значительной мере ее политические идеалы. Именно этому обстоятельству огромное значение придавал В. И. Ленин: «В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонию во все время буржуазных революций и он „воспитал“ буржуазию по образу и подобию своему»³⁵. «В конечном результате,— признавал немецкий экономист В. Зомбарт,— у нас так и не создался другой идеал господствующего класса, кроме идеала помещика-дворянина. И высшей целью нашей буржуазии осталось по-прежнему стать юнкером...»³⁶

Следствием этого, по мнению видного буржуазного ученого М. Вебера, явилась политическая ущербность германской буржуазии. Она выросла под крылом аграрной аристократии, а когда та пришла в упадок, не смогла выдвинуть из своей среды новый руководящий слой, который справился бы с решением сложных и достаточно масштабных политических задач³⁷. Не случайно Ф. Энгельс называл политическую структуру бисмарковского рейха мешаниной из полупфеодализма и бонапартизма. Государственный аппарат в Германии обрел высокую степень относительной самостоятельности, так как буржуазия охотно предоставила ему свободу социально-политического маневрирования в благодарности за обеспечение благоприятных условий для наживы.

В сферу взаимоотношений с рабочим классом германские капиталисты стремились привнести тип патриархальных отношений, характерных для юнкерских поместий. Они руководствовались принципом «предприниматель — хозяин в доме», т. е. между ним и рабочими не должно быть посредников в виде классовых профсоюзов, он должен определять производственную и социальную жизнь предприятия. Как и юнкеры, капиталисты пытались насаждать в своих владениях элементы милитаризма, казарменной муштры: «Если предприятие желает процветать, то его следует организовать на военный, а не на парламентский лад»³⁸. Это изречение саарского промышленника Штумма отражало взгляды значительной части германских буржуа.

Рабочему классу капиталисты и их агентура внушали сословно-корпоративистские идеи, убеждали в том, что противоречия между капиталистами и рабочими имеют не классовый, а сословный характер и легко могут быть урегулированы в рамках корпоративной организации — такой, в которую входят представители обеих конфликтующих сторон.

Предприниматели всячески стимулировали создание различных «желтых» профсоюзов рабочих и служащих, видя в них противовес профсоюзам, возникшим по инициативе самих трудящихся.

Успехи социал-демократической партии, профсоюзного движения настолько напугали промышленников, что они не смогли по достоинству оценить те перспективы, которые открывались для них вследствие роста ревизионистских тенденций внутри рабочих организаций. Руководство Центрального союза германских промышленников считало положения программы Э. Бернштейна весьма опасными и не видело повода менять свою прежнюю политику в связи с открытым выступлением ревизионистских элементов в социал-демократической партии.

Крайне консервативные фракции германской буржуазии, выступая вместе с юнкерством, препятствовали либеральным и умеренно консервативным группировкам в их попытках более гибкого социального маневрирования. Западногерманский леволиберальный историк Д. Штегман пишет о «социально-политическом едином фронте» магнатов тяжелой индустрии и консервативных партий и организаций. Причем особая жесткость социально-политического курса отличала магнатов металлургической и

гольной отраслей промышленности. Прочное партнерство сложилось между Центральным союзом германских промышленников и Союзом сельских хозяев — политическим инструментом юнкерства.

С точки зрения этих кругов парламентские методы политической борьбы представляли собой чисто механическую, «не немецкую, кухонную возню»³⁹. Им было тесно в рамках традиционного консерватизма, его идей и тактических принципов. В их пропаганде центральное место занимали такие категории, как «народная общность», «борьба за существование», отражавшие социал-империалистический характер проводимого ими политического курса. Интересно, что пропагандистский аппарат Союза сельских хозяев работал с учетом последних достижений в области массовой психологии, использовал новейшие технические средства, с помощью которых новинки теории немедленно становились достоянием практики. Аристократы-аграрии активно апеллировали к массам, организовывали всякого рода массовые собрания, пропагандистские шествия и т. п.

О крайнем консерватизме аграрно-монополистического блока свидетельствует его оппозиция умеренно-консервативным правительствам Б. Бюлова и Т. Бетман-Гольвега. Кабинет канцлера Бетман-Гольвега (1909—1914), на взгляд ультраконсерваторов, был недостаточно «боевым», слишком либеральным. Даже кайзеру Вильгельму II они приписывали «либеральный мир идей», чуждый консерваторам⁴⁰. По отношению к социал-демократии ультраконсерваторы признавали только политику репрессий. Известный германский экономист, сторонник Бетман-Гольвега Г. Шмоллер в апреле 1912 г. с осуждением высказывался о надеждах ультраконсерваторов на сильного человека, который «смог бы с помощью чрезвычайных законов, государственного переворота и насилия устранить всю современную социал-демократию»⁴¹.

В том же 1912 г. вышла книга главаря националистического Пангерманского союза Г. Класса под многозначительным названием «Если бы я был кайзером...» (с весны 1912 по весну 1914 г. появилось пять ее изданий). Она вполне соответствовала устремлениям лидеров ультраконсервативного течения. Автор предлагал ввести по всей Германии взамен всеобщего избирательного права либо мажоритарную систему, которая, как известно, носит реакционный характер, либо избирательное право по прус-

скому образцу *, только избирателей разделить не на три класса, а на пять. Социал-демократию Класс рекомендовал исключить из политической жизни совсем на основе закона, напоминавшего бисмарковский закон против социалистов **. Удобнее всего, указывал автор, осуществить эти мероприятия после победоносной войны, которая, по его словам, является «возбудителем всех добрых, здоровых, могучих сил в народе»⁴².

Отвоевать массы у социал-демократов Класс рассчитывал не с помощью социальных уступок, а с помощью пропаганды расизма и антисемитизма. Многие положения его книги предвосхищают соответствующие пункты нацистской программы. Гитлер был среди самых внимательных читателей книги Класса. При встрече с лидером пангерманцев в 1920 г. он признал себя его прямым учеником.

Впоследствии граф Вестарп, игравший тогда заметную роль в лагере ультраконсерваторов, вспоминал, что книга Класса воспринималась как «деловой план реформ... Она была очень серьезной и выдвигала широко распространенные тогда идеи»⁴³. Единственной причиной определенной сдержанности финансово-промышленного мира в оценке планов Класса, являлось убеждение, что для их осуществления, нужен «прирожденный вождь». Ни в самом Классе, ни в других реакционных политиках и идеологах он не угадывался.

Очередное поражение реакционных сил на выборах 1912 г. подстегнуло ультраконсервативный лагерь к организационному сплочению на основе выступлений против демократии и социализма. Глава Союза сельских хозяев барон фон Вангенхейм писал Классу летом 1913 г. о необходимости борьбы «против демократии всех оттенков»⁴⁴. Реальным результатом объединительных усилий реакции стал основанный в августе 1913 г. в Лейпциге Картель производительных сословий. В него вошли Центральный союз германских промышленников, Союз сель-

* По реакционной конституции 1850 г. (она действовала вплоть до Ноябрьской революции 1918 г.) избиратели в Пруссии делились на три класса в соответствии с размером уплачиваемых налогов, причем на каждый из этих классов независимо от их численности приходилось по 1/3 мест в ландтаге.

** Исключительное законодательство против социалистов было принято в 1878 г. и продлевалось до 1890 г. Оно предусматривало запрещение практически всей деятельности социал-демократической партии, кроме участия в выборах.

ских хозяев, Имперско-германский союз среднего сословия. Один из главных пунктов программы лейпцигского картеля гласил: «Отпор социал-демократам и социалистическому лжеучению». Антисоциализм тесно сплетался с националистической пропагандой в пангерманском стиле. Тем более что Пангерманский союз превратился фактически во вспомогательную организацию картеля. Взывая к многочисленным слоям мелкой буржуазии, германская реакция, по словам Д. Штегмана, «пыталась создать широкий базис для антидемократической консервативной политики»⁴⁵. Другой западногерманский леволиберальный историк — Г. Ю. Пуле приходит к обоснованному выводу о том, что с 90-х годов XIX в. внутри консервативного лагеря формируется широкий фронт, «который можно охарактеризовать как германский префашизм»⁴⁶.

Итак, накануне первой мировой войны в Германии сложилось довольно широкое внепарламентское движение, ставившее перед собой далеко идущие цели: либо заставить правительство проводить крайне консервативный курс, либо свергнуть его посредством государственного переворота (предполагалось заменить Бетман-Гольвега адмиралом Тирпицем или каким-нибудь генералом). И в программных положениях, и в тактике лейпцигского картеля и стоявших за ним политических сил нетрудно разглядеть черты, во многом предвосхищающие нацистское будущее.

В политическом развитии Италии было много общего с политическим развитием Германии. Обе страны синхронно достигли политического единства, причем лишь к последней трети XIX в., т. е. с большим запозданием по сравнению со своими соседями. И в том и в другом случае объединение осуществлялось сверху. И в Италии и в Германии буржуазия не была заинтересована в значительном продвижении вперед по буржуазно-демократическому пути, не без основания опасаясь, что это окажется на руку пролетариату. В Италии она делила власть с могущественными аграриями, там сложился блок капиталистов Севера с латифундистами Юга. Вследствие запоздалого выхода на политическую сцену и германская и итальянская буржуазия не успела овладеть навыками политического искусства в такой мере, как буржуазия Англии, Франции и некоторых других западноевропейских стран, гораздо раньше вступивших на путь капиталистического развития.

Но при всех бросающихся в глаза чертах сходства политическому развитию Италии и Германии присущи также и существенные различия, которые не дают оснований связывать возникновение фашизма и приход его к власти в этих двух странах главным образом с общностью их исторических судеб.

Английский ученый А. Литтлтон обращает внимание на тот факт, что в процессе объединения Германии «авторитарный Восток», т. е. Пруссия, доминировал над либеральными Югом и Западом, а в Италии объединение стало делом самого передового на полуострове государства — Пьемонта. Кроме того, поскольку Пьемонтская монархия не снискала себе военной славы и потерпела поражение в схватке с парламентом, возник режим достаточно либеральный⁴⁷.

Хотя объединение Италии произошло сверху, в Италии был Гарибальди. Да и граф Кавур существенно отличался от Бисмарка. Его политический курс отражал спектр позиций итальянской буржуазии от умеренного консерватизма до умеренного либерализма. Все существовавшие группировки он стремился слить воедино в широком партийно-политическом блоке. Идеалом Кавура являлась двухпартийная система на английский лад (вести ее в итальянских условиях оказалось невысказанным делом, так как господствующие классы еще не успели консолидироваться и буржуазия отличалась крайней разобщенностью).

Наряду с особенностями, возникшими в результате процесса объединения Италии (раскол на сторонников «либеральной» монархии, республиканцев и клерикалов), следует отметить также вообще свойственный итальянским господствующим классам дух приспособленчества и вульгарного макиавеллизма — порождение долгих лет раздробленности и чужеземного владычества, когда вершине итальянских государств приходилось плести замышляемые кружева интриг ради достижения ничтожных местнических интересов.

Определенный провинциализм, узость политического кругозора, отсутствие масштабного подхода к коренным политическим проблемам, низведение политики до уровня политиканства создавали почву для самых беспринципных политических комбинаций, которые затрудняли формирование партийно-политической структуры.

В Италии после объединения не сложились буржуазные политические партии с более или менее четко выра-

женными признаками партийной организации. Их роль выполняли региональные и персональные группировки, в задачу которых входила мобилизация весьма немногочисленных (до 1912 г.) избирателей. Политический облик этих организаций был очень расплывчатым — все их члены именовали себя либералами. Деление на «правых» и «левых» являлось достаточно условным, так как «левые», придя к власти, заимствовали в основном политический курс у «правых».

Знаток и активный участник итальянской политической жизни Г. Де Руджиеро говорил о «нивелировке и смешении партий, результатом чего явилось формирование аморфной, в сущности аполитичной, массы, представлявшей собой великолепный материал для способного алхимика из числа тех немногих людей, которые сменяли друг друга у власти. Эта масса сохраняла название либералов точно так же, как обычно сохраняли дворянские титулы находившиеся в упадке родовитые семейства». Далее он констатирует: «Любое различие между той или другой партией не могло сохраниться при наличии практики трансформизма...»⁴⁸.

Трансформизм — специфически итальянское явление. Под ним подразумевается идейно-политическая трансформация левых буржуазных группировок, постепенно отходящих от демократических принципов и сползающих вправо, на консервативные позиции. Глубинной причиной этого процесса явилось создание реакционного блока крупных помещиков и капиталистов, приводившего политику различных верхушечных группировок к единому консервативному знаменателю. Амплитуда колебаний политического маятника в Италии ограничивалась рамками трансформизма.

Однако консервативная политика принимала в Италии резкие формы и доминировала на протяжении длительных периодов. Достаточно вспомнить последнее десятилетие XIX в., отмеченное не прекращавшимися репрессиями властей против рабочего движения. В 1894 г. Ф. Энгельс писал, что «из всех европейских государств Италия является страной, где все политические болезни протекают в наиболее острой форме: с одной стороны, прямой бунт, с другой — необузданная, свирепая реакция»⁴⁹.

К началу XX в. стало ясно, что консервативная линия 90-х годов не принесла успехов ни внутри страны, ни за ее пределами. Еще более обострились социальные проти-

воречия, еще более широкие масштабы приобрела борьба трудящихся масс за свои права. Поражение, которое войска эфиопского императора Менелика нанесли итальянцам под Адуа в 1896 г., поставило под сомнение честолюбивые экспансионистские планы итальянского империализма. «После кровавого десятилетия 1890—1900 годов, — писал А. Грамши, — буржуазия была вынуждена отказаться от диктатуры чересчур неограниченной, чересчур насильственной, чересчур прямой...»⁵⁰. Настала «эра Джолитти».

Именно Джолитти — ловкому и хитроумному политику — выпала историческая миссия создания итальянского варианта либеральной буржуазной политики. А. Грамши писал, что суть джолиттианского курса — «промышленный блок капиталистов и рабочих без всеобщего избирательного права». Джолитти ратовал «за таможенный протекционизм, за сохранение государственной централизации, в которой выражается господство буржуазии над крестьянами, особенно крестьянами Юга и островов, за реформистскую политику в области заработной платы и профсоюзных свобод»⁵¹. Центральная идея курса Джолитти — интеграция рабочего класса в существующую систему с помощью реформистского крыла Социалистической партии (однако в реформистах он видел не равноправных партнеров, а всего лишь инструмент собственной политики).

Деятельность Джолитти, бесспорно крупнейшего буржуазного политика своего времени, с особой выразительностью продемонстрировала ущербность итальянского либерализма. Эффект проведенных Джолитти реформ, прежде всего в области социального законодательства, в значительной степени был ослаблен цинизмом его политических методов. Коррупция, шантаж, административное принуждение — все эти приемы энергично использовались им в сложной политической игре. В его политической практике элементы либерализма смешивались с изрядной дозой консерватизма. Он оставался в русле трансформизма, заняв в его рамках «левую» позицию.

Либеральная политика Джолитти не дала задуманного эффекта как вследствие внутренней противоречивости, так и по той причине, что реформистское крыло Социалистической партии, склонное к сотрудничеству, потерпело в 1912 г. жестокое поражение. Провал либерального эксперимента Джолитти вызвал новое оживление консерватив-

ных тенденций в правящих верхах, укрепил их убеждение в том, что насилие — более надежное средство, чем социальное маневрирование.

Энергичными поборниками насильственного курса были националисты. Отсутствие собственно консервативной партии позволяло им привлекать сторонников правоэкстремистского курса, которых не удовлетворял либеральный курс. Вместе с тем националисты сохраняли известную свободу для маневра влево, пытались заразить национализмом рабочее движение. Близко подошел к пониманию подлинной роли националистов итальянский исследователь Л. Сальваторелли, который писал о «динамичном» консерватизме как о характерной черте итальянских националистов. Основная цель такого рода консерватизма — решительное изменение ситуации в противовес левым силам, его характерная черта — тяга к экстремистским методам политической борьбы⁵². Например, в июньские дни 1914 г. во время знаменитой «красной недели» * националисты пытались дать бастующим пролетариям сражения на улицах крупных городов, собирая под свои знамена мелкую буржуазию и люмпен-пролетариат, особенно многочисленный в столице.

Националистам удалось проникнуть в синдикалистскую ветвь итальянского рабочего движения. Синдикалистов навстречу националистам толкнула их жажда «прямого действия», не подчиненного научно обоснованной революционной цели (рычагом «прямого действия» и основной формой организации рабочего класса синдикалисты считали профсоюзы). В. И. Ленин расценивал итальянский синдикализм как крайнее направление, совсем уходящее прочь от социализма⁵³.

Нашла отклик у синдикалистов идея борьбы пролетарских и плутократических наций. В. И. Ленин отмечал созвучие между высказываниями Э. Коррадини и одного из синдикалистских лидеров — Артуро Лабриолы, который, по словам Ленина, так интерпретировал Ливийскую войну: «... мы боремся не только против турок... но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее ее железную гегемонию»⁵⁴.

* Под этим названием вошли в историю массовые антимилитаристские демонстрации и забастовочные бои итальянских трудящихся 8—14 июня 1914 г.

С националистами синдикалистов сближало и решительное отрицание либеральной демократии. Тот же Артуро Лабриола, соглашаясь с определением, данным синдикализму Коррадини, писал: «Синдикализм довольно удачно определили как вид рабочего империализма. Действительно, в синдикализме выступают те же волевые и наступательные тенденции, которые есть в капиталистическом империализме. У синдикализма имеется то же презрение к сентиментальной и гуманитарной демократии...»⁵⁵. Конечно, в отличие от националистов, борющихся против либеральной демократии справа, синдикалисты делали то же самое с левых позиций.

Взаимопереплетение национализма и синдикализма порождало сильно действующую взрывчатую идеологическую смесь, которую советский историк Б. Р. Лопухов с полным основанием классифицировал как «специфически итальянский „вариант национального социализма“»⁵⁶. Но в организационном плане слияния этих течений в то время не произошло. Только через несколько лет их представители сошлись вместе в рядах фашистского движения. По соглашению 26 февраля 1923 г. Националистическая ассоциация вступила в фашистскую партию. Ее лидеры Э. Коррадини, Л. Федерцони, А. Рокко и другие заняли видные места в фашистской иерархии. Но если националисты в полном составе объединились с фашистами, то синдикализм в русле фашизма был представлен отдельными индивидуумами (правда, весьма активными и влиятельными), например М. Бьянки, Э. Россони, А. Оливетти, С. Панунцио и др. Синдикалистская струя придавала впоследствии фашизму оттенок левизны, что постоянно обыгрывалось официальной фашистской пропагандой с целью воздействия на сознание трудящихся.

Соприкосновение синдикализма с национализмом имело еще одно важное следствие: родилась идея объединения синдикатов рабочих и синдикатов предпринимателей по отраслям. Руководящие органы каждой такой отраслевой корпорации должны были представлять, по мысли теоретика националистов А. Рокко, общие интересы предпринимателей и рабочих, а сенат — интересы корпорации в общенациональном масштабе. Тем самым предполагалось достижение двух целей: во-первых, ликвидировать классовые антагонизмы, а во-вторых, свести до минимума конкуренцию внутри страны, чтобы сосредоточить усилия

на завоевании внешних рынков. Таким образом, нация превратилась бы в «общество производителей», спаянное воедино общностью корпоративных интересов и жесткостью корпоративной дисциплины.

Корпоративистским тенденциям принадлежит заметная роль в генезисе итальянского фашизма. Они заняли прочное место в его теории и практике. Присущи они были и фашистским движениям в других романских странах, что объясняется существованием в них течений, родственных итальянскому синдикализму и национализму, а также влиянием католической церкви, которая с конца XIX в. в борьбе против социализма приняла на вооружение корпоративистскую систему взглядов.

Накануне первой мировой войны националистические идеологи и политики разрабатывали планы организации антидемократического правого картеля с участием клерикалов, которые должны были обеспечить массовую базу. Тем самым они хотели лишить опоры сторонников либеральных реформ, а главное — нанести поражение социалистам.

Было бы серьезной ошибкой ограничивать почву, на которой вызревали эмбрионы фашизма, пределами тех стран, где он достиг наиболее полного развития.

Тенденция к реакции «по всей линии» наметилась и во Франции. Но здесь ее воздействие по сравнению с Германией и Италией скрывал довольно высокий уровень развития буржуазной демократии, достигнутый в значительной степени вопреки самой буржуазии. Благодаря активности пролетариата и демократических буржуазных элементов в итоге четырех революций французская буржуазия, по словам В. И. Ленина, «вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»⁵⁷. Именно этим французская буржуазия отличалась, например, от буржуазии германской, «перевоспитанной» юнкерством. Именно это в значительной мере обуславливало особенности политического устройства страны. «Во Францию, — подчеркивал В. И. Ленин, — гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоёвал себе пролетариат в разных сочетаниях с „левобюрократскими“ элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»⁵⁸. Историки улавливают определенные черты, присущие движениям фашистского ти-

па (прежде всего способность мобилизовать массы для осуществления реакционных целей), в буланжизме — своеобразном явлении французской политической жизни конца 80-х годов XIX в. Военный министр генерал Буланже сумел нажить политический капитал безответственными воинственными выступлениями против бисмарковской Германии. Если в Германии шовинистические тенденции выросли из упоения победой, то стремление к реваншу было не менее сильным стимулом для аналогичных тенденций во Франции. Этим и воспользовался Буланже, гордившийся репутацией «генерала-реванша». Но генерал претендовал на нечто большее: на роль диктатора. Он, заигрывая с массами, сумел привлечь симпатии значительной части населения столицы.

Лагерь буланжистов отличался чрезвычайной пестротой. Здесь можно было найти и клюнувших на генеральскую демагогию «левых», а также бонапартистов, монархистов разного толка, надеявшихся ликвидировать республику. Буланже эксплуатировал бонапартистскую традицию, миф о «генерале-спасителе». Он вступил в тайный договор с крайне правыми монархическими элементами, опираясь на их финансовую помощь. В начале 1889 г., после триумфального избрания депутатом от Парижа, Буланже все-таки не решился осуществить государственный переворот и бежал за границу. Так, Франция, как сказал Ф. Энгельс, переболела «цезаристской лихорадкой». Буланжизм скомпрометировал идею цезаристско-бонапартистской диктатуры, уменьшил шансы на успех других кандидатов в дезари и бонапарты.

Буланжистская эпопея в историческом плане, во-первых, привела к тому, что французская реакция преждевременно израсходовала часть своего потенциала, который пригодился бы ей в большей мере для будущего, а во-вторых, способствовала укреплению буржуазно-демократических порядков. После очередной ожесточенной схватки между силами демократии и реакции в связи с делом Дрейфуса верх окончательно взяли сторонники либеральной буржуазной политики, главными проводниками которой были представители левобуржуазной партии радикалов.

Тот факт, что французские правящие круги стали специализироваться на политике либерального типа, отнюдь не исключал применения ими насилия. Ни либеральная, ни консервативная политика не встречаются в абсолютно

чистом виде. Французские радикалы не стеснялись использовать против революционного движения репрессивные методы.

«„Радикально-социалистическое“ министерство Клемансо-Бриана, — отмечал в 1908 г. В. И. Ленин, — насильничает не хуже конкерски-консервативного министерства Бюлова»⁵⁸. Но курс на перманентное насилие, на экстремистские консервативные методы не находил поддержки даже у правобуржуазных политических партий. «В стране с классическим парламентским строем, — писал А. Грампи, имея в виду Францию, — „нормальное“ осуществление гегемонии характеризуется сочетанием силы и согласия, принимающих различные формы равновесия, исключаящие слишком явное преобладание силы над согласием; напротив, пытаются даже добиться видимости того, будто сила опирается на согласие большинства...»⁵⁹

Носителями реакционного экстремизма наряду с военно-аристократической кастой были политические лиги разнообразных оттенков. Их связывал главным образом шовинистический национализм, который усиливался по мере роста империалистических противоречий. «Республиканец, бонапартист, легитимист, орлеанец — это только имена. Фамилия же у всех одна — „патриот“», — так говорили о себе члены лиг, отождествляя понятия «патриотизм» и «национализм», демагогически используя славные традиции Франции, в том числе и якобинский патриотизм. Члены лиг нередко пускали в ход и антикапиталистическую демагогию. Как и у германских националистов, она оборачивалась элементарным антисемитизмом.

Характерно, что члены «Антисемитской лиги», чьим президентом был Э. Дрюмон, называли себя национал-социалистами. Что касается маркиза де Море, то он даже заслужил титул «первого национал-социалиста», которого его удостоил духовный отец французского национализма литератор М. Баррес.

В политических воззрениях самого Барреса обнаруживаются черты, свойственные национал-социализму. Об этом пишет, в частности, и американский историк Р. Сауси, который считает отличительным признаком барресовского национал-социализма «его стремление свести на нет классовый конфликт между рабочими и буржуазией и достигнуть социального согласия под националистической крышей»⁶¹. Корпоративное государство, по

мнению Барреса, должно было заменить некомпетентный парламентаризм Третьей республики.

Ключевая роль среди многочисленных крайне правых группировок по праву принадлежала «Аксьон франсэз». Она оформилась в конце XIX в., когда во Франции кипели страсти вокруг дела Дрейфуса. В ее рядах сошлись все враги республики, демократии и социализма: монархисты всех оттенков, члены различных лиг, бывшие буланжисты и т. п. Идеино-политическая программа «Аксьон франсэз» — интегральный национализм — включала такие компоненты как классовый мир, строгая иерархия, корпоративная организация общественной жизни под эгидой монархии.

Самой известной и влиятельной фигурой правого лагеря становится лидер «Аксьон франсэз» Ш. Моррас. Писания Морраса проникнуты тоской по «старому порядку», сметенному еще Великой французской революцией. Моррас мечтает о реставрации монархии с помощью новоявленного генерала Монка*. Поэтому надежды Морраса связаны с армией. Правда, не обязательно ожидаемый им Монк должен быть военным. В такой роли мог бы выступить и гражданский политик.

Было бы заблуждением считать Морраса чудачком, страдающим ностальгией по безвозвратно упущенному прошлому. «Краеугольный камень его доктрины не монархизм, а решительный антидемократизм», — верно подметил американский историк Э. Тенненбаум⁶². Моррасу принадлежит такой афоризм: «Есть только одно единственное средство улучшить демократию — это уничтожить ее». Моррасовский король более похож на бонапартистского или даже фашистского диктатора, чем на традиционного монарха. Монархизм в его интерпретации предвосхищал фашистский принцип «вождизма». Сомнительным казался моррасовский роялизм даже претенденту на королевский трон графу Парижскому. В 1912 г. он говорил о Моррасе и его ближайшем приспешнике Л. Доде, что они «не истинные роялисты... Они не служат монархии, а используют ее для удовлетворения своих амбиций или сведения своих литературных счетов»⁶³.

В борьбе с политическими противниками «Аксьон франсэз» использовала отряды «королевских молодцов»,

* Генерал Монк вскоре после смерти Кромвеля способствовал реставрации династии Стюартов на английском престоле (1660 г.).

в которых нетрудно различить прообраз фашистских сквадристов или штурмовиков.

Моррас не скрывал, что не верит в возможность установления желанной формы власти конституционными методами и провозглашал необходимость политического насилия в форме государственного переворота.

Не удивительно, что Моррас, этот убежденный реакционер, нашел позднее в фашизме воплощение многих собственных идеалов (в годы войны он вместе со своими людьми, естественно, оказался в лагере коллаборационистов). «Методичное и счастливое желание объединить все человеческие факторы национального производства: предпринимателей, служащих, специалистов, рабочих... Именно фашизм объединяет людей с целью их примирения», — так воспевал Моррас муссолиниевский режим⁶⁴.

Конечно, Муссолини импонировал ему больше, чем Гитлер. Моррас опасался, что нацистский расизм мог быть обращен не только против евреев и славян, но и против «латинской расы». Симпатии Морраса на стороне пиренейских фашистских диктаторов Франко и Салазара. В генерале Франко он видел современного Монка. Данью признания патриарху европейской реакции со стороны Франко стало избрание Морраса в испанскую Королевскую академию. После смерти Морраса в 1952 г. его именем была названа одна из улиц Мадрида.

«Аксьон франсэз» — важное звено в процессе генезиса европейского фашизма. Ее идеология отражает генетическую связь между фашизмом и традиционной консервативной реакцией. Именно поэтому буржуазные историки, трактующие фашизм как явление «революционное» (Ю. Вебер, Э. Тенненбаум и др.), стремятся преувеличить дистанцию между «Аксьон франсэз» и фашистскими движениями. Действительно, в отличие от фашистов она ставила своей целью не столько «прямое действие», сколько пропагандистскую подготовку к нему. Для нее характерен откровенный элитаризм. Она не прилагала энергичных усилий для завоевания масс. Между 1910 и 1926 гг. ее численность колебалась в пределах 30—40 тыс. членов. Среди них примерно 15% составляли мелкие дворяне, 10% — священники и монахи, около 50% — адвокаты, учителя, офицеры, профессора и т. д. «Аксьон франсэз» выполняла миссию интеллектуального генштаба реакции. Через ее школу прошли представители всех течений французского фашизма: лидер «франсисов» М. Бюкар,

главные фигуры «литературного фашизма» П. Дрие ля Рошель и Р. Бразийяк, будущие «кагуляры» и вишисты.

И теория и практика «Аксон френсэ» получила отклик за пределами Франции, прежде всего в романских странах. Их влияние испытали бельгийские рексисты, фашистские группы из франкоязычных кантонов Швейцарии, румынские фашисты. Под непосредственным влиянием «Аксон френсэ» в Португалии в начале XX в. возникли такие контрреволюционные течения и организации, как Лузитанский интегрализм и Академический центр христианской демократии при Коимбрском университете. Им принадлежала важная роль в генезисе португальского фашизма. С академическим центром связан длительный период деятельности профессора Коимбрского университета Салазара; интегралистом был его преемник на посту диктатора — Каэтану.

У французского фашизма была своя собственная и довольно разветвленная идейно-политическая генеалогия. «Если фашизм не достиг успеха во Франции в 20-х и 30-х годах,—справедливо заметил американский историк Р. Сауси,—то уж, во всяком случае, не потому, что фашистские и профашистские идеи не имели четко различных корней во французской политической и интеллектуальной традиции»⁶⁵.

Сравнительно высокая степень политической стабильности, общественная структура с явным преобладанием рабочего класса над мелкобуржуазными слоями, тактическое искусство английской буржуазии ограничивали возможности вызревания и распространения фашизма в Англии. Но эмбрионы его появились и там. Это было прежде всего обусловлено специфическим колониальным характером британского империализма. О генетической связи между фашизмом и реакционной политикой социал-империализма уже говорилось.

Сложилась в Англии и экстремистско-консервативные тенденции, чему в значительной мере способствовала острота борьбы между либеральной и консервативной линиями. Особенно напряженной оказалась схватка по ирландскому вопросу. Уступки либерального кабинета вызвали решительное противодействие со стороны консерваторов-экстремистов во главе с Э. Карсоном. Они грозили правительству восстанием, вооружали отряды так называемых ольстерских волонтеров, которых В. И. Ленин охарактеризовал как «черносотенную банду Карсона»⁶⁶.

В марте 1914 г. многие офицеры отказались повиноваться правительству, пытавшемуся перебросить войска в Ольстер. «Эти аристократы,—писал В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием событий,—поступили как революционеры *справа* и тем разорвали все и всякие условия, все покровы, мешавшие народу видеть неприятную, но несомненную действительность классовой борьбы»⁶⁷.

Ольстерцев считали своими предтечами люди Мосли. Ведущий идеолог Британского союза фашистов У. Аллен с восхищением писал о тех консерваторах, которые в период ольстерского кризиса «были готовы противостоять парламентскому большинству с оружием в руках». В Карсоне, а также в глашатае социал-империализма Родсе Аллен видел прообразы вождей фашистского типа. Он только сожалел, что эти люди родились слишком рано⁶⁸.

Все же экстремистские тенденции в английском консерватизме не нашли прочного организационного воплощения, не вылились в определенную идейно-политическую программу. В отличие от Германии, Италии и некоторых других государств в Англии консервативный экстремизм не был постоянно действующим фактором, а давал о себе знать эпизодически, главным образом в связи с ольстерскими событиями. Ультраконсерваторы были не в состоянии решающим образом повлиять на курс консервативной партии; в ней взяла верх гибкая линия на консолидацию господствующих классов. Следствием этого явилось сближение консерваторов с либералами и образование в годы первой мировой войны либерально-консервативной коалиции.

К предшественникам английского фашизма, кроме ольстерцев, историки относят Лигу британских братьев, основанную в 1902 г. Эта организация имела черты сходства с современным Национальным фронтом. Выступая под лозунгом «Англия для англичан!», лига требовала ограничения иммиграции, вела антисемитскую пропаганду. В связи с генезисом британского фашизма можно назвать и возникшую в 1915 г. Британскую имперскую лигу.

Авторитарные тенденции возникли и в Соединенных Штатах Америки. В специфических условиях этой страны, где процесс монополизации шел весьма интенсивно, они первоначально проявились не на общегосударственном уровне (т. е. не в форме попыток пересмотра консти-

туции и установления режима диктаторского типа), а на уровне отдельных монополий.

Монополистическая буржуазия стремилась к безраздельному контролю над своими «промышленными вотчинами», не останавливаясь перед организацией внутризаводской полиции, широким использованием частных сыскных агентств (среди них особую «известность» снискало агентство Пинкертон), гангстерских шаяек, терроризировавших рабочих и их семьи. Вот что писал о людях Пинкертон редактор одной из рабочих газет в середине 80-х годов XIX в.: «Эти особые частные вооруженные силы не находятся на службе правительства Соединенных Штатов или какого-то отдельного штата. Их содержат для оказания помощи тем корпорациям или капиталистам, которым могут понадобиться их услуги для подавления забастовок, вызванных эксплуатацией рабочих монополиями»⁶⁹. Именно отсюда, а не от эпохи «освоения Запада» идет тот культ насилия, который стал специфической чертой американского образа жизни.

Такого рода тенденции могли бы повлечь за собой гораздо более опасные последствия, если бы не специфика американского рабочего движения, присущие ему политические слабости, позволившие монополистической буржуазии добиться многого своими собственными силами и в рамках существующих государственных порядков.

Нетрудно заметить, что в странах с давними буржуазно-демократическими традициями предпосылки фашизма были выражены слабее, чем в «запоздавших» Германии и Италии, т. е. сказывалась прежде всего неравномерность политического развития. Англия, Франция, Скандинавские страны, Бельгия и Голландия сумели продвинуться по буржуазно-демократическому пути еще в период домонополистического капитализма, когда буржуазия нуждалась в демократии для закрепления своего господства в борьбе с феодально-аристократическими соперниками. Когда же в эпоху империализма буржуазия здесь стала тяготиться созданной ею же самой демократической законностью, у нее оказалось меньше возможностей для канувания реакции «по всей линии». Однако и тут в канун первой мировой войны достаточно остро проявился кризис либеральной политики, усилилась тяга верхов к репрессивным методам.

Поворот к реакции, сопровождавший процесс становления империализма, в области культуры выразился прежде всего в потускнении идеалов просвещения и гуманизма.

Распад традиционных гуманистических ценностей явился ключевым фактором формирования духовной и морально-этической почвы, на которой вырос фашизм. Если экономические, политические и социально-психологические процессы создавали предпосылки фашизма на социальном уровне, то реакционные тенденции в буржуазной культуре эффективно срабатывали не только на уровне общественного, но и индивидуального сознания, подготавливая отдельных индивидуумов к восприятию негативных ценностей, активным носителем которых был фашизм. «Человеконенавистничество, в том числе фашизм, — отмечает советский ученый А. И. Титаренко, — нравственно-психологически вырастает из отрицательной внутридуховной диалектики морального выбора субъекта, а не только из социальных условий империализма»⁷⁰.

Переоценке подверглась вся система ценностей, оформившаяся в эпоху «классического» либерализма, в эпоху свободной конкуренции.

Раньше и основательнее других, еще в 80-х годах XIX в., это проделал немецкий философ Ф. Ницше. Советский исследователь ницшеанства С. Ф. Одуев называет Ницше «первым среди буржуазных идеологов (и по времени, и по рангу) обличителем половинчатости и нерешительности либеральной буржуазии»⁷¹. «Дряблый, дряхлеющий либерализм» вызывал ненависть Ницше не только сам по себе, но и потому, что он казался слишком слабым перед лицом грозного врага — социализма. «Пример Ницше, — отмечает ученый-марксист В. Хайзе, — показывает, что философское сознание кризиса отражает, во-первых, существующие и постоянно усиливающиеся элементы общего кризиса капитализма еще до его наступления и предвосхищает этот кризис в ожидании будущих катастроф и потрясений, которые угрожают буржуазному обществу, кажущемуся еще стабильным»⁷².

Творчество Ницше — настоящий гимн насилию и войне. Он презрительно отмечает все традиционные ценности: добро, справедливость, гуманность. Они годятся, по его утверждению, лишь для «рабов», а расе господ дозво-

лено все; ей дано право на насилие и жестокость. Советский ученый А. И. Титаренко считает, что в данном случае речь идет о сознательной ориентации на негативные ценности, своего рода антиидеи.

Эта ницшеанская тенденция получила дальнейшее развитие в фашистской идеологии и пропаганде, которые воздействовали на массовое сознание, переименовывая социальные явления и ценности. «Мир значений, — отмечал польский писатель С. Лем, — был перевернут: позиции добра и зла, чести и бесчестия, добродетели и греха поменялись местами»⁷³. Причем переименование ценностей Ницше осуществил с несомненным литературным блеском. Под его обаяние наряду с убежденными реакционерами попадали и левозкстремистские элементы, плененные внешней радикальностью его суждений. Им нетрудно было войти в роль «сверхчеловеков», так как эта ницшеанская категория не имеет четкой социальной характеристики и под нее можно было подвести в конечном счете кого угодно.

Сила и долговечность влияния ницшеанства в значительной степени объяснялись и тем обстоятельством, что в творчестве Ницше содержались элементы, по сути дела, всех реакционных концепций, надолго опутавших мир буржуазной культуры и идеологии. Ницше сумел синтезировать и облечь в яркую и сравнительно доступную форму социал-дарвинизм и иррационализм, теории «элиты» и «массового общества». Практически на все течения буржуазной реакционной мысли лег отпечаток ницшеанства.

В первую очередь это относится к теориям «элиты» и «массового общества». Среди их авторов — выходцы из разных стран, например француз Г. Лебон, итальянцы В. Парето и Г. Моска, немец М. Вебер, испанец Х. Ортега-и-Гассет.

Конечно, теории, противопоставляющие элиту толпе, имеют древнее происхождение, но в эпоху империализма, когда формировалась новая элита в виде финансово-промышленной олигархии, когда резко возросла политическая роль масс, они обрели качественно новые признаки, прежде всего воинствующий антигуманизм. Важным составным элементом элитарных теорий стала идея манипулирования массами в интересах правящих верхов.

Глубокого презрения к массам — толпе — исполнены произведения современника Ницше Г. Лебона. «Цивилизации создавались и оберегались маленькой горсткой ин-

теллектуальной аристократий, никогда толпой, — писал он. — Сила толпы направлена лишь к разрушению»⁷⁴. Толпа руководствуется бессознательным инстинктом. Она способна воспринимать лишь упрощенные до предела идеи. Чтобы увлечь толпу, нужно обращаться не к ее разуму, которого нет, а к ее воображению. Она топчет слабых и преклоняется перед сильными: «Тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться»⁷⁵. Не случайно эссе Лебона зачитывались Муссолини и Гитлер.

Итальянский социолог В. Парето в своих сочинениях в отличие от Лебона первостепенное внимание уделил не массе, а элите. Борьба элит — вот ось социальной истории; масса не более чем инструмент в их руках. Элита же, по Парето, распадается на два типа: лисиц и львов, в процессе борьбы сменяющих друг друга⁷⁶. Образы, замаскированные у Макиавелли, фактически отражают реальное чередование либеральных и консервативных методов отставания классового господства буржуазии. Из трудов Парето явствовало, что в первые десятилетия XX в. как раз назрела необходимость свержения слабых лисиц, делающих ставку на хитрость и маневрирование, могучими львами, предпочитающими идти напролом. Если лисиц сковывает всеразъедающий скепсис, то львы преисполнены веры и решимости — качеств, необходимых, на взгляд Парето, для спасения существующих порядков.

Рост социально-экономической и политической неустойчивости буржуазного мира порождал сомнение в стабильности и закономерности бытия в возможности предвидения хода исторических событий и процессов, т. е. если говорить в более широком смысле, в возможности познания общественной жизни. Отсюда и неверие в познавательную силу разума, иррационализм. Свойственный периоду поступательного развития капитализма культ разума уступил место иному кумиру — интуиции. Иррационализмом и интуитивизмом пропитались самые разнообразные течения реакционной культуры и философско-социологической мысли, создаваемые ими произведения и концепции.

Наиболее популярным теоретиком интуитивизма был французский философ А. Бергсон, которого в начале XX в. титуловали «князем современной философии». С Ницше Бергсона роднило то обстоятельство, что его произведения

облечены в прекрасную литературную форму. Известный английский философ Б. Рассел сравнивал учение Бергсона с образной эпической поэмой, «в основу оценки которой должны быть положены эстетические, а не интеллектуальные критерии»⁷⁷. Интересно, что в 1927 г. французский философ получил Нобелевскую премию... в области литературы.

Бергсон отдает предпочтение интуиции перед интеллектом потому, что, по его мнению, только благодаря интуиции и можно проникать в сущность вещей. Причем наряду с интуицией, опирающейся на научные знания, Бергсон признает и мистическую интуицию. Бергсоновский антиинтеллектуализм производил особое впечатление оттого, что его проповедовал один из самых рафинированных интеллектуалов эпохи. Возможности интеллекта, по Бергсону, ограничены в основном познанием неодушевленной материи, а жизнь, вообще все живое познается посредством интуиции. Если свойствами интеллекта являются умозрительность, пассивность, то свойствами интуиции — активность, действие. «В целом бергсонизм, — пишет советский ученый В. Н. Кузнецов, — способствовал усилению в искусстве антиреалистических тенденций, а в политике — авантюризма и волюнтаризма»⁷⁸.

Не удивительно, что в бергсолизме нашли философское оправдание стихийного политического действия французские анархо-синдикалисты. Речь идет о специфической ветви синдикалистской идеологии, которая сыграла определенную роль в процессе генезиса фашизма практически во всех романских странах. Она связана с именем Ж. Сореля, плодовитого публициста, претендовавшего на роль ученого. Взгляды Сореля отличались исключительным эклектизмом. Поэтому из его писаний извлекали ценное для себя и крайне правые, и левачьи элементы.

Сорель призывал рабочий класс к «прямому действию», кульминацией которого должна стать всеобщая стачка. Всеобщая стачка провозглашалась им одновременно и средством и целью. В сущности, это понятие было лишено всякого реального содержания. Призывом к всеобщей стачке следовало, по мысли Сореля, просто (вспомним Лебона) привести в движение массу, побудить ее к действию (недаром в лебоновском анализе поведения толпы Сорель находил много верного).

«Слепая вера в чудодейственную силу всякого action

directe*»; выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа...» — вот что характерно, по словам В. И. Ленина, для подобных взглядов⁷⁹. Следствие преклонения перед прямым или непосредственным действием — экстремизм, когда действие, активность превращаются в самоцель.

Воззрения Сореля — реакция на реформизм внутри рабочего движения и на гибкую тактику социального маневрирования, использовавшуюся либеральными фракциями буржуазии. В либерально-реформистской политике Сорель и его единомышленники видели лишь признак вырождения буржуазии, ее слабости, а между тем это был эффективный метод отстаивания ею своего классового господства. Синдикализм же мог противопоставить ей лишь революционаристскую фразеологию, абстрактные лозунги.

«Размышления о насилии» — таково название самой известной книги Сореля, увидевшей свет в 1907 г. Правда, точнее ее можно было бы озаглавить «Апология насилия». Причем прославлялось насилие вообще, независимо от того, с какой стороны оно исходило и какие цели преследовало. Чем воинственнее буржуазия, утверждал Сорель, тем воинственнее рабочий класс. В качестве средства для стимулирования воинственного духа буржуазии, с точки зрения Сореля, подошла бы «большая война, которая смогла бы опять вызвать приток энергии»⁸⁰.

Немало точек соприкосновения имелось не только между взглядами Сореля и Лебона, но и Парето. С итальянским социологом Сорель находился в дружеских отношениях, поддерживал с ним регулярную переписку. Кроме общей ненависти к парламентарной демократии, их сближал элитаризм, который особенно наглядно проявлялся в презрении синдикалистского идеолога к массе.

Показателен тот факт, что Сорель нашел общий язык и с наиболее активными элементами «Аксьон франсэз». Духовным сыном Сореля, причем любимым сыном, не без основания называл себя один из родоначальников французского фашизма — Ж. Валуа, выходец из синдикалистских рядов. В 1912 г. Валуа создал кружок имени Прудона из синдикалистов и националистов. По его сло-

* непосредственного воздействия.

вам, этот кружок являлся прообразом основанного им позднее, в 1925 г., «Фэсо» — первой организации во Франции, открыто назвавшей себя фашистской.

Среди тех, кому фашизм обязан своим идейным «богатством», Муссолини называл прежде всего Сореля. «Теоретик синдикализма способствовал своими грубыми теориями о революционной тактике формированию дисциплины, энергии и мощи фашистских когорт», — писал близкий приспешник Муссолини Д. Гранди в предисловии к книге Г. Сантонастазо «Сорель», опубликованной в 1929 г. Сам Сантонастазо приписывал Сорелю заслугу в произнесении «нового слова... против всякого демократического вырождения и гуманитарных искажений всех тех, кто любит всеобщее лобызание»⁸¹.

Колониальная лихорадка, острейшее соперничество империалистических держав создавали благоприятную почву для процветания социал-дарвинистских, геополитических и откровенно расистских концепций разного толка. К концу XIX в. приобрели популярность писания расистских идеологов вроде де Лапужа, графа Гобино, Х. С. Чемберлена. Впоследствии гитлеровцы открыли в Страсбурге музей памяти французского графа, доказывавшего право на господство арийской расы. Читли Гобино и американские расисты. Англичанин Х. С. Чемберлен подлинную родину нашел в Германии и незадолго до смерти успел дать свое старческое благословение нацистам.

Научную несостоятельность социал-дарвинизма убедительно раскрыл Ф. Энгельс: «Все учение Дарвина о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о *bellum omnium contra omnes** и учения буржуазных экономистов о конкуренции наряду с мальтусовской теорией народонаселения. Проделав этот фокус... опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества»⁸².

Если в домонополистическую эпоху социал-дарвинизм служил обоснованием для свободной конкуренции индивидуумов, то с переходом к империализму его постулаты стали теоретическим оправданием борьбы между нациями

и расами. В результате вульгаризации дарвиновского учения социал-дарвинистами «выживание наиболее приспособленных» стало трактоваться как отбор более полноценных в расовом отношении, а «борьба за существование» прямо отождествлялась с войной. Но социал-дарвинизм не только подводил наукообразную теоретическую базу под внешнюю экспансию, его положения использовались и как аргументы в пользу всевластия монополий. «Социал-дарвинизм, — пишет леволиберальный западногерманский историк Г. У. Велер, — оправдывал предпринимательский абсолютизм на производстве и решительное отклонение всякой социальной политики, как гуманистической химеры, совершенно бессильной перед лицом железного закона природы»⁸³. Социал-дарвинизм истолковывал расовые и социальные различия как естественное следствие закона «борьбы за существование», а рабочее движение и национально-освободительную борьбу колониальных народов низводил до уровня бессмысленного сопротивления все тому же железному закону.

Примером усиленного культивирования социал-дарвинизма в Германии может служить факт проведения в 1900 г. под патронатом Ф. Круппа конкурса на лучшее сочинение по теме «Чему нас учат принципы социал-дарвинизма применительно к внутривнутриполитическому развитию и законам государства». Первую премию на конкурсе получило эссе В. Шальмайера, в котором правовые и моральные проблемы рассматривались с точки зрения борьбы за выживание, а главная мысль сводилась к тому, что всякое сохранение слабых, неполноценных ведет к всеобщей дегенерации.

Надо сказать, что поначалу к социал-дарвинизму в Германии отнеслись подозрительно, поскольку Дарвин был англичанином; англичанами были и первые интерпретаторы, пытавшиеся приспособить его учение к общественной жизни. Но довольно скоро социал-дарвинизм настолько укоренился в Германии, что стерлось клеймо его английского происхождения. Здесь он принял наиболее последовательную агрессивную форму, а самым пышным цветом расцвел в гитлеровском рейхе.

К числу родоначальников социал-дарвинизма принадлежали Б. Кидд и К. Пирсон, которые провозгласили англосаксов самой жизнеспособной расой, в силу естественного отбора доказавшей свое право на мировое господство. Эта концепция была популярна не только среди

* Война всех против всех.

соотечественников Кидда и Пирсона — английских джингоистов, но и по другую сторону Атлантики, в США. Там книга Кидда «Социальная эволюция» вышла огромным по тому времени (1894—1895 гг.) тиражом — 250 тыс. экземпляров.

В сочинениях американского историка Д. Барджесса идея превосходства англосаксонской расы приобрела оттенок того биологического расизма, который был свойствен пангерманистам. Не случайно американский исследователь Д. Прэтт в 1936 г., когда теория и практика фашизма нашли конкретное угрожающее воплощение в большой группе стран, писал, что многие идеи Барджесса могли быть взяты на вооружение идеологами нацистского рейха⁸⁴. Наряду с Барджессом заслуживают упоминания и такие известные апологеты англосаксонской гегемонии, как Д. Фиске и Д. Стронг.

Пионерами геополитики выступили в Англии Х. Маккиндер, в Германии Ф. Ратцель — правоверный член Пангерманского союза. В США наиболее авторитетным пропагандистом геополитических концепций выступал плодовитый публицист и историк адмирал А. Мэхэн, в 1902 г. избранный президентом Американской исторической ассоциации. Автором термина «геополитика» считается близкий к пангерманским кругам швед Р. Челлен.

Сплавом социал-дарвинизма и геополитики явилась его доктрина морской мощи, приобретшая популярность в англосаксонском мире. «„Все вокруг нас находится в состоянии борьбы, „битва за жизнь“, „борьба за существование“ — слова настолько знакомые, что мы не даем себе труда задуматься над огромной значимостью их смысла. Повсюду одна нация противостоит другой, и мы, американцы, не являемся исключением», — утверждал Мэхэн⁸⁵.

Геополитики и их последователи ввели в обиход миф о расширении жизненного пространства как необходимой предпосылке существования наций и государств. В социал-дарвинистском духе геополитики уподобляли государства человеческим организмам, чувствующим и мыслящим. Войны выглядели у них естественной потребностью растущих организмов, извечной формой борьбы за существование. Через последователя Ратцеля и Челлена К. Хаусгофера геополитика непосредственно вошла в фундамент идеологии нацизма и его военно-стратегической доктрины.

Эта псевдонаучная дисциплина сохраняет свою притягательность и для современных фашистов. Например, чилийский диктатор Пиночет в свое время преподавал геополитику в военном училище. Геополитические мотивы явно проступают во внешнеполитических установках чилийского фашизма.

Социал-дарвинизм и геополитика были призваны служить псевдонаучным оправданием притязаний империализма, формировать у масс убеждение в том, что империалистическое насилие — проявление неотвратимых законов природы и общества. Антигуманистическая проповедь насилия, будучи облеченной в эстетизированную форму, эффективно воздействовала на массовое сознание.

Задачу эстетизации реакционной политики в Германии особенно рьяно решали многочисленные группировки, отдельные публицисты и литераторы, принадлежавшие к идеологическому течению «фёлькише», т. е. «народническому» (от немецкого слова *das Volk* — народ).

Одним из стержневых элементов идеологии «фёлькише» было понятие «народ», трактуемое как культурно-биологическая и мистическая общность. Проповедники «фёлькише» для обоснования расизма выдвинули тезис о мнимом превосходстве германской культуры, вобравшей в себя неисчерпаемое богатство немецкого народного духа, над бездушной либеральной цивилизацией остальных западноевропейских народов.

Во взглядах приверженцев «фёлькише» отразился страх интеллигенции и мелкобуржуазных слоев перед последствиями стремительного капиталистического развития, прежде всего ростом пролетариата, его активной борьбой за свои права. Отсюда их тоска по средневековью с его устойчивой, по их мнению, социальной структурой, неторопливым ритмом жизни. Средневековье выглядело в писаниях идеологов «фёлькише» эпохой социальной гармонии, расцвета подлинно «народных» сельских добродетелей. Рельефным воплощением подобного мира идей считается так называемый крестьянский роман Г. Лёна «Вервольф», где в качестве «народной» добродетели воспева жестокость. Страницы романа заполнены кровавыми деяниями героев, живших во времена Тридцатилетней войны, — времена, которые, по словам автора, были... столь же ужасающими, сколь и прекрасными.

Идеи «фёлькише» глубоко укоренились в литературной и театральной жизни Германии, нашли отражение в разнообразных произведениях искусства. Особенно сильным оказалось их воздействие на школы, университеты, вообще сферу просвещения. Значительную часть идеологов «фёлькише» составляли неудачливые «академики», т. е. лица с высшим образованием, не нашедшие соответствующего их статусу места.

Идеологи «фёлькише» создавали видимость аполитичности своих концепций, призывая к погружению в духовную жизнь. Между тем существо их взглядов, скрытое абстрактно-мистической оболочкой, мало чем отличалось от существа взглядов самых экстремистских политических группировок.

Доказательством могут служить концепции П. Лагарда (1827—1891)⁸⁶. Не ограничиваясь проповедью морально-этических положений, преисполненный ненависти к либерализму, Лагард выступал за консервативные социально-политические порядки. Поскольку даже политическая реальность бисмарковского рейха не соответствовала его крайне реакционным воззрениям, Лагард осуждал традиционный консерватизм, целью которого является лишь сохранение статус-кво, и вызывал к консерватизму иного типа, готовому на самые радикальные меры и изменения. Германская гегемония в Европе представлялась Лагарду, как и его последователям, чем-то само собой разумеющимся. Не удивительно, что Лагард стал своего рода пророком для германских крайне правых кругов. Нацисты имели веские основания считать его одним из своих предтеч.

Нельзя пройти мимо того факта, что во время второй мировой войны специально для солдат гитлеровского вермахта была издана антология писаний этого мистика и мракобеса.

Многочисленные группы «фёлькише» пережили первую мировую войну и усердно подтачивали устои Веймарской республики, прокладывая путь «третьему рейху». У «фёлькише» нацисты позаимствовали ритуалы и символику, в частности знак свастикки. Нацистское движение легко поглотило своих идейных предшественников еще до прихода к власти.

Насилие, национализм проповедовали некоторые деятели итальянской культуры. Иррационализм, мистика, са-

дизм — все самые отвратительные элементы политической и духовной жизни — с наибольшей выразительностью проявились в даннунцианстве, которое, по словам итальянского философа Э. Гарэна, было не чем иным, как отражением убогого мировоззрения мелкой буржуазии, оснащенного громкими словами⁸⁷. Г. Д'Аннунцио, популярный в свое время писатель, подвизался почти во всех литературных жанрах. А. Граши охарактеризовал его как мастера высокопарной риторики⁸⁸. Его творчество, его образ жизни, подогнанный под ту роль, которую писатель разыгрывал перед обществом, и создали определенный даннунцианский стиль, служивший вдохновляющим образцом для кандидатов в «сверхчеловеки» из разных социальных слоев. Д'Аннунцио предстал в качестве «героя», возвышающегося над толпой, стоящего над всякого рода общественными и моральными ограничениями, неустрашимого искателя приключений, кондотьера и изысканного эстета. Презирая «серую толпу», он владел искусством воспламенять ее патетическим красноречием, воздействовать на воображение людей с помощью символики и ритуалов. «Сотни тысяч итальянцев, — пипет советская исследовательница Ц. И. Кин, — видели в книгах Д'Аннунцио и в нем самом нечто героическое, игнорируя его снобизм, вульгарность, скандальную нечистоплотность в денежных делах»⁸⁹. Даннунцианский стиль был усвоен фашистами и стал для них своеобразной этической нормой поведения. Много перенял у Д'Аннунцио Муссолини. Хотя личное соперничество между этими людьми не позволило им ужиться друг с другом, тем не менее невозможно представить процесс генезиса фашизма и его восхождение к власти без Д'Аннунцио, чье влияние на различные стороны итальянской жизни сопоставимо с влиянием целых литературных течений и направлений.

В том же ключе, что националисты и Д'Аннунцио, «творили» литераторы и художники, принадлежавшие к специфической ветви международного футуристского течения. Причем именно в Италии значительная часть футуристов оказалась на реакционных позициях. «Мы хотим восславить войну — единственную гигиену мира», — провозглашал лидер итальянских футуристов литератор Ф. Т. Маринетти, восторженный почитатель Ж. Сореля. Ему Маринетти посвятил публичное выступление в июне 1910 г. на тему «Красота и необходимость насилия».

В отличие от Коррадини и Д'Аннунцио, воспевавших Древний Рим, Маринетти не искал идеала в прошлом: «Пусть назойливое воспоминание о римском величии будет перечеркнуто в стократ большим величием Италии»⁹⁰. Излюбленный символ Маринетти и его единомышленников — «мускулистый гигант», бездушное нагромождение мышц, призванное олицетворять «Беликую Италию». Антигуманистический характер эстетики итальянских футуристов усугублялся культом машины, который переходил в культ движения, всеобъемлющей и всепоглощающей динамики. В движении растворялось все: человек, его разум, в конечном счете и техника.

Прославление голой динамики придавало Маринетти и К⁰ в глазах неискушенных людей видимость революционного новаторства. Фактически же Маринетти и К⁰ прославляли капиталистическое производство, которое изобреталось мотором динамики XX в. Их претенциозная фразеология прикрывала реальные интересы «модернистской», энергичной буржуазии Севера, главным образом миланского региона.

Вместе с некоторыми другими элементами идейного багажа итальянских футуристов фашисты заимствовали у них манеру апологии капитализма, используя которую они хотели бы выглядеть модернизаторами, носителями обновленческой динамики. В наши дни находятся буржуазные историки, которые, опираясь на такого рода фашистскую пропагандистскую трескотню, пытаются представить фашизм «модернизаторским», способствовавшим социально-экономическому прогрессу движением.

В Англии миссию эстетизации империалистического насилия эффективно выполняли писатели-джингоисты, среди которых выделялись Р. Киплинг и Р. Хаггард. Их произведения воспевали войну, жесткую военную дисциплину, прославляли колонизаторскую миссию белого человека.

Эта империалистическая литература искусно навязывала массам те ценностные представления, которые устраивали верхи. Огромные тиражи «колониальных романов», остросюжетных, нередко отличавшихся несомненными беллетристическими достоинствами, уже тогда создавали фундамент формирования «массовой культуры». Литература такого типа могла выглядеть еще более привлекательно на фоне туманных аллегорий символизма,

расслабленной изысканности декаданса. Особенно много поклонников во всем мире нашло творчество Р. Киплинга.

«Войны, насилие, даже шпионаж, — пишет советский ученый Л. Е. Кертман, — поэтизируются Киплингом, коль скоро они служат интересам Британской империи. А так как все это делается с незаурядным талантом, да еще с подчеркнутой оппозицией изнеженным слобам лондонских салонов, художественная пропаганда империалистической колониальной политики оказывала немалое влияние на широкие слои населения»⁹¹.

Потерпев ряд политических поражений, французские реакционеры пытались взять реванш в сфере культуры. Осуществить эти планы им в полной мере не удалось, но все же реакционная идеология играла заметную роль в духовной жизни Франции. В эпицентре духовной реакции находилась все та же «Аксьон франсэз», через которую с особой четкостью просматривается взаимосвязь между генезисом фашизма и кризисом буржуазной культуры. Эта организация излучала волны мощного интеллектуального воздействия, распространившиеся далеко за пределы Франции.

У лидера «Аксьон франсэз» Ш. Морраса политические и эстетические воззрения нередко сливались воедино. Поэтому его политические идеи представляли в эстетизированной форме, а эстетические воззрения были насквозь политизированы. Их лейтмотив — возрождение ценностей классицизма, своего рода неоклассицизм. Все, что не укладывалось в каноны этого неоклассицизма, клеймилось презрением как «романтизм», который политически ассоциировался с революцией, либерализмом, анархией — короче говоря, с потрясением устоев. Неоклассицизм у главных его глашатаев — Морраса и Барреса — политически идентифицировался с «твердым порядком», строгой иерархией, т. е. фактически с режимом диктаторского типа.

Моррас и Баррес приобрели довольно прочную репутацию борцов против декаданса, который они отождествляли с романтизмом, включая в эту рубрику все неудобные им явления культуры, в том числе и прогрессивные. Вообще для них не существовало современного искусства — Ван-Гога и Пикассо, Равеля и Дебюсси. Политический консерватизм органично сочетался с консерватизмом куль-

турным. Неоклассицизм моррасовского образца, будучи порождением кризиса буржуазной культуры, паразитировал на этом кризисе, выступая в качестве защитника ценностей классической культуры от упадка.

«Моррас,— пишет американский историк М. Кёртис,— был доминирующей фигурой в неоклассицизме и мог бы назвать среди своих интеллектуальных учеников Т. Э. Хьюма, Э. Паунда и Т. С. Элиота»⁹². Как известно, и Элиот, и Паунд, оба выдающиеся поэты, впоследствии оказались среди идейных сторонников фашизма, а Паунд опустился даже до прямого сотрудничества с людьми Муссолини. Характерно признание Элиота, сделанное им в 1928 г.: «Большинство концепций, которые могли привлечь меня в фашизме, я, кажется, уже нашел в трудах Шарля Морраса»⁹³.

Антигуманизм, нараставший в среде определенной части верхов английского общества, в его интеллектуальной элите, ненависть к демократии, отождествляемой с беспорядком, разрушением устоев, приобрели программный характер у Т. Э. Хьюма. Эстетические воззрения Хьюма не отличались особой оригинальностью, в них можно обнаружить влияние Бергсона, Ницше, Морраса. Интересно, что именно Хьюм перевел на английский язык «Размышления о насилии» Ж. Сореля. Во введении к своему переводу он отмечал близость между Сорелем и «Аксон франсез» как политическую, так и эстетическую. Особенно выделял Хьюм то обстоятельство, что их общей эстетической платформой являлся классицизм. Представления самого Хьюма о классицизме в принципе были идентичны моррасовским.

Проповедуя жесткий порядок классицистского типа, Хьюм обрушивался не только на хаотическую неупорядоченность декаданса, но и имел в виду сферу политики:

«Человек по своей природе плох, и он способен достигнуть чего-либо лишь благодаря дисциплине — как этической, так и политической»⁹⁴. Сам Хьюм погиб во время первой мировой войны, но среди тех, кто разделял подобные взгляды, нашлось позднее немало почитателей «твердого порядка» муссолиниевской Италии и даже гитлеровского рейха.

Влияние Хьюма испытали те англо-американские писатели, которые в 20—30-х годах составляли

подразделение пресловутого «литературного иностранного легиона» фашизма.

Основной смысл обращения к культурно-идеологической сфере заключается не столько в распознавании контуров идей и концепций, в том или ином виде усвоенных и использованных фашистами, не в поиске идейных предтеч фашизма, сколько в раскрытии влиятельных тенденций духовной жизни, способствовавших вызреванию эмбрионов исследуемого явления.

Конечно, было бы упрощением видеть прямых предшественников фашизма в тех крупных представителях реакционной буржуазной культуры и философско-социологической мысли, произведения которых существенным образом влияли на духовный климат эпохи.

Надо сказать, что большинство фашистских лидеров и идеологов вообще стояли в стороне от культуры, в лучшем случае кое-кто из них подхватывал обрывки реакционных философских или эстетических концепций, причем чаще всего не из первых рук. Наиболее органично вошли в фашистский арсенал всякого рода социал-дарвинистские и расистские идеи. Но это отнюдь не снимает исторической ответственности с реакционных мыслителей, литераторов, художников. Их деятельность не только симптом, но и один из источников всеобъемлющей империалистической реакции.

Глава 2

ТРЕБУЮТСЯ ДИКТАТОРЫ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАРАБАНЩИКИ»

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КАТАЛИЗАТОР ФАШИЗМА

Из эмбрионального состояния фашизм начинает выходить в годы войны. «Европейская война,— писал В. И. Ленин,— означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты»¹. Под воздействием первой мировой войны в буржуазном мире усилилась тяга к авторитарным методам правления, выросло политическое могущество монополий, их влияние на государственный аппарат. Развязывая первую мировую войну, господствующие классы империалистических государств рассчитывали направить вовне накопившееся социальное недовольство, сбить накал революционного движения, в предвоенный период усилившийся во всей Европе. «Если возникнет великая европейская война, то социализм будет отброшен по крайней мере на полвека назад, а буржуазия спасена на это время»,— еще за десять лет до начала всемирной бойни утверждал В. Парето².

Подобные расчеты верхов были опрокинуты подъемом революционного движения, последовавшим в результате вызванного войной крайнего обострения социально-экономических и политических противоречий. Однако влияние империалистической войны способствовало и нарастанию крайне реакционных тенденций. В начальный период войны по воюющим государствам прокатилась мощная волна шовинизма. Она захватила самые широкие слои населения. Только наиболее закаленные отряды рабочего движения остались на твердых интернационалистических позициях. Напору шовинизма поддались и правые социал-демократы, и синдикалисты, ранее грозившие милитаристам ответить на войну всеобщей стачкой.

Дала плоды неустанная националистическая пропаганда, которая в широких масштабах и разнообразных формах велась реакционными силами в предшествующие годы. «Отныне я не знаю партий, для меня есть только немцы»,— торжественно провозгласил с началом войны кайзер Вильгельм II. «Здесь нет больше противников, здесь есть только французы»,— утверждал в то же самое время председатель французской палаты депутатов Дюпанель. Действительно, могло показаться, что в атмосфере националистического угара рухнули социальные барьеры, что якобы «общие национальные интересы» сплотили верхи и низы. Массы, правда, вскоре отрезвели от шовинистического опьянения, но августовские дни 1914 г. остались в сознании господствующих классов наглядным доказательством возможности вовлечения широчайших слоев населения в русло империалистической политики. «Дух августа 1914 года» служил для правящих верхов вдохновляющим примером.

Война, пробудившая к политической жизни многомиллионные массы, создала еще более острую потребность для господствующих классов в таких партиях и таких политических лидерах, которые могли бы эффективно манипулировать сознанием широких слоев населения. Критерием мощи государства в глазах буржуазии еще больше, чем прежде, становится его способность мобилизовать массы в интересах верхов. «Сила, по буржуазному представлению,— подчеркивал В. И. Ленин,— это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинувшись указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители»³.

В период войны резко возрастают prerogatives исполнительной власти. Причем это характерно не только для авторитарной кайзеровской Германии, но и для буржуазно-демократических режимов Англии и Франции, где Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо стали своего рода «демократическими диктаторами». Так, в Англии все нити управления страной сосредоточились в Военном кабинете, состоявшем из четырех человек. К концу войны возросли политические амбиции французской военщины. Ее кумиром стал будущий могильщик Франции Ф. Петэн, который, по его собственным словам, хотел «добиться для всей страны режима, аналогичного тому, какой он ввел

в армии»⁴. Один из единомышленников Моррасса — Ж. Бэнвилль восторженно писал о том, что в Европе наступили «сумерки либерализма»: «Мы повсюду присутствуем при усилении идеи государства и принципа власти»⁵. Последние два года войны были для Германии периодом военного правления Людендорфа и Гинденбурга. По существу, это был диктаторский режим, который, по резонному суждению канадского историка М. Китчена, «стоял на полпути между бисмарковским бонапартизмом и фашистской диктатурой Гитлера»⁶.

Война с ее грандиозным размахом, которого не могли предвидеть буржуазные политики, потребовала крайнего напряжения экономического потенциала воюющих стран. Чтобы обеспечить огромные армии всем необходимым для ведения военных действий, потребовалась организационная перестройка экономики на основе широкого и многообразного вмешательства государства в социально-экономическую сферу. Монополистический капитализм быстро продвигается по пути государственно-монополистического регулирования. «Империалистическая война, — указывал В. И. Ленин, — чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всеильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются... в военно-касторжные тюрьмы для рабочих»⁷.

Особенно далеко этот процесс зашел в Германии, где, по словам В. И. Ленина, вся хозяйственная жизнь в последние годы войны направлялась из одного центра «под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов»⁸. В значительной мере это объяснялось огромным разрывом между грандиозной экспансионистской программой германского империализма и его ограниченными по сравнению с соперниками экономическими возможностями. Это потребовало, и довольно скоро, предельной мобилизации всех ресурсов для создания разветвленного аппарата управления экономикой. Среди его руководителей оказалось немало монополистов и менеджеров, которые впоследствии станут главными действующими лицами в экономической организации «третьего рейха». Это Г. Шмитц, Э. Кирдорф, Г. Рёхлинг, П. Рейш и другие, чьи имена неразрывно связаны с генезисом германского фашизма⁹.

Формирование государственно-монополистического капитализма сопровождалось дальнейшим усилением реакции «по всей линии», создавало предпосылки для небывалой концентрации власти в руках могущественных группировок монополистической буржуазии и ее политического представительства. Монополии, работавшие непосредственно на войну по государственным заказам, сумели потеснить конкурентов, ориентированных на экспорт и внешние рынки. Наибольшие выгоды выпали на долю тяжелой индустрии и химической промышленности.

Военная организация экономики обеспечивала монополиям твердую конъюнктуру, жесткий контроль над рабочими на предприятиях. Характерно, что даже западногерманский буржуазный историк Г. Шульд усматривает в военной экономике тех лет структурное сходство с экономической организацией «третьего рейха».

Рост могущества государственно-бюрократического аппарата, его сращение с монополистической олигархией создают объективные возможности для возникновения авторитарно-диктаторских режимов, в том числе и фашистских.

Контуры режимов фашистского типа уже проглядывают в государственно-монополистических структурах военного времени. Однако это обстоятельство не может служить основанием для умозаключений о тождественности государственно-монополистического капитализма и фашизма. Государственно-монополистический капитализм представляет собой закономерную ступень в развитии капиталистической формации, следовательно, относится к базисной сфере, тогда как фашистские режимы, будучи одной из форм организации власти, являются выражением политической надстройки буржуазного общества. Поэтому фашизм нельзя считать фазой в эволюции капитализма, а тем более неизбежной фазой.

Война резко обострила тактические разногласия внутри господствующих классов Германии. Августовские события 1914 г. и политика «гражданского мира» между буржуазными партиями и социал-демократией были по-разному оценены в верхах. Умеренно-консервативная группировка Т. Бетман-Гольвега, продолжая предвоенную линию, стремилась ускорить интеграцию социал-демократии и профсоюзов в существующий порядок. К концу 1915 г. Бетман-Гольвег намечает следующую линию: уси-

ление предрасположенных к сотрудничеству с правительством правых социал-демократов и ослабление левого крыла СДПГ. Ради этого канцлер был готов идти на определенные уступки. Однако ультраконсервативные круги и представители тяжелой индустрии усмотрели в этой политике проявление слабости, как недвусмысленно заявил Э. Кирдорф. Глава союза сельских хозяев фон Вангенгейм также был возмущен тем, что в число возможных уступок Бетман-Гольвега входила и готовность признать статус сельскохозяйственных рабочих. Тем самым был бы положен конец их полуфеодалному угнетению.

Подъем шовинистических настроений в начальный период войны вдохновил ультраконсервативную часть германских верхов на проведение экстремистского внутривнутриполитического курса. Они надеялись, воспользовавшись моментом, сокрушить организации рабочего класса. Лидер пангерманцев Класс полагал, что появился уникальный шанс для того, чтобы создать «социальную партию на монархической основе»¹⁰. Кирдорф требовал прекратить сближение с правыми социал-демократическими и профсоюзными кругами. По его мнению, рабочих следовало отвлечь от социал-демократии, взывая к их патриотизму. Эту идею поддерживал, в частности, и видный консервативный политик В. Капп. В письме фактическому диктатору Германии Э. Людендорфу (4 октября 1916 г.) он характеризовал курс Бетман-Гольвега как ошибочный, предлагая использовать «национальный подъем нашего народа» и отколоть рабочих от социал-демократических лидеров. Будущий пособник Гитлера Гугенберг тоже придерживался подобного взгляда. Вместо социальных уступок он предлагал «переключить внимание народа и дать простор игре фантазии в связи с перспективами расширения германского пространства»¹¹.

Стремление поддержать в стране высокий националистический тонус было характерно для всех фракций германских верхов, но особенно усердствовали сторонники ультраконсервативного курса. Вновь дал о себе знать Картель производительных сословий, созданный накануне войны крайне правыми силами. Его рука явно ощущалась в деятельности комитетов по пропаганде военных целей, созданных по всей Германии. Исключительную активность проявлял Пангерманский союз, щедро субсидируемый промышленниками и верховным командованием, точнее, его «третьим отделом» во главе с подполковником

Бауэром. В результате их совместных усилий возникают такие организации, как «Независимый комитет за германский мир», а в Южной Германии — «Народный комитет за скорейший разгром Англии».

Летом 1917 г. в Бремене под руководством слесаря В. Валя, лидера ячейки «желтого» крупянского профсоюза, был организован «Свободный комитет за немецкий рабочий мир». Уже с начала 1917 г. Валь находился в контакте с подполковником Бауэром. Военное ведомство издало одно из публичных выступлений Валя для распространения среди рабочих. Одновременно этот же материал появился и в контролируемых Гугенбергом и Кирдорфом «Берлинских последних новостях». В начале 1918 г. комитет, возглавляемый Валем, насчитывал 290 тыс. членов, его филиалы распространились по всей стране. 3 марта 1918 г. в Мюнхене слесарь железнодорожных ремонтных мастерских А. Дрекслер организовал «Свободный рабочий комитет за хороший мир». Правда, ему удалось объединить лишь 40 человек. Эта организация стала основой кружка «пивных политиков», послужившего Гитлеру исходным материалом для создания нацистской партии.

На митингах и в печати такого рода организации проповедовали необходимость «немецкого победоносного мира», призванного спасти рабочих от участи рабов англо-американского и французского капитала, подобных индийцам, африканцам и т. д. Отсюда следовало, что и война против стран Антанты носила антикапиталистический характер. Немецкому рабочему пытались привить элитарные и расистские предрассудки. Утверждалось, будто сам факт принадлежности к германской нации ставит его над рабочими других стран, что благодаря этому он автоматически обретает и «свое величие и интеллектуальное превосходство»¹². По мысли Валя, в победившей «Великой Германии» германский рабочий сможет почувствовать себя «бюргером». Ту же самую идею развивал и Дрекслер. Необходимо, полагал он, «облагородить» германского рабочего. Между рабочим и пролетариатом должно быть резкое различие. Обученный и оседлый рабочий скорее относится к «среднему сословию». Что же касается крупного капитала, то его представителей нужно взять под защиту, как «работодателей»¹³. Следует отметить, что такие идеи не нашли отклика у организованного кадрового пролетариата. Их впитывали преимущественно ре-

месленники и те категории рабочих, которые были вовлечены в крупное фабрично-заводское производство только в годы войны. Вкладывая в понятие «рабочий» мелкобуржуазное содержание, Дрекслер и назвал свою группу в начале 1919 г. Германской рабочей партией. (Отсюда прилагательное «рабочая» перекочевало в название гитлеровской партии.)

Уже с весны 1918 г. Дрекслер был связан с расистско-националистическим «Обществом Туле». Через Дрекслера и ему подобных баварские правые экстремисты надеялись внедриться в «народ». Программа общества была выдержана в мистическом духе, в стиле «фёлькише», его символом стала свастика. Членом «Общества Туле» был литератор Д. Эккарт, будущий духовный ментор Гитлера. В обществе подвизались и различные авантюристы типа А. Розенберга и Р. Гесса.

Робкие «мирные» жесты рейхстага и правительства Бетман-Гольвега, а также перспектива отмены прусского избирательного права — все это активизировало крайне правый лагерь, побуждало его к дальнейшей консолидации. Осенью 1917 г. была создана Немецкая отечественная партия, объединившая самые разнообразные реакционные элементы. Д. Штегман считает, что она представляла собой «новое издание Картеля производителей сословий 1913 г. с более широкими целями»¹⁴. Основателями Немецкой отечественной партии были Капп и гросс-адмирал Тирпиц. Почетное место среди ее создателей принадлежало Кирдорфу и Гутенбергу. К лету 1918 г., кульминационному моменту своей недолгой истории, эта партия насчитывала до миллиона членов, ей была обеспечена огромная материальная поддержка промышленно-финансового мира, прежде всего тяжелой индустрии.

Капп, Тирпиц и К° уверяли, что цели новой партии сугубо внешнеполитические: аккумулировать энергию народа для достижения победного «гинденбургского» мира. Однако на деле создатели Отечественной партии шли гораздо дальше. Они намеревались создать массовый базис для военной диктатуры Людендорфа—Гинденбурга, пытаясь наряду со своими традиционными сторонниками из рядов националистической консервативной буржуазии и мелкобуржуазных кругов привлечь рабочих и служащих. Интересно, что на учредительном съезде партии (24 сентября 1917 г.) присутствовал В. Валь. Весной в партий-

ное правление был кооптирован член руководства «Свободного комитета за немецкий рабочий мир» столяр Пфейффер. В Отечественной партии подвизался и А. Дрекслер. Правда, в связи с основанием «Свободного рабочего комитета за хороший мир» он официально вышел из партии, но контакты с ней не порывал. На митинге, созванном Отечественной партией осенью 1918 г., Дрекслер обратился к собравшимся с таким призывом: «Граждане буржуа и граждане рабочие, объединяйтесь!». Однако рабочая аудитория ответила ему руганью, а митинг кончился скандалом¹⁵.

Вербовочная кампания Отечественной партии среди рабочих и служащих довольно скоро потерпела неудачу. Дальше создания «желтых» организаций, связанных с предпринимательскими союзами, дело не продвинулось. Тогда Капп и К° принялись за дело с другого конца. В начале 1918 г. у них созревает план создания такой рабочей организации, которая, будучи самостоятельной по отношению к их собственной партии, могла бы вербовать националистически настроенных рабочих, конкурируя с социал-демократами. Главным исполнителем этого плана должен был стать В. Геллерт, служащий калийного синдиката в Берлине, выходец из рабочих. До войны он придерживался национал-либеральных взглядов, затем стал членом «Независимого комитета за германский мир» и «Народного комитета за скорейший разгром Англии», присоединился к Отечественной партии. Капп добился освобождения Геллерта от службы в синдикате, чтобы тот целиком мог посвятить себя политической деятельности. Наряду с рабочими в новую партию предполагалось вовлечь и служащих. В феврале 1918 г. был образован подготовительный комитет Германской партии рабочих и служащих, а в конце марта опубликовано программное воззвание, выдержанное в пангерманском духе. Помимо аннексионистских требований, провозглашалась безоговорочная поддержка Людендорфа и Гинденбурга в противовес рейхстагу и «неспособным дипломатам»¹⁶. Антикапиталистическим настроениям масс был дан выход. Трудолюбивая, созидательная Германия изображалась жертвой хищнического, паразитического капитализма западных держав. Под непосредственным влиянием Каппа были усилены антисемитские ноты, так как, по расчетам реакционных политиков и идеологов, антисемитизм должен был служить своеобразным громоотводом для «ис-

тинно германского», «созидательного» капитала. Все эти пропагандистские мотивы позднее были подхвачены и развиты нацистами. Финансово-промышленный мир приветствовал Германскую партию рабочих и служащих, как «поддерживающую государственные устои и дружественную предпринимателям»¹⁷. Однако новое детище консервативной реакции оказалось мертворожденным. В условиях наметившегося революционного подъема рабочий класс и значительная часть служащих игнорировали призывы справа. Очевидным свидетельством провала затеи с Германской партией рабочих и служащих явилось сокрушительное поражение Гейлрета на выборах в рейхстаг по берлинскому избирательному округу в октябре 1918 г. Полный провал сопутствовал публичным выступлениям Валя, Дрекслера и им подобных. Хотя первые эксперименты с выдвижением подходящих «людей из народа» закончились неудачно в силу объективных и субъективных причин, они стали источником ценного опыта для господствующих классов при разработке программных установок и подборе кандидатур в диктаторы.

Последней надеждой германской реакции оставалась военная диктатура. Капп и его окружение умоляли Людендорфа создать военное правительство с неограниченной властью. Однако негласный диктатор в тот момент, когда фронт рухнул и нужно было нести ответственность за поражение Германии, предпочел ретироваться, оставив «расхлебывать кашу» рейхстагу и кабинету министров. Впоследствии это даст ему возможность сочинить легенду об «ударе кинжалом в спину», который будто бы был нанесен победоносному войску революционерами и бездарными политиками.

Нарастание революционной ситуации усилило внутреннюю борьбу в правящем лагере по тактико-стратегическим вопросам. Наиболее дальновидные представители даже крайне правого лагеря начинают осознавать, что нельзя методом репрессий остановить революционный подъем масс. К мыслям о необходимости компромисса с социал-демократическими и профсоюзными лидерами склоняется такой авторитетный магнат тяжелой индустрии, как Стайнес. 9 октября 1918 г. он официально вступает в переговоры с профсоюзами. Еще раньше этот путь избрали магнаты электротехнической промышленности — Ратенау и Сименс. Только самые твердолобые, вроде Кирдорфа и Гутенберга, никак не могли примириться с не-

обходимостью социально-политического маневрирования. Однако поворот к более гибкому курсу был временной, продиктованной чрезвычайными обстоятельствами мерой, он носил чисто тактический характер. При первой же возможности монополистическая буржуазия возвратилась к жестким методам отстаивания своего классового господства.

На базе экстремистского консерватизма в Германии в годы войны ускоренным темпом развивался фашистский потенциал. Если он не был тогда реализован, то главным образом из-за мощной революционной волны, опрокинувшей кайзеровский режим, похоронившей планы создания военной диктатуры. Но этот потенциал не был ликвидирован во время буржуазно-демократической революции 1918—1919 гг. Более того, в результате разгрома революционных сил реакция удалось не только сохранить, но и преумножить его.

Первые всходы семени фашизма дали в Италии, первоначально остававшейся вне сферы военного конфликта. Для того чтобы втянуть ее в войну, реакционным фракциям верхов потребовался рычаг в виде массового внепарламентского движения. Часть правящей верхушки во главе с Д. Джолитти стояла на позициях нейтралитета, понимая, что участие в войне будет для страны непосильным бременем. Но сторонники вступления в войну во главе с А. Саландрой и С. Соннино пошли на сговор со странами Антанты, которые обещали Италии не только возвращение территорий, оставшихся под владычеством Австро-Венгрии, но и новые владения в Адриатике и бассейне Средиземного моря. К этому сводилось содержание секретного соглашения, подписанного в апреле 1915 г. в Лондоне.

Лагерь сторонников вступления в войну — интервенционистов, как их тогда называли, — объединял самые разношерстные элементы. Здесь были, конечно, националисты и футуристы, а также представители социалистов и синдикалистов. Синдикалисты искренне полагали, что участие Италии в войне должно ускорить революционный взрыв. Многих из них интервенционистами сделала непреодолимая тяга к «прямому действию», безудержный, не имеющий четкого социального направления активизм. Это толкало их на сближение с националистами. Интересно, что сами националисты — убежденные поклонники Германии — тем не менее присоединились к ее врагам.

В первый период войны они готовы были немедленно выступить на стороне центральных держав, с которыми Италия была связана тройственным союзом. Так, один из идеологов национализма — Л. Федерцони требовал отказать от трусливого выжидания, от «позиции гены»¹⁸. Но после поражения немцев на Марне националисты меняют ориентацию. Сделать это для них было тем проще, что, с одной стороны, они вдохновлялись принципом «священного эгоизма» («Италия превыше всего»), а с другой — свойственный им голый динамизм, культ действия ради действия делал сам факт вступления в войну более важным по сравнению с вопросом, на чьей стороне воевать.

Интервенционизм в значительной степени был инспирирован и раздут сверху, наиболее агрессивными кругами итальянского империализма. Кульминации интервенционистское движение достигло в мае 1915 г., когда и решился вопрос о вступлении Италии в войну. Шумные манифестации, избивание противников, разгром редакций тех газет, которые занимали нейтралистские позиции, — все это крайне нагнетало обстановку, создавало иллюзию воинственного настроения масс. Между тем подавляющее большинство итальянцев войны не хотело. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует признание человека, приложившего огромные усилия для того, чтобы втянуть Италию в войну. Находясь под арестом после переворота 25 июля 1943 г., дуче признавал, что народ не одобрял войну. Поскольку центром интервенционизма был Милан, то в народе сторонников вступления Италии в войну называли «миланцами». Чтобы избежать мести со стороны товарищей на фронте, солдаты-миланцы скрывали, что они родом из этого города¹⁹.

Свыше 300 парламентариев (из 508) выразили свою поддержку нейтралитету Джолитти. Тем не менее в мае 1915 г. Италия вступила в войну. Интервенционисты, пишет П. Алатри, «составляли тогда ничтожное меньшинство, сумевшее при помощи короны и правительства подавить общественное мнение и его конституционный орган — парламент»²⁰. Главный глашатай интервенционизма Д'Аннунцио воспевал войну как «созидательницу красоты и мужества». Политике Джолитти, этого «интригана из Дронеро», он противопоставлял новый стиль политической борьбы «с дубинками и оплеухами, с пинками и кулаками», с спорой не просто на кричащую тол-

пу, а на организованные по военному образцу отряды²¹. «Радужный май» 1915 г., как его восторженно называли те, кто верг страну в кровавую бойню, явился генеральной репетицией будущего муссолиниевского «похода на Рим». Конечно, далеко не каждый из интервенционистов впоследствии стал фашистом, но практически все главные действующие лица первоначальной фазы истории фашизма были выходцами из интервенционистского лагеря.

«ВЕЛИКИЙ СТРАХ»

Вопреки расчетам буржуазии война распатала устои ее классового господства, ускорила вызревание общего кризиса капиталистической системы. С октября 1917 г. началась эпоха мировой социалистической революции. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом мирового революционного процесса и вместе с тем его катализатором, подняв классовую борьбу пролетариата на качественно новый уровень. Для капиталистического же мира эпоха мировой социалистической революции становится эпохой общего кризиса, пронизывающего все буржуазное общество. Но буржуазия изо всех сил стремится затормозить мировой революционный процесс, не останавливаясь перед самыми крайними средствами. Тогда и возникает фашизм — законное детище общего кризиса капитализма.

Это обстоятельство необходимо постоянно иметь в виду, так как буржуазные историки навязывают мысль о том, что своим появлением на политической сцене фашизм обязан не всеобъемлющему, эпохальному кризису буржуазного общества, а лишь послевоенным кризисным потрясениям.

Послевоенное пятилетие, когда капиталистический мир столкнулся с невиданным подъемом революционного движения, представлявшим непосредственную угрозу его существованию, а также годы общего экономического кризиса (1929—1933) были важными этапами в становлении фашизма. Будучи прямыми следствиями общего кризиса капитализма, эти события накладывались на него и усугубляли его действие. С этими периодами связаны две фашистские волны, захлестнувшие прежде всего Европейский континент. Возникновению фашизма, таким образом, способствовали как глобальные, так и локальные кризисные явления. Пытаясь связать генезис фа-

шизма только с последними, буржуазные историки хотели бы затушевать тот принципиальный факт, что капиталистическое общество на стадии общего кризиса постоянно генерирует предпосылки для этого феномена.

Новая эпоха поставила верхи в трудное положение. Никогда еще не приходилось сталкиваться со столь острой угрозой всей системе их классового господства. Необходимо было дать ответ на глубочайшие социально-экономические и политические сдвиги, попытаться затормозить необычайно ускорившийся революционный процесс. Из-за новизны ситуации не всегда срабатывал накопленный за предшествующее время политический опыт. На поиск и выбор социально-экономических и политических решений влияла и определенная передвижка сил в самих правящих верхах.

В годы войны значительно усилились позиции монополистической буржуазии, особенно тех ее группировок, которые были связаны с военной экономикой. Рост могущества монополий происходил как в экономическом плане — за счет концентрации производства и капитала, так и в плане политическом — благодаря внедрению в государственную надстройку. Происходит организационная консолидация буржуазии под эгидой монополистического капитала. В 1919 г. оформилась Итальянская конфедерация индустрии (Конфиндустрия). Ее лидерами стали наиболее могущественные монополисты. Процесс консолидации германской буржуазии четко проявился в слиянии двух соперничавших объединений в единый Имперский союз германской промышленности (4 февраля 1919 г.). Подобные тенденции проявились и в других странах. Реорганизация, укрепление, централизация предпринимательских объединений — общая черта развития классовой самозащиты и классового самосознания буржуазии. В отличие от довоенного времени эти объединения все более и более превращаются в центры концентрации классовой воли и принятия решений, становятся инструментами в руках узкой прослойки монополистических магнатов.

Острота противоречий между буржуазными политическими партиями Германии привела к тому, что, как отмечает советский ученый Р. П. Федоров, создалось «то незаполненное политическое пространство, в котором развернулась действительно четко структурированная и централизованная организация буржуазии, абсолютно

единая в классовом отношении и стоявшая полностью под влиянием могущественнейших монополистов, — Имперский союз германской промышленности»²². Аналогичные функции в значительной мере взяла на себя и Конфиндустрия вследствие напряженной борьбы течений, постоянно лихорадившей пестрый и организационно рыхлый лагерь итальянских либералов. Роль монополистического капитала стала более весомой и вследствие того, что война привела к ослаблению главным образом политических устоев буржуазного общества, тогда как экономически крупный капитал заметно усилился.

Отношение монополий к государству в послевоенный период было весьма противоречивым. Современникам иногда казалось, что после войны, как пережитки военного времени, были решительно выброшены за борт различные формы и методы государственного вмешательства в экономику. На самом же деле, несмотря на внешнее возвращение к довоенным принципам, степень необратимости государственно-монополистического развития была чрезвычайно велика. Это очень убедительно показал в своем исследовании американский ученый Ч. Майер. Так, к 1925 г. правительства ведущих западноевропейских стран концентрировали в своих руках и расходовали примерно 20—25% национального дохода, вдвое больше, чем до войны²³. Многие вводили в заблуждение двойственная позиция монополий по отношению к государству. Монополии были против какой-либо регламентации своей производственной или финансовой деятельности. Они с подозрением воспринимали попытки социального маневрирования, опасаясь за свои материальные интересы. Вместе с тем они желали, чтобы государство выступало в качестве гаранта социальной стабильности, твердо и неукоснительно осуществляло репрессивные функции против трудящихся, обеспечивало порядок на внутреннем рынке и успешную экспансию на внешнем. Иначе говоря, монополисты хотели получать от государства как можно больше, не поступаясь при этом своими интересами. Пройдет еще некоторое время, пока монополии начнут свыкаться с мыслью о необходимости проведения государством общего политического курса даже ценой ущемления интересов отдельных групп или фирм.

В условиях всестороннего общего кризиса, охватившего капиталистический мир после победы Великого Октября, в полной мере обнаружилась несостоятельность

методов, с помощью которых буржуазия защищала свое классовое господство.

Опыт войны, социальные и политические потрясения послевоенных лет укрепили недоверие монополистического капитала к традиционным формам государственной надстройки. Парламентские порядки, по мнению монополистических кругов, мешали эффективному функционированию государства, поэтому представительную демократию следовало бы заменить каким-либо вариантом авторитарного или корпоративного устройства.

В послевоенные годы в странах Запада становится нормой нарушение принципов буржуазной демократии. Если до первой мировой войны правительства лишь в самых исключительных случаях получали чрезвычайные полномочия, то теперь чрезвычайное законодательство становится обычным делом. Даже в Англии, стране с глубокими демократическими традициями, в 1920 г. парламент принял «Акт о полномочиях правительства при чрезвычайных обстоятельствах». По этому закону правительство получило полную свободу в борьбе с забастовочным движением. Печально знаменитая статья 48 Веймарской конституции давала возможность главе государства в нужный момент перечеркнуть всю буржуазно-демократическую законность. На основе этой статьи правительство осуществляло расправу с революционным движением в 1923 г. Опираясь на нее, престарелый президент Гинденбург 30 января 1933 г. вручил полномочия главы правительства нацистскому фюреру.

Еще в довоенный период намечались тенденции к расширению диапазонов консервативной и либеральной политики обычного типа. Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции эти тенденции обретают более четкие, завершенные формы. Следствием расширения диапазона либеральной политики влево явилось возникновение ее либерально-реформистского варианта на основе союза либеральной буржуазии с реформистским крылом рабочего движения. Тесное сотрудничество между реформистами и правящими классами сложилось в годы первой мировой войны. Именно тогда был заложен фундамент либерально-реформистского блока во многих воевавших государствах. «Война,— писал В. И. Ленин,— ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый»²⁴.

Мысль о необходимости такого союза в послевоенные годы все глубже проникает в сознание представителей различных буржуазных идейно-политических течений. Об этом, например, постоянно говорил один из наиболее искушенных германских буржуазных политиков начала 20-х годов — В. Ратенау. Крупный германский историк и идеолог либеральной Немецкой демократической партии Ф. Майнеке вскоре после Ноябрьской революции пришел к твердому убеждению, что главные ценности буржуазной культуры «могли быть приведены в созвучие с целями социалистов большинства». Его не обманывала сохранившаяся в багаже реформистов прежняя фразеология: «Сегодняшняя социал-демократия большинства гораздо лучше, нежели ее догмы»²⁵. Лидер Немецкой народной партии, стоявшей на более правых позициях, Г. Штреземан предостерегал, что для буржуазии могут возникнуть серьезные трудности, если «оттолкнуть социал-демократов»²⁶. Сторонникам вовлечения социал-реформистов в правительственную орбиту были ведущие итальянские политики Д. Джолитти и Ф. Нитти.

Фракции верхов, привыкшие полагаться исключительно на силу, ощущают слабость традиционных методов управления. В стремлении сбить революционную волну, вызванную непосредственным воздействием Великого Октября, они санкционируют насилие в таких масштабах и формах, которые не укладывались в рамки обычных представлений о консервативном типе политики. Как отмечал В. И. Ленин, «империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения»²⁷. Крайней формой реакции в конечном счете и стал фашизм. Правда, это явление не сразу обрело свой собственный облик, теряясь еще в общем реакционном потоке. Тем не менее В. И. Ленин определил социально-политическую функцию фашизма, указал на единство тактических установок фашистов и тех группировок господствующих классов, которые избрали курс на контрреволюционный террор. Фашизм как политический метод становится реальным воплощением нового экстремистского варианта консервативной политики. Однако при всем тесном политическом и генетическом родстве с традиционной консервативной реакцией фашизм представлял собой качественно новое явление, порожденное общим кризисом капиталистической системы. Из эпизодически используемого средства насилие

превращается в норму общественной жизни, перманентный террор подкрепляется демагогической апелляцией к массам. Насилие было наиболее естественной реакцией верхов на резкое обострение классово-борьбы. Буржуазия, подчеркивал В. И. Ленин, была запугана «большевизмом», озлоблена на него до умопомрачения, и именно поэтому она сосредоточивает внимание на насильственном подавлении большевизма²⁸. Говоря о годах революционного подъема, когда рабочие «повсюду поддались чарам большевизма», итальянский либеральный политик Ф. Нитти делает такое признание: «Как трудно было управлять в то время без кровопролития и сохранять средний курс между реакцией и революцией!»²⁹.

Капиталистический мир оказался во власти «великого страха», который в сознании идеологов буржуазии, ее интеллектуальной элиты вызывал историческую параллель с паникой, пережитой феодально-абсолютистским «старым порядком» во времена Великой французской революции. «Наш мир подавлен страхом перед революцией», — констатировал один из английских комментаторов в 1920 г. В связи с этим он привел слова Б. Дизраэли о том, что «нет более отталкивающего зрелища в мире, чем патриций, охваченный паникой»³⁰. Это был не только страх перед сегодняшним днем. Его подоплека была гораздо глубже и серьезнее; буржуазия теряет историческую перспективу. В ее рядах становится все больше тех, кто еще только чувством, а кто уже и разумом, воспринимал послевоенную действительность как совершенно новую эпоху по сравнению с довоенной «золотой порой».

Главной приметой новой эпохи явились революционные потрясения грандиозного масштаба, она не сулила ничего утешительного господствующим классам. Будущее выглядело достаточно мрачным. Окончательно рухнули наивно-оптимистические позитивистские воззрения, преобладающим мотивом в идеологии и психологии буржуазии Запада становится исторический пессимизм. Основным содержанием «нашего времени», утверждал в начале 20-х годов испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, является процесс смены рационалистической эпохи эпохой разочарования³¹. «Мы несомненно подошли к тому моменту развития, который прямо аналогичен положению римской плутократии к концу республики», — писал тогда же В. Парето³².

В это время на Западе успехом пользовалась книга реакционного немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы». Само ее название стало емкой формулой буржуазных представлений об эпохе. «Необычайный успех книги Шпенглера, которой в 1918—1923 гг. зачитывалась вся Германия, — пишет советский философ В. Ф. Асмус, — не есть успех философский, но прежде всего факт социальной психологии, показатель интеллектуального тонуа определенных общественных групп»³³.

Послевоенное время связано с нарастанием антигуманистических тенденций в духовной жизни Запада. Вспомним Серенуса Цейтблома из «Доктора Фаустуса». Этот герой Т. Манна — воплощение гуманистического начала — испытал после войны потрясение, острый страх перед судьбой, первопричиной которых было чувство, «что завершилась эпоха, не только охватывавшая девятнадцатый век, но восходившая к концу средневековья, к подрыву схоластических связей, к эмансипации индивидуума, к рождению свободы... словом, эпоха буржуазного гуманизма»³⁴. Если сам Серенус Цейтлом был охвачен ужасом при виде крушения всего, что представляло для него высшую ценность, то многие из тех, кто окружал его, стремились как можно скорее избавиться от «оков гуманизма». Откровенная проповедь насилия, воинствующий иррационализм, решительный отказ от гуманистических ценностей — таковы духовные спутники исторического пессимизма.

Складываясь под влиянием политических и социально-экономических процессов, подобное мировосприятие существенным образом влияло на духовный климат, который в свою очередь оказывал сильное обратное воздействие на политическое поведение буржуазии. Исторический пессимизм создавал питательную почву для политического авантюризма, стратегии игры ва-банк. Такого рода настроения, естественно, благоприятствовали консервативно-экстремистским, а не либерально-реформистским тенденциям.

В созданном буржуазией аппарате насилия существенная роль была отведена военщине. Это обстоятельство специально отмечал В. И. Ленин: «...преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических респуб-

ликах именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата»³⁵. Наряду с официальными звеньями аппарата насилия буржуазия использует всякого рода парамилитаристские организации, вербуя в них демобилизованных военных, забесившихся от страха перед революцией мелких буржуа, реакционное студенчество, деклассированные элементы.

Наиболее важную роль подобные формирования сыграли в послевоенной Германии. Мысль о создании добровольческой армии для борьбы с революционным движением возникла у германских милитаристов еще до Ноябрьской революции.

Германская военщина в союзе с правыми социал-демократами на деньги монополий осуществила эту идею, используя новоявленных ландскнехтов для расправы с революционными выступлениями. Кстати, пять миллионов марок пожертвовал на столь важное дело и Ратенау, вскоре сам погибший под пулями этих профессиональных убийц. Добровольческие корпуса (фрейкор), численность которых колебалась от 200 тыс. до 400 тыс. человек, были организованы как воинские части, их командиры сосредоточили в своих руках огромную реальную власть³⁶.

В рядах фрейкора соплились всякого рода авантюристы, которым был противопоставлен мирный образ жизни, уголовные личности, почуввавшие возможность дать выход своим человеконенавистническим инстинктам и безнаказанно пожить за чужой счет. Были среди фрейкоровцев и убежденные враги революции. Свою ненависть к ней они переносили и на тех представителей буржуазии, которые, по их мнению, были слишком либеральными, мягкотелыми. Не только в методах, но и в идеологии фрейкора много общего с нацизмом. В частности, для нее характерны антикапиталистическая фразеология, проповедь «окопного социализма», якобы отмечающего всякие классовые антагонизмы. Фрейкоровцы составили костяк нацистских штурмовых отрядов, дали нацизму ядро руководящих кадров³⁷.

Подобного рода военизированные организации были созданы и в Италии. Крупные предприниматели и особенно землевладельцы формируют специальные отряды для

борьбы с революционными рабочими и крестьянами. Элементы, во многом сходные с германскими фрейкоровцами, составляли ядро экспедиционных сил Д'Аннунцио, с одобрения наиболее агрессивных кругов итальянской буржуазии захвативших порт Фиуме (Риека) на Адриатическом побережье Югославии. Многие из тех, кто участвовал в фиумской авантюре, оказались в рядах фашистов. Сами фашисты превратились в существенный фактор политической жизни после того, как стали платными ландскнехтами землевладельцев Паданской долины. Фашистские отряды (скуадры), представлявшие собой организованные по военному образцу подразделения, широко использовали военный опыт. «Наши враги, — писал П. Тольятти, имея в виду фашистов, — ведут войну всерьез. Даже термины, используемые фашистами для определения своих действий, заимствованы у военных. Так, операции у них — фронтальные или обходные — проводятся в соответствии с методами ведения войны. Фашисты действуют, применяя приемы и методы, которым солдаты и офицеры научились за время войны»³⁸. Еще в сентябре 1920 г. в циркуляре итальянского генерального штаба воинским начальникам предписывалось рассматривать фашистские отряды «как силу, которая может быть использована против антинациональных, подрывных элементов»³⁹.

Военизированным орудием реакции в Австрии стал хеймвер. Приход к власти социал-демократов, образование коммунистической партии, революции в Венгрии и Баварии — все это вызвало активизацию крайне правых сил, способствовало созданию организации фашистского типа уже в 1919 г. Хеймвер состоял из зажиточных крестьян, торговцев, предпринимателей. Он был нацелен как на враждебные действия против соседних с Австрией, прежде всего славянских, государств, так и на подавление внутреннего врага, т. е. левых сил. Австрийские капиталисты щедро финансировали хеймвер. Только объединение штирийских промышленников в 1921 г. предоставило в его распоряжение пять миллионов крон⁴⁰.

Во Франции в период забастовочных битв 1919—1920 гг. появились такие организации, как гражданские лиги, департаментские легионы защиты порядка, Ассоциация офицеров запаса и т. д., выполнявшие полицейские и штрейкбрехерские функции. «Великий страх» у швейцарской буржуазии вызвала всеобщая забастовка в нояб-

ре 1918 г. Для борьбы с подобной опасностью возникают военизированные формирования. Из них можно отметить созданный в 1919 г. Швейцарский патриотический союз. На средства норвежских капиталистов в 1920 г. для борьбы с забастовочным движением была сформирована так называемая «Самозащита». В Финляндии такого типа организация называлась «Индустриальный мир». В ее рядах подвизался один из будущих лидеров финского фашизма В. Косола. У всех этих детищ крупного капитала и военщины фашистский почерк: террористические акции, националистическая и социальная демагогия, отрицающая классовую борьбу во имя «общенациональных» интересов.

Хотя в период революционных бурь 1918—1923 гг. в целом преобладала тенденция к контрреволюционному насилию, буржуазия не отказывалась от гибких методов социально-политического маневрирования. Под натиском революционных сил правящие круги были вынуждены пойти на серьезные социальные и политические уступки. В подавляющем большинстве стран Западной Европы были введены восьмичасовой рабочий день, социальное страхование, коллективные договоры между рабочими и предпринимателями. Из конституций устранялись различные пережитки сословных ограничений. Распирился контингент избирателей, что способствовало втягиванию в политическую борьбу массовых слоев населения.

Комплекс социальных уступок, сближение с социал-демократической верхушкой воспринимались значительной частью буржуазии как сугубо временные меры. Едва успев отразить напор революции, буржуазия немедленно пыталась отобрать у трудящихся их завоевания. Так, крупный германский промышленник Э. Хильгер в ноябрьские дни 1918 г. радовался тому, что реформистские профсоюзы пошли на переговоры с предпринимателями: «Только благодаря соглашению с профсоюзами мы можем избежать анархии, большевизма, правления спартаковцев...». Но уже через несколько месяцев он, оправившись от испуга, утверждал, что рабочие получили слишком много. Другой промышленный магнат П. Клекнер в 1923 г. заявлял, «что со стороны индустрии было серьезной ошибкой уступить социалистическому влиянию и ввести сокращенный рабочий день...» О. Шпенглер настойчиво убеждал Г. Штреземана, что «можно править вопреки социал-демократам, если вообще еще можно пра-

вить»⁴¹. По мнению В. Ратенау, даже представители буржуазно-либерального лагеря в Германии «рассматривали каждый шаг в деле социальной организации как уступку, а не как внутреннюю необходимость»⁴².

Еще в большей степени такая позиция характерна для итальянской буржуазии, которая в 1919 г. была вынуждена удовлетворить определенные требования трудящихся, в том числе и согласиться на введение восьмичасового рабочего дня. Концерн «Ансальдо» в 1920 г. выступил против этой уступки под лицемерным покровом заботы о трудящихся — ведь для них сокращение рабочего времени оборачивалось ускорением ритма конвейеров, ростом интенсивности труда. Откровеннее была ассамблея предпринимателей металлургической промышленности, прямо обвинившая правительство в том, что оно нанесло огромный вред индустрии, введя восьмичасовой рабочий день «скорее по политическим мотивам, с целью социального умиротворения, чем по экономическим соображениям»⁴³.

Особую агрессивность проявляли монополистические группировки, более всего нажившиеся на войне: «Ансальдо», «Ильва» и др. Робкие попытки правительства Нитти ввести поименную регистрацию ценных бумаг, вторгнуться в заповедную область военных прибылей вызвали беспечный гнев сверхбогачей. Их состояния (немалые и до войны) так увеличились за военные годы, что их даже часто называли новыми богачами, нуворишами. Одному из либеральных экономистов тех дней эти энергичные, нахрапистые хищники представляются, в соответствии с терминологией В. Парето, представителями новой элиты, «львами», «спекуляторами», готовыми на самые рискованные авантюры в противовес осторожным «лисам-рантле», предпочитающим спокойно стричь купоны. Если прежде правящие классы использовали насилие эпизодически, чаще для защиты, чем для нападения, утверждает этот наблюдатель, то теперь под влиянием «новой элиты» насилие становится «нормальным средством»⁴⁴. Либерально-реформистскую политику, которую пытались проводить правительства Джолитти и Нитти, они считали слишком мягкой и неэффективной. Самого Нитти иногда называли итальянским Керенским, предсказывая, что его заигрывание с социал-реформистами доведет страну до революции.

Правда, когда испытанный и закаленный в политических переделках Джолитти сменил Нитти на посту премьер-министра, даже у экстремистов первоначально мелькнула надежда, что «человеку из Дронеро» удастся найти решение. Но очень скоро наступило разочарование. Личный престиж Джолитти, как и престиж его метода лавирования и уступок, резко упал в глазах буржуазии осенью 1920 г., когда итальянские предприниматели пережили тяжелые дни. По всей стране трудящиеся занимали заводы и фабрики, устанавливали над ними контроль. И вот вместо того, чтобы как следует проучить дерзких рабочих, осмелившихся посягнуть на святая святых буржуазии, ее частную собственность, «волшебник из Дронеро» вступает в переговоры с реформистскими профсоюзными лидерами. С их помощью Джолитти удалось нейтрализовать ситуацию, но не обошлось и без некоторых издержек: была повышена зарплата, введен законопроект о так называемом рабочем контроле на предприятиях. Хотя уступки были незначительными, промышленники не могли примириться с тем фактом, что Джолитти отказался применить силу. Возмущенные проявлением слабости со стороны правительства, они укрепляются в мысли о необходимости «прямой защиты» своих привилегий и интересов⁴⁵.

Что подразумевалось под этим, достаточно четко видно хотя бы из дневниковых записей фашиста высокого ранга Ч. Де Векки, одного из четырех квадрумовиров, возглавивших впоследствии «поход на Рим». Туринские промышленники, писал Де Векки, решили создать «антибольшевистскую ассоциацию» во главе с оставшимся генералом Сетти, которому стали платить регулярное жалование. В распоряжении ассоциации находились отряды, готовые в любой момент напасть на рабочих. Ими командовал капитан М. Гобби, ставший несколько позже одним из главарей туринских фашистов. Аналогичные меры предприняли и промышленники Милана. По их инициативе был создан «Комитет согласия и действия», в который влились и многие фашисты. Особые усилия промышленники прилагали для вербовки фронтовиков. Как вспоминает тот же Де Векки, заседания ассоциации фронтовиков «подверглись атаке со стороны многочисленных представителей промышленников, которые швыряли тысячные банкноты за то, чтобы мы их защищали»⁴⁶. Префект Пизы сообщал, что промышленники надеются осу-

ществить националистический переворот во главе с Д'Аннунцио. В середине октября говорили о военном перевороте, который готовят при поддержке магнатов индустрии генералы Бадольо, Кавилья и Джабардино. Правая печать нагнетала атмосферу напряженности, взывая к чрезвычайным мерам. «В настоящий момент, — писал А. Грамши в октябре 1920 г., — силы, которые осуществляют террор, хотят превратить его из террора индивидуального в террор, проводимый в государственном порядке; им мало уже безнаказанности, которой они пользуются по милости государственной власти, они сами хотят быть государственной властью»⁴⁷.

Нечто подобное тому, что пережили промышленники осенью 1920 г., землевладельцы испытали немного позже, в конце 1920 — начале 1921 г., когда неимущие крестьяне начали занимать необрабатываемые земли Центральной и Южной Италии. Реакция аграриев была мгновенной и еще более решительной. Они прямо берут на содержание фашистские squads, успевшие набрать силу после осенних событий. Начинают даже говорить об «аграрном фашизме». Опираясь на новые плацдармы в сельскохозяйственных районах, где они громили и социалистические, и католические крестьянские организации, фашисты набирали силу. Усилилось террористическое давление на промышленные города. На рубеже 1920—1921 гг. фашизм в Италии становится серьезной политической силой в системе аграрно-монополистической реакции.

В Германии мощное консервативное противодействие было вызвано резким колебанием политического маятника в сторону либерально-реформистского курса. Обстановка обострялась из-за последствий Версальского империалистического мира. Могущественные короли железа и стали лишились сырьевых баз и части предприятий. Они мечтали о реванше и были готовы на любые авантюры, не считаясь с тем, что это могло привести к национальной катастрофе. В одном лагере с ними находились оголтелые милитаристы и остальбское юнкерство. Они и составляли ту фракцию германских верхов, которую историк из ГДР В. Руге с полным основанием именуется «авантюристическо-милитаристской». Ее экстремизм придавал особую остроту как классовой борьбе, так и борьбе группировок правящих верхов.

Нестемлемым элементом политической жизни 1918—

1923 г. был террор. Политические убийства стали обычным явлением. В первую очередь реакция расправилась с руководителями только что основанной коммунистической партии К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Сотни и тысячи революционных пролетариев стали жертвами репрессий. Жертвами экстремистов становились и буржуазные политические деятели, сторонники умеренного или либерально-реформистского курса. В августе 1921 г. члены одной из многочисленных террористических организаций «Консул», бывшие фрейкоровцы Шульдц и Тиллессен убили М. Эрцбергера, в качестве министра иностранных дел и министра финансов зарекомендовавшего себя мастером политического и социального маневра. Не прошло и года, как пули убийц из той же самой организации настигли В. Ратенау, министра иностранных дел Веймарской республики.

Авантюристическо-милитаристская фракция неприемлемо относилась к Веймарской республике. При этом нужно иметь в виду следующее: хотя среди реакционных кругов были достаточно сильны монархические настроения, возврат к кайзеровскому рейху отнюдь не считался у них категорическим императивом. Более того, бегство Вильгельма II серьезно подорвало престиж династии Гогенцоллернов. «Бегство кайзера, — пишет известный западногерманский публицист и историк С. Хаффнер, — лишало высшие классы Германии опоры; оно придало грядущей контрреволюции те черты крайнего авантюризма, которые она вряд ли приобрела бы, стань она просто монархическим движением за реставрацию трона»⁴⁸.

Хаффнер подметил очень важную с точки зрения генезиса фашизма особенность консервативной реакции в Германии. Правда, известно, что сильные экстремистские тенденции были свойственны германскому консерватизму и до 1918 г. Теперь их дальнейшая эволюция идет в непосредственной связи с формированием фашизма. Концентрированным выражением генетической связи между фашизмом и консервативной реакцией явилось, в частности, крайне правое идейно-политическое течение в Германии времен Веймарской республики. Представителей этого течения на Западе обычно именуют «революционными консерваторами» или младоконсерваторами. Для них революционность была тождественна экстремизму, поэтому, конечно, правильнее было бы называть их кон-

сервативными экстремистами или экстремистскими консерваторами.

Идеологи этого течения, такие наиболее известные фигуры, как А. Меллер ван ден Брук, Э. Юнг, Э. Юнгер, В. Штапель, Ф. Фрид, Г. Церер и др., представляли лишь верхушку айсберга. Очертить сколько-нибудь определенные границы данного течения чрезвычайно трудно, так как оно не обладало ни программным, ни организационным единством. Но было бы неверно рассматривать его идейную и организационную аморфность только как признак слабости. Благодаря этому «революционные консерваторы» могли оказывать воздействие на различные социальные слои и организации. В распоряжении «революционных консерваторов» находились многочисленные периодические издания. Нельзя недооценивать также роль политических салонов, обществ и клубов, где они задавали тон («Июньский клуб», «Антибольшевистская лига», «Клуб господ» и т. д.). «Июньский клуб» был основан Меллером ван ден Бруком в июне 1919 г. — сразу же после подписания Версальского мира. Первоочередной задачей Меллер ван ден Брук считал объединение всех немцев, независимо от классовой принадлежности, в борьбе за ликвидацию мирного договора, восстановление и расширение позиций германского империализма. Деятельность клуба финансировали такие финансово-промышленные магнаты, как Г. Стиннес, А. Гугенберг, П. Рейш, А. Фёглер.

Консервативные экстремисты вынашивали планы насильственного изменения веймарского статус-кво с помощью «консервативной революции». За этой парадоксальной, быющей на внешней эффект формулой скрывалось крайне реакционное содержание. Фактически речь шла о контрреволюции. А. А. Галкин следующим образом раскрывает суть «консервативной революции»: «Сам по себе этот термин неудачен. Понятие революция предполагает коренную ломку существующих социально-экономических или политических устоев. Поэтому она не может быть консервативной. Но определенную реальную сторону явления этот термин все же отражает. Действительно, стремление сломать, чтобы сохранить, свойственно многим движениям крайне правого толка»⁴⁹. Великолепным образцом «консервативной революции» Меллер ван ден Брук считал муссолиниевский «поход на Рим». Когда же речь шла о подлинных революциях, то он в

прямой полемике с марксизмом заявлял, что они являются не «локомотивами истории», а «великими несчастными случаями». Характерно, что некоторые итальянские фашистские теоретики видели основную миссию фашизма в «консервативной революции»⁵⁰.

Идеологические элементы «революционного консерватизма» абсолютно органично вошли в систему фашизма. Название главного идейно-политического произведения Меллера ван ден Брука «Третий рейх», впервые опубликованного в 1923 г., стало ключевым лозунгом нацистов. В 1932 г. Геббельс восторженно встретил выход в свет нового издания этой книги: «Я приветствую распространение столь значительного для идейной истории НСДАП труда»⁵¹.

Все это, конечно, не означает, что между нацизмом и «революционным консерватизмом» не было различий. С точки зрения масштаба практической деятельности, общирности и многообразия социального базиса, крайности политических и идеологических установок нацизм существенно превосходил родственное ему течение. Разногласия объяснялись и тем, что идеологи «консервативной революции» претендовали на роль интеллектуального генштаба реакции. Во время встречи с Меллером ван ден Бруком в начале 1922 г. Гитлер еще смотрел в рот своему собеседнику и говорил ему: «У вас есть все, что отсутствует у меня. Вы разрабатываете духовное оружие для Германии. Я же не более чем барабанщик и собиратель, давайте же работать вместе»⁵². Что же касается Меллера ван ден Брука, то его коробило от примитивизма «барабанщика». Позднее же нацисты свысока смотрели на своих партнеров, отнюдь не собираясь представлять им роль менторов. Впитав чьи-то идеи, нацисты потом выдавали их за свои собственные и не желали афишировать их подлинное происхождение. После установления гитлеровской диктатуры «революционный консерватизм» просто растворился в победившем национал-социализме, что также подтверждает их генетическую близость. Консерватизм нового типа был, таким образом, и сильно действующим ферментом в процессе генезиса германского фашизма, и составной его частью. Это течение в своеобразной форме отразило тенденцию к экстремизации консерватизма, далеко выходящую за собственно германские пределы.

Хотя политика господствующих классов является решающим фактором в процессе становления фашизма, нельзя упускать из виду, что и в определенных слоях населения скапливается экстремистский потенциал, который может быть направлен верхами в фашистское русло. Наличие массовой базы — важный признак «классических» вариантов фашизма. Ее основным компонентом были промежуточные категории населения, прежде всего городские средние слои, городская и сельская мелкая буржуазия, люмпен-пролетариат. Высокий накал антикапиталистических, особенно антимонополистических, настроений придавал им большую социальную взрывную силу. Им был присущ свой собственный динамизм, который не всегда укладывался в рамки социально-политической функции фашизма. Массовый базис скорее определял форму, чем содержание фашизма, его внешние черты.

Исходя из внешнего облика, буржуазные историки навязывают представления о фашизме как о «мелкобуржуазном», «среднеклассовом» феномене или даже «народном» движении. Критерий, по сути дела, один — социальный базис, взятый в отрыве от политической функции фашистских движений и режимов. Естественно, что при таком подходе генезис фашизма рассматривается лишь с точки зрения политического поведения определенных слоев населения, главным образом мелкой буржуазии. Отсюда следует, что фашизм возникает как бы в промежуточной зоне между капитализмом и социализмом в качестве некоей «третьей силы». Буржуазные ученые зачастую некритически следуют за пропагандистскими писаниями фашистских идеологов, провозглашавших фашистов поборниками «третьего пути» или «третьей силы». Фашисты, утверждал, например, английский историк Х. Кедворд, не желали идти ни по капиталистическому, ни по социалистическому пути: «Фашистский синтез был „третьим путем...“»⁵³. «Фашизм был... попыткой среднего сословия, поднимающейся мелкой буржуазии утвердить себя как класс, как новую силу», — решительно заявляет Р. Де Феличе⁵⁴.

Серьезные буржуазные историки в наши дни уже не могут отрицать того, что фашистские движения пользовались поддержкой верхов, с их помощью приходили к

власти, что при фашистских режимах монополий получали баснословные прибыли. Однако фашисты и подерживавшие их фракции верхов избираются лишь временными политическими союзниками, чьи интересы совпадали на каком-то отдельном участке пути. Связь между собственно фашистскими движениями и реакционными группировками верхов предстает как явление политического, а не генетического порядка. В качестве главного аргумента буржуазные историки обычно ссылаются на массовую базу фашизма как главный признак, по которому будто бы и следует судить о сущности явления, игнорируя его политическую функцию.

Между тем наличие массовой базы — существенная, но не всеобщая черта фашизма. Есть такие его разновидности (например, военный фашизм), для которых массовая база не является неотъемлемым атрибутом. Иногда фашизм создает себе опору в массах уже после прихода к власти (Португалия, Испания). Даже в тех случаях, когда фашистам удается привлечь на свою сторону определенные слои населения (Германия, Италия), это становится возможным лишь благодаря политической, финансовой и духовной поддержке верхов. И фашистские тенденции в верхах, и экстремистские движения с фашистским потенциалом из социально разнородных элементов формировались в едином потоке буржуазной реакции.

Хорошо известные факты из истории главных разновидностей фашизма убедительно свидетельствуют о том, что господствующие классы поддерживают фашистов не только в то время, когда они уже сумели мобилизовать массы, опираясь на собственные силы, но и с момента зарождения фашистских движений. Причем как раз для того, чтобы они решились задачу вовлечения масс в орбиту реакционной политики.

Опыт войны, революции, наконец, капшовского путча показал ультраконсервативным фракциям верхов, что при всем их презрении к народу без социальной базы не обойтись. Но удовлетворять реальные интересы трудящихся правящие круги, естественно, не собирались. Приманкой для определенных слоев населения должна была служить националистическая и социальная демагогия. Нужны были новые методы пропаганды и агитации, требовались мастера демагогии, способные воздействовать на эмоции и сознание масс. «Без народного движения ничего не сделать», — заявлял, например, руководитель создан-

ной в дни Ноябрьской революции «Антибольшевистской лиги» Э. Штадлер⁵⁵. Даже такой мракобес, как главарь пангерманцев Клас, признавал в 1919 г., что «все будущее германской индустрии зависит от правильных взаимоотношений между рабочими и предпринимателями»⁵⁶. Не только духовная, но и политическая судьба Германии зависела, по словам Меллера ван ден Брука, от того, «обретет ли достаточную силу среди немецких рабочих „национальный элемент“?»

Безусловно, фашисты прилагали отчаянные усилия, чтобы вклиниться в такую массовую социальную сферу, как рабочий класс. На это их нацеливали покровители из правящих кругов. Если фашистам все же не удалось решить эту задачу, то отнюдь не потому, что они мало старались. Именно рабочим была адресована внушительная доза фашистской демагогии. Но классовое чутье, неустанная антифашистская борьба коммунистов сыграли свою роль. Рабочий класс обнаружил наибольший иммунитет по отношению к фашистской заразе.

23 марта 1919 г. состоялось учредительное собрание фашистской организации в Италии. В соборняке Миланской ассоциации промышленников на площади Сан-Сеполькро присутствовало, по данным полиции, лишь около 300 человек. Сам Муссолини признавал, что собрание прошло почти незамеченным. На ноябрьских выборах 1919 г. фашисты не сумели провести в парламент ни одного депутата, собрав в Милане из 270 тыс. 4657 голов. Не помогла и революционаристская фразеология. В газете социалистов «Аванти!», которую некогда возглавлял Муссолини, появилось ироническое сообщение о том, что в канале выловлен разлагающийся труп — политический труп Бенито Муссолини.

Под впечатлением неудачи будущий дуче даже помышлял оставить политику, но могущественные покровители не отступились от неудачника. Основное его орудие — газета «Пополо д'Италия» на рубеже 1919—1920 гг. получила большие субсидии от крупных фирм, в том числе от концерна «Ильва»⁵⁷. Фашисты приобретают все большую уверенность. Уже в январе 1920 г. на страницах «Пополо д'Италия» видный фашистский идеолог Ч. Росси призывал смело идти против течения и решительно заявить, что «нужно быть консерваторами и реакционерами, то есть выступить против прыжков в темноту (так именовалась подлинная революция. — П. Р.),

сохранить то солидное, органическое и здоровое, что представляет находящийся у власти социальный класс»⁵⁸. Уже на следующих выборах в мае 1921 г. фашисты смогли пробиться в парламент и получить там 36 мест благодаря участию в «национальных блоках». Субсидии промышленников и аграриев, разнообразная помощь со стороны государственного аппарата позволили фашистам значительно расширить свое влияние в стране. Если в ноябре 1919 г. насчитывалось 870 фашистов, то в апреле 1920 г. численность фашистской организации достигла 20 615 человек, а в конце 1921 г. — 217 000. Перед «походом на Рим» фашистская партия насчитывала 322 тыс. человек⁵⁹.

Образцы глубокого и всестороннего анализа социальной роли промежуточных слоев, прежде всего мелкой буржуазии, даны в трудах основоположников марксизма-ленинизма и выдающихся деятелей международного коммунистического движения. В них показана социальная двойственность мелкого буржуа, в котором соединяются черты собственника и черты труженика. «Мелкий буржуа... — писал К. Маркс, — составлен из „с одной стороны“ и „с другой стороны“. Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он in everything. Он — воплощенное противоречие»⁶⁰. Отражением социально-экономической неустойчивости этого слоя являются его колебания между двумя главными антагонистическими классами. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа», по словам В. И. Ленина, легко бросается из одной крайности в другую. Его неустойчивая крайняя революционность имеет «свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением...»⁶¹.

Особенно ярко это проявилось в 1918—1923 гг. Сначала значительная часть мелкобуржуазных и средних слоев в той или иной мере оказалась причастной к бурным революционным событиям послевоенного времени, с ними она связывала надежды на перемены к лучшему. Но после спада революционной волны и контрнаступления реакции эти политически и психологически неустойчивые слои, разочарованные и не удовлетворенные своей социальной ролью в изменившемся мире, поворачивают в

сторону контрреволюции. При этом нужно иметь в виду, что фашистская контрреволюция искусно прикрывалась псевдореволюционной и антикапиталистической фразеологией. Выступая на расширенном пленуме Коммунистического Интернационала 20 июня 1923 г., К. Цеткин говорила, что немало представителей мелкой и средней буржуазии, чиновничества, интеллигенции первоначально питали симпатии к социал-реформизму и были им обнадужены «на сдвиг мирового значения благодаря „демократии“»⁶². Но реформистские вожди, которые отнюдь не собирались посягать на господство крупного капитала, не оправдали надежд промежуточных слоев.

Что касается молодых коммунистических партий Запада, то они не смогли еще на практике в полной мере использовать опыт ленинизма. Сказывалась детская болезнь левизны, мешавшая эффективной реализации установок Коммунистического Интернационала. В материалах Коминтерна неоднократно подчеркивалась необходимость завоевания масс, в том числе и мелкобуржуазных. Так, например, К. Цеткин отмечала, что нужно бороться «за души мелких и средних буржуа, мелких крестьян и интеллигентов — короче, всех слоев, которые вследствие своего экономического и социального положения вступают в постоянно растущее противоречие с крупным капиталом и тем самым — в острую борьбу против него»⁶³. Но коммунистам не удалось тогда осуществить курс на привлечение промежуточных слоев, причем не только и не столько из-за допущенных ошибок. Дело в том, что мелкой буржуазии и средним слоям в силу их противоречивой социально-экономической позиции трудно осознавать свои реальные интересы, нелегко прийти к пониманию своей объективной роли союзника пролетариата.

Как подчеркивал В. И. Ленин, «мелкобуржуазная масса самим своим экономическим положением подготовлена к удивительной доверчивости и бессознательности...»⁶⁴. Само экономическое положение этой категории населения обуславливает особую значимость психологического фактора в ее социальном поведении, большой удельный вес в нем стихийного и бессознательного начала, эмоционального настроения. Отсюда и колоссальная амплитуда колебаний: от трусливой покорности власти имущим до экстремизма как ультрареволюционного, так и ультрареакционного.

Экстремизм мелкой буржуазии и средних слоев не тождествен экстремизму господствующих классов. Экстремизм верхов носит прежде всего политический характер, а экстремизму мелкобуржуазному в значительной степени присущи социально-психологические черты. С точки зрения генезиса фашизма важно отметить, что оба варианта экстремизма питались из одного источника. В самом широком плане — это общий кризис капитализма, в плане более узком, конкретно-ситуационном, — это волна буржуазной реакции, вызванная революционным подъемом 1918—1923 гг., а затем грандиозный кризис 1929—1933 гг. И монополистическую, и мелкую буржуазию сближает общий страх перед социалистической революцией. Своеобразие мелкобуржуазного экстремизма определяется тем, что в нем содержится и антикапиталистический, точнее, антимонополистический заряд. Экстремистские фракции верхов как раз и считали важнейшей задачей фашистских движений введение мелкобуржуазного экстремизма в промонополистическое русло, нейтрализацию его антикапиталистических аспектов. Слияние монополистического и мелкобуржуазного экстремизма и вело к формированию «классических» разновидностей фашизма, опиравшихся на массовую базу.

Экстремистские тенденции в верхах и среди мелкой буржуазии представляли собой явление международного масштаба. Но, естественно, степень их остроты в тех или иных странах определялась национально-исторической спецификой, зависела от того, насколько велика была угроза классовому господству буржуазии, от соотношения сил между сторонниками либерального и консервативного курса, от того, в какой мере пошатнулись позиции мелкобуржуазных слоев. Последствия войны выразились не столько в вымывании мелких предпринимателей, ремесленников и торговцев, сколько в углублении разрыва между этими социальными категориями и крупным капиталом. При незначительном колебании количественного состава мелкой буржуазии быстрее уменьшается ее удельный вес в экономике. На фоне монополистических гигантов мелкие предприниматели и торговцы особенно остро ощущали собственную слабость, испытывали своего рода комплекс социальной неполноценности.

Уровень доходов мелких буржуа все более и более приближается к заработной плате рабочих. Это же можно сказать и о жизненном уровне служащих, количество

которых значительно выросло. В Германии в 1913—1925 гг. средняя зарплата рабочих в промышленности, торговле и на транспорте изменялась в пределах от 1085 до 1825 марок в год, у служащих — с 2000 до 2600. Среднегодовой доход ремесленников и мелких торговцев колебался от 3 тыс. до 4 тыс. марок. Между тем средний размер ежегодного дохода 300 тыс. более крупных предпринимателей, акционеров и руководящих служащих, по данным на 1928 г., оценивался в 25—30 тыс. марок⁶⁵. Мелкие буржуа и служащие более всего боялись потерять свой социальный статус, пролетаризироваться. Хотя нивелировка материального положения рабочих и служащих шла довольно интенсивно, «пролетариат в накрахмаленных воротничках», по словам германского социолога веймарских времен В. Шенемана, не хотел отказываться от «социальной дистанции по отношению к рабочим»⁶⁶.

Особенно болезненные психологические потрясения вызвал крах довоенного мира, казавшегося теперь на фоне революционных потрясений «золотым веком уверенности», в германском «миттельштанде», т. е. среднем сословии — «конгломерате социальных групп, включавшем мелких рантье, чиновников, мелких предпринимателей, ремесленников и розничных торговцев»⁶⁷. Гогенцоллерновский рейх во многом соответствовал их идеалам государственной мощи, авторитета, «твердого порядка». Веймарская же республика ассоциировалась в сознании «миттельштанда» с социальной нестабильностью, «национальным позором», подписанием унизительного Версальского мира. На счет Веймарской республики был отнесен и инфляционный кризис. Осенью 1923 г. американский доллар оценивался в 40 млрд. марок, а кружка пива, за которую в 1913 г. платили 13 пфеннигов, стоила 150 млн. марок. Хотя инфляция имела для мелкой буржуазии и положительные стороны, в частности ей удалось расплатиться с долгами обесценившейся валютой, психологический эффект был однозначен: режим, допускающий такие беспорядки, не заслуживает доверия. Правда, «среднее сословие» отнюдь не сразу устремилось в объятия нацистов. Так, на выборах 1920 г. весьма значительная часть средних слоев отдала голоса различным буржуазно-либеральным партиям. Но «миттельштанд», и в особенности мелкая буржуазия, привыкли полагаться на протекцию государства, а либеральный

курс предусматривал минимальное участие государства в экономической жизни. Ту часть мелкой буржуазии, которая связывала свои надежды с реформистским социализмом, тоже постигло разочарование. И уже после выборов 1920 г. начинается поправление «миттельштанда». Кульминация этого процесса пришлась на период кризиса 1929—1933 гг., когда нацистам удалось создать широкий социальный базис из средних и мелкобуржуазных слоев.

В Италии процесс вовлечения аналогичных социальных элементов в сферу влияния фашизма проходил быстрее, так как верхи, разуверившиеся в традиционных методах, раньше делают ставку на фашистов, включают их в партийно-политическую систему. В отличие от германских собратьев у итальянских мелких буржуа не было таких сладких воспоминаний о «славном» довоенном прошлом. Они были более открыты идеям обновления существующих порядков и быстрее откликнулись на призыв фашистов, предлагавших им свою модель «революции».

Италия вышла из войны с растерзанной экономикой. Лира обесценилась в четыре раза, уровень жизни резко упал. В 1919—1920 гг. рабочим удалось добиться некоторого повышения зарплаты. Резко возросла степень их организованности: в четыре раза возросла численность Социалистической партии и профсоюзов. У мелкобуржуазных элементов укрепление политических позиций рабочего класса, его успехи в борьбе против предпринимателей усиливали ощущение собственной слабости, вызывали острую зависть. Это было тем более непереносимо, что на рабочих мелкий буржуа привык смотреть свысока.

Глубокую характеристику позиции мелкой буржуазии, ее духовного состояния дал А. Грамши: «Этот класс, который больше всех возлагал надежды на войну и победу, больше всех потерял в результате войны и победы. Мелкая буржуазия верила, что война действительно будет означать процветание, свободу, материальную обеспеченность, удовлетворение присущего этому классу националистического тщеславия, верила, что война даст все эти блага „стране“, т. е. мелкой буржуазии». Однако ее надежды не оправдались: «Оказалось же, напротив, что она все потеряла, что ее воздушные замки рухнули, что она лишилась свободы действий, доведена постоянным повышением цен до самой мучительной нищеты и впала в отчаяние, в неистовство, в звериное бешенство; она жаж-

дет мщения вообще, беспособная в ее теперешнем состоянии разобратся в действительных причинах маразма, охватившего нацию»⁶⁸.

Непомерные притязания мелкобуржуазных идеологов и публицистов, их позерство и дешевая риторика напомнили А. Грамши киплинговский рассказ о Бандар-Логах — обезьянем племени, восхвалявшем себя как наиболее достойное в джунглях. Представители мелкобуржуазного лагеря претендовали на высшую политическую мудрость, историческую интуицию и на «подлинную революционность»⁶⁹.

Фашисты искусно играли на эмоциях мелкой буржуазии, льстили ее самолюбию, обещали привести к власти. Среди мелкобуржуазных сторонников фашизма было немало таких людей, кто действительно верил в революционность нового движения, в его антикапиталистические лозунги, видел в нем подлинную «третью силу». Их искренняя убежденность придавала достоверность демагогической по своей сути фашистской пропаганде, адресованной к средним слоям. В этом уже содержались элементы противоречия между политической функцией и социальным базисом фашизма. Это противоречие с особой силой проявлялось в период консолидации фашистских режимов, когда рассеивалась демагогическая пелена и четко проступала сущность фашизма как диктатуры наиболее агрессивных и реакционных монополистических группировок. Более того, после установления фашистских режимов наблюдалось устранение тех радикальных элементов, которые всерьез воспринимали пронагандистскую фразеологию главарей. Один из аспектов пресловутой «ночи длинных ножей» в Германии (30 июня 1934 г.) заключался в ликвидации недовольных штурмовиков, требовавших «второй революции». Муссолини немало хлопот доставили сторонники «второй волны», которых не устраивала политика дуче после «похода на Рим». В фашистской партии постоянно шли чистки. Так, только в конце 20-х годов было исключено не менее 55—60 тыс. человек⁷⁰. Во франкистской Испании противоречие между мелкобуржуазными и люмпен-пролетарскими элементами и верхушкой режима нашло отражение во фронте «старых рубашек». Однако, несмотря на противоречия, фашистским главарям удавалось (с разной степенью успеха) сохранять массовую опору, комбинируя террор с социальной и националистической

демагогией. Корпоративистская пропаганда, стремление растворить социальные различия в широкой категории «рабочие умственного и физического труда», культивирование идей расового или национального превосходства — все это было призвано создать впечатление, что в фашистских государствах будто бы повышается социальный статус и престиж средних слоев. Реальной компенсацией для представителей массовой базы фашизма стали места на нижних и средних ступеньках непомерно разросшегося государственно-административного аппарата.

Когда речь идет о рекрутах фашизма, нельзя не учитывать выходцев из люмпен-пролетарской среды, охотно клюющих на приманку реакции. Буржуазное общество постоянно воспроизводит эту прослойку, пополняющуюся за счет тех, кого оно деклассирует, выбрасывает из сферы производительного труда. По определению К. Маркса, люмпены представляли собой «отребье», «накипь всех классов»⁷¹. В. И. Ленин охарактеризовал их как «слой подкупных людей, совершенно раздавленных капитализмом и не умеющих возвыситься до идеи пролетарской борьбы»⁷².

Люмпены откликались на призыв реакции в самых ее разнообразных формах — будь то бонапартизм Наполеона III, буланжизм, джингоизм, «черные сотни» и, наконец, фашизм. Подобная среда поставляла фашистам и «фюреров» разного ранга. Молодой Гитлер по своему образу жизни был близок этому паразитарному слою. «Классическим» типом люмпена являлся пресловутый Хорст Вессель, один из главарей берлинских штурмовиков, убитый в пьяной драке, а затем канонизированный в качестве «героя и мученика» нацистского движения. Такого рода люмпенские, а порой и откровенно уголовные элементы подвизались в рядах практически всех фашистских движений. И в наши дни прочно укоренившийся в порах буржуазного общества люмпен-пролетариат служит социальным резервуаром для правых и левых экстремистов⁷³. Среди фашистов «первого часа» (так обычно именовали тех, кто пришел в ряды движения еще до прихода Муссолини к власти) преобладали представители средних слоев, мелкой буржуазии, люмпен-пролетарские элементы. Так, на основе данных о составе нацистской партии, хотя и отрывочных до 1923 г., можно судить о ее социальном облике. Западногерманский ученый М. Катер подверг анализу фрагмент списка членов

НСДАП на сентябрь-ноябрь 1923 г., включающий 4800 лиц (всего тогда в партии насчитывалось 55 287 членов). На долю низших средних слоев (ремесленники, фермеры, коммерсанты, мелкие чиновники, служащие частных предприятий) приходилось 66% состава, на долю верхних средних слоев (высших служащих, чиновников, лиц свободных профессий) — 11,8%. Что касается пролетариата, то в партии, именовавшей себя «рабочей», он был представлен главным образом провинциальными неквалифицированными рабочими со слабо развитым классовым самосознанием (9,5%)⁷⁴.

Данные по фашистской партии Италии более репрезентативны. Имеется список за ноябрь 1921 г., охватывающий 151 644 человека (около половины всего состава). Ремесленники и торговцы представлены гораздо скромнее, чем в НСДАП (9,2%), что примерно соответствовало их удельному весу в населении Италии. Правда, подмастерьев тогдашние статистики включили в разряд промышленных рабочих (15,5%). Сравнительно большое количество сельскохозяйственных рабочих (24,3%) объяснялось тем обстоятельством, что фашисты насильственно загоняли в свои ряды членов разгромленных ими социалистических и католических организаций сельского пролетариата. Фашисты нашли немало сторонников среди землевладельцев, в том числе «новых» земельных собственников, т. е. зажиточных крестьян, сумевших за годы войны существенно расширить свои владения (крупные, средние, мелкие собственники и арендаторы — 11,9%). Велик удельный вес государственных и частных служащих — 14,6%, тогда как в структуре населения страны на них приходилось 4—5%. Довольно много и лиц свободных профессий — 6,6% (по стране 5%). Широко представлены студенты и учащиеся старших классов (13%); они чаще всего были выходцами из семей служащих, коммерсантов, землевладельцев и промышленников. Преподаватели составляли 1,1% членов партии (4—5% общего количества этой профессиональной группы в стране)⁷⁵. Многие учителя и студенты, вернувшись с фронта, столкнулись с трудностями, а зачастую просто с невозможностью продолжать работу или учебу. Жертвами безработицы стали не только учителя, но и врачи, инженеры, лица других профессий с высшим образованием. Надежды на восстановление прежнего статуса определенная их часть связывала с фашизмом.

Нетрудно уловить различия в социальном составе фашистских партий Германии и Италии, вытекающие из разного уровня экономического развития и социальной структуры двух стран. Хотя и в том и в другом случае велик удельный вес мелкобуржуазных элементов, но у нацистов это главным образом мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, т. е. «промышленное среднее сословие», а у итальянских фашистов, если воспользоваться определением Л. Сальваторелли, — «гуманитарная мелкая буржуазия». Эта разница проявилась, в частности, в большей идеологической подвижности итальянского фашизма, его более пестром по сравнению с нацизмом идейным багажом.

Говоря о психологических аспектах генезиса фашизма, нельзя пройти мимо того факта, что весьма значительную и наиболее активную часть фашистского контингента составляли бывшие фронтовики, которых после войны буржуазное общество не могло обеспечить работой и достатком. Муссолини восхвалял фронтовиков как «траншейную аристократию», кровью заслужившую право определять судьбы послевоенной Италии. Фашистская пропаганда внушала фронтовикам иллюзорное представление о том, что они будто бы являются той самой «третьей силой», которая призвана сменить одряхлевшие правящие классы.

Разумеется, не следует преувеличивать успехи фашистской вербовки среди фронтовиков. Многие из них не поддались фашистской пропаганде, а многие, поддавшиеся на первых порах националистическому дурману, вскоре прозрели. Не случайно именно в вооруженных силах возникали первые очаги революционной борьбы, происходили восстания солдат и матросов. Вообще «человек с ружьем» стал ключевой фигурой послевоенных революционных боев. Однако империалистический характер войны порождал также тип фронтовика с психологией и повадками ландскнехтов. Фашисты «первого часа», своего рода «элита», рекрутировались главным образом из участников войны, которые не смогли или не пожелали вернуться к прежнему образу жизни, так как былой статус их не устраивал. Их претензии шли гораздо дальше. Отношение этих людей к буржуазному обществу было двояким. Осуждая и отрицая существующее положение вещей, они не покушались на принципы капиталистического устройства. Их недовольство объяснялось собственной незавидной ролью в буржуазном обществе. Чаще всего это были

выходцы из буржуазии или средних слоев, для которых война превратилась в привычное занятие, своего рода ремесло или спорт. Они представляли собой идеальный контингент для авантюры и контрреволюционного террора. Разглагольствования о «траншейной аристократии» льстили их самолюбию и находили у них живой отклик.

Бессмысленное четырехлетнее кровопролитие, послевоенные кризисные потрясения подрывали остатки веры в рациональность окружающего мира. В тщетных поисках выхода, в метаниях между различными крайностями, в стремлении к спокойствию и порядку социальные элементы, лишенные четкого классового самосознания, готовы были пойти за любым сколько-нибудь искусным демагогом.

«Удар кинжалом в спину», «ноябрьские преступления», «версальский позор» — этот набор пропагандистских мифов, распространявшихся в побежденной Германии, призван был объяснить все беды послевоенного бытия. Они выстраивались в простую и, казалось бы, предельно четкую схему: «ноябрьские преступники» нанесли «удар кинжалом в спину» победоносному войску, результатом чего и стал «версальский национальный позор». Версальский мир мрачной тенью лег на Веймарскую республику, которую реакционная пропаганда сделала синонимом национального унижения. Буржуазно-демократический режим по западноевропейскому образцу изображался как чуждая германскому духу, навязанная извне модель. Неприязнь к буржуазной демократии западного стиля усугублялась крахом иллюзий, порожденных широковетвистой пропагандой американского президента В. Вильсона, который после выдвижения своих «14 пунктов» и плана создания Лиги наций стал на какое-то время «идолом мечтан и пацифистов»⁷⁸. Тем более велико было разочарование воодушевленного мещанства, когда из тумана напыщенной проповеднической фразеологии Вильсона вырисовывалась жестокая реальность послевоенного империалистического урегулирования.

Все это относится к Италии почти в той же мере, что и к Германии. Там тоже наблюдалось увлечение морализаторскими проповедями американского президента, и, хотя формально страна принадлежала к лагерю победителей, плоды победы были отнюдь не столь весомыми и сладкими, как это грезились тем, кто втянул Италию в войну. Теперь они распространяли среди итальянского

народа миф об «искалеченной», или «испорченной», победе. Националисты и фашисты сделали его ключевым элементом своей пропаганды. Послевоенную Италию они уничтожительно называли «Италиеттой», обещая создать Великую Италию на путях империалистической экспансии. Духовный климат послевоенных лет в немалой степени способствовал успехам фашистской агитации среди мелкобуржуазных слоев. Антигуманистические и иррационалистические тенденции, разъедавшие капиталистическое общество, существенным образом повлияли на психологию этих слоев, их политическое поведение. Культ насилия, героя-сверхчеловека, аморальность — все то, что реакционные идеологи проповедовали и раньше, школа империалистической войны внедрила в массовое сознание. Вследствие всесторонней милитаризации общественной жизни, совершенствования системы и методов массовой пропаганды возникают новые возможности для манипулирования сознанием определенных слоев населения в интересах господствующих классов. Невиданная бойня катастрофически понизила ценность отдельной человеческой жизни, породила довольно многочисленную категорию людей, для которых пролитие чужой крови становится обыденным делом. Так благодаря войне реакция получила в свое распоряжение значительный контингент хорошо подготовленных головорезов.

ШКОЛА ДИКТАТОРОВ

Безусловно, как нацизм не был просто гитлеризмом, так и итальянский фашизм не был просто муссолинизмом. Нельзя персонафицировать сложные социально-политические явления. Такой подход весьма распространен на Западе, потому что с его помощью удобно маскировать глубокие объективные предпосылки возникновения фашизма. В западных странах сложилась колоссальная литература о фашистских диктаторах, преследующая и политические, и коммерческие цели. На большинстве такого рода писаний лежит отпечаток дешевой сенсационности, которая обеспечивает успешный сбыт этой продукции. Смакуя пикантные детали из жизни фашистских лидеров, копаясь в недрах их психики, буржуазные авторы пытаются убедить читателей, что именно здесь, в сугубо личностной сфере, следует искать разгадку фашизма. Фашизм предстает не столько следствием опре-

деленных социально-политических тенденций, сколько результатом деятельности отдельных личностей.

Действительно, оформление фашистских движений чаще всего связано с конкретными личностями, сам характер этих движений предполагает культ лидеров. Наличие предпосылок фашизма неотделимо от предпосылок появления соответствующего типа лидера. «Случайно ли, что вожаками фашизма, как на подбор, оказались — и оказываются — типы феноменальных подонков: люди без следа совести и морали, хотя бы буржуазной, полуманьяки, полуобразованные (хотя отнюдь не тупые), с садистским уклоном, нередко с уголовным прошлым?» — ставит вопрос публицист Э. Генри. Он же дает четкий и недвусмысленный ответ: «Нельзя переходить к фашистской или военно-авторитарной диктатуре, не создавая новый тип государственного деятеля: тип политика-преступника»⁷⁷. Такие политики не останавливаются ни перед какими злодеяниями, массовый террор в сочетании с разнузданной социальной демагогией становится наиболее характерной чертой их политической практики. Буржуазное общество на империалистической стадии формирует множество кандидатов в фюреры. Но для реализации их устремлений мало одной лишь «воли к власти». Она помогает главным образом взять верх в борьбе с себе подобными. Чтобы создать сильное движение и прорваться к власти, необходима широкая и многообразная помощь со стороны господствующих классов. Хотя личность «вождя» накладывала отпечаток на фашистские движения, но важно отметить, что сам тип лидера во многом определялся типом движения, обусловленным особенностями исторического развития отдельных стран. Там, где существовала сравнительно массовая социальная база, на роль лидеров лучше всего подходили так называемые «люди из народа». А, например, в Испании с ее архаичной социальной структурой, с мощными консервативными силами, несмотря на попытки отыскать подходящую кандидатуру «человека из народа», главарем фаланги стал рафинированный аристократ, «сеньорито» — Х. А. Примо де Ривера.

Политическую биографию Муссолини можно понять лишь в контексте многопланового процесса генезиса фашизма, и в свою очередь его личная эволюция помогает глубже осмыслить суть всего процесса. Обычно буржуазные историки выпячивают значение того периода в

жизни Муссолини, когда он находился в рядах социалистического движения, показал себя мастером революционной фразы.

Они всячески обыгрывают тот факт, что будущий главарь итальянского фашизма в молодости слыл «непримиримым революционером». Однако объективный анализ идейно-политической эволюции этого персонажа свидетельствует о том, что он никогда не был подлинным социалистом. Не будет преувеличением сказать, что социалистом Муссолини стал в силу обстоятельств, а фашистом — по склонности и убеждению.

Сын кузнеца и учительницы деревенской школы, Муссолини с детских лет попал в среду провинциальных «социалистов чувства» с сильной анархо-синдикалистской заковской. Таковым был и его отец Алессандро. Своему сыну, родившемуся 29 июля 1883 г., он дал имя Бенито Амилькаре Андреа в честь героя мексиканского освободительного движения Бенито Хуареса и анархистов Амилькаре Чиприани и Андреа Косты. Учительская карьера, открывавшаяся перед Муссолини после окончания училища (оно готовило педагогов для начальных школ) мало привлекала амбициозного юнца. Уже в годы учебы он обнаружил необузданность нрава, стремление верховодить в детских и юношеских компаниях. Из начальной школы его даже исключали за поножовщину. Оставив место школьного учителя в одной из сельских коммун, Муссолини, как и многие итальянцы, отправился искать счастья за границей. С 1902 по 1905 г. он жил в Швейцарии. Подумывал эмигрировать за океан. В бытность свою в Швейцарии Муссолини стал сотрудничать в социалистической эмигрантской прессе. Его писания составили около 40 томов, главным образом газетных и журнальных статей.

По возвращении в Италию Муссолини отслужил в армии (1905—1906 гг.). Затем — вторая неудачная попытка учительствовать. Своими статьями он привлек внимание таких влиятельных деятелей Социалистической партии, как Д. Серрати и А. Балабанова. С их помощью он и начал политическую карьеру. Сначала Муссолини возглавил организацию Социалистической партии в Трентино, затем у себя на родине — в Форли. По-прежнему он тяготел к журналистике. Его трибуной стал форлийский еженедельник «Лотта ди классе» («Классовая борьба»).

Журналистская деятельность для Муссолини была, по меткому выражению итальянского историка Г. Джудиче, «демагогической гимнастикой»⁷⁸. Будущий основатель фашизма не упускал случая поупражняться в демагогии, стяжав себе репутацию ультрареволюционера. Муссолини был среди тех левых социалистов, которые решительно осуждали Ливийскую войну. Он даже угодил в тюрьму за антивоенную пропаганду. Выйдя из тюрьмы в ореоле мученика, он на съезде в Реджо-Эмилии (июнь 1912 г.) присоединился к левому крылу и сыграл заметную роль в изгнании из Социалистической партии Л. Биссолати, И. Бономи и некоторых других правых реформистских лидеров. Вскоре после съезда, на котором восторжествовали «левые», Муссолини стал редактором центрального органа партии «Аванти!».

Казалось бы, эта цепь событий работает на версию об изначальном «социализме» Муссолини. Однако если проанализировать те мотивы, те идейно-политические установки, которыми руководствовался будущий дуче, то дело предстает совершенно в ином свете. Хотя «социалист», притом ультралевый, Муссолини порой взывал к имени К. Маркса, марксистское учение было ему глубоко чуждо. «О социализме я имею варварское представление, — не без кокетства заявлял Муссолини, — я воспринимаю его как самый великий акт отрицания и разрушения, который когда-либо регистрировала история». Муссолини фактически не отличал марксизм от вульгарного материализма. Вообще его знакомство с трудами Маркса было крайне поверхностным. Весьма сомнительно, полагает Г. Джудиче, чтобы Муссолини знал более двух-трех произведений Маркса. Цитаты он обычно брал из вторых рук, чаще всего у Сореля и сорелианцев, из их газетных и журнальных статей. Чего стоит такое высказывание Муссолини: «Благодаря книгам Сореля мы достигли более верного понимания марксизма, чем то, которое пришло к нам из Германии в неузнаваемом виде!» «Постигая» таким образом Маркса, он зато в подлинниках читал Штирнера, крайний индивидуализм которого Маркс и Энгельс развенчали с убийственной иронией в «Немецкой идеологии», и, конечно же, Ницше. Их взгляды совпадали с умонастроением и характером будущего дуче. «Я прославляю индивидуума. Все прочее не более чем проекции его воли и его ума», — в штирнеровском духе вещал Муссолини. В себе самом

он видел ницшеанского сверхчеловека. О Ницше им была написана не одна статья. «Нет ничего истинного, все дозволено. Это будет девизом нового поколения», — так считал Муссолини уже в начале своего жизненного пути. И надо сказать, что он хранил верность этому девизу. К своему 60-летию дуче получил в подарок от Гитлера специальное роскошное 22-х томное собрание сочинений Ницше с проникновенной дарственной надписью фюрера.

Откровенный цинизм, авантюризм, моральная нечистоплотность — все это уживалось у Муссолини с чувством собственной исключительности. «Я ненавижу здравый смысл и ненавижу его во имя жизни и моего неистребимого вкуса к авантюрам», — изливал он душу очередной любовнице. У Муссолини начисто отсутствовало социальное самосознание. Себе самому он представлялся кем-то вроде свободного художника, оторванного от каких бы то ни было социальных корней. Во время одного из разговоров с Муссолини весной 1932 г. немецкий писатель Э. Людвиг спросил своего собеседника: «Во время поездки в Рим (по приглашению короля после пресловутого «похода на Рим!» — *П. Р.*) чувствовали Вы себя художником, начинающим творение, или пророком, выполняющим свою миссию?». Ответ Муссолини был кратким: «Художником»⁷⁹. Это одновременно и эффектная поза, и отражение асоциальности, и глубокий внутренний авантюризм, тем более опасный, что он не исключал холодного расчета и незаурядной тактической ловкости. Очень близкий ему младший брат Арнальдо говорил: «Следует признать, что в основе характера моего брата иногда обнаруживалось нечто уголовное»⁸⁰.

Для Муссолини была характерна тяга к лидерству, стремление повелевать, распоряжаться. На пути к власти он готов использовать любые средства, включая преступные. В то же самое время он в определенных ситуациях предпочел бы беспрекословно повиноваться, уйти от принятия ответственных решений, переложить их тяжесть на плечи других. «Мне нравилась солдатская жизнь. Чувство иерархии соответствовало моему темпераменту», — вспоминал Муссолини о тех временах, когда ему приходилось отбывать воинскую повинность. Начальство сначала с подозрением встретило человека, имевшего репутацию смутьяна. Но затем, не без гордости говорил Муссолини, «капитан, майор и полковник находили по

отношению ко мне слова самой высокой похвалы». И это был тот самый Муссолини, который годом раньше в статье под кричащим названием «Дезертировать!» призывал парализовать чудовище милитаризма. Он возмущался тем, что пролетариат принужден платить кровавый налог, поставляя в казармы своих сыновей. «У вас есть хорошее и верное средство, чтобы избежать позорного военного принуждения: дезертировать!» — обращался он к трудовому люду. Сам же Муссолини, будучи в армии, зарекомендовал себя рьяным служакой. «Все же прекрасно было в траншеях, нужно было только повиноваться», — признавался Муссолини своему биографу Маргерите Сарфатти в трудный момент послевоенной политической борьбы, когда необходимо было принимать ответственные решения. За трескучей риторикой и вызывающей манерой поведения дуче зачастую скрывались слабость и неуверенность. Элементы мании величия сменялись состоянием абсолютного безволия, депрессии.

Особенности индивидуально-психологического склада Муссолини представляют отнюдь не самодовлеющий интерес. Они помогают понять, почему он был так открыт для восприятия самых разнообразных экстремистских тенденций эпохи. Кроме Штирнера и Ницше, глубокое влияние оказали на него Бергсон и Сорель. Их понятийный аппарат и даже фразеология узнаются в статьях «социалиста» Муссолини. Когда журнал германских социал-демократов упрекнул Муссолини в бергсонизме, он отвечал, что не находит «прямой несовместимости между Бергсоном и социализмом»⁸¹. Бергсонизмская апология интуиции, конечно же, не могла не импонировать авантюристическим наклонностям Муссолини. Из синдикалистских концепций Сореля Муссолини быстро извлек их экстремистское ядро, прежде всего идею «прямого действия», не обращая внимания на остальное. Восторженный отклик у Муссолини нашел сорелианский гимн насилию. Он переводит несколько абстрактные положения Сореля на живой, конкретный уровень: «Мое представление о насилии простое, может быть, наивное, примитивное, если хотите, традиционное. Для меня насилие — это явление физическое, материальное, мускульное». В духе Сореля, которого он называл «нашим учителем», Муссолини предлагает «оздоровить» социализм: «Если социализм не желает умереть, он должен набраться смелости быть варварским». Особенно привлекала его

сорелианская концепция «мифов». Если марксисты стремились донести свои идеи до сознания масс, раскрывая их рациональное содержание, то Муссолини надеялся повлиять на инстинкты и эмоции толпы с помощью мифологизированных идей. Для триумфа великих идей, утверждал он вслед за своим мэтром, нужно, чтобы «они воздействовали на душу толпы, как мифы»⁸². Не случайно Муссолини высоко ценил и неоднократно перечитывал пронизанную презрением к массам книгу Г. Лебона «Психология толпы». «Масса любит сильных людей. Масса — женщина», — говорил Муссолини, уже будучи диктатором.

Для подвизавшегося в социалистической прессе Муссолини гораздо ближе по духу и стилю были такие журналы, как «Леонардо», «Воце», издания футуристов. Вокруг «Леонардо» и «Воце» группировались молодые литераторы, претендовавшие на роль интеллектуальной элиты. Главными фигурами среди них были Д. Преццоллини и Д. Папини⁸³. Журналы знакомили итальянцев с зарубежной литературой, эстетикой и философской мыслью. Кстати, именно из них, а не из первоисточников почерпнул Муссолини представления о модных зарубежных философских учениях, в частности о прагматизме. Уже к началу Ливийской войны группы «Леонардо» и «Воце» обретают ярко выраженный националистический облик. По словам Э. Гарэна, люди из этого круга превратились «в мистиков насилия, мистиков расы, мистиков войны, теоретиков ненависти, адвокатов войны»⁸⁴. «Каждый, кто желает узнать самые новые духовные явления и самые глубины современной итальянской культуры, каждый, кто желает в меру своих сил содействовать обновлению итальянской души и подготовить подлинную третью Италию, должен читать „Воце“», — писал Муссолини. Его мировоззрению было созвучно и футуристское прославление машинизма, силы, воплощенной в образе «мускулистого гиганта», сокрушающего своих врагов. Даже фразеология Муссолини насыщена свойственными футуристам стилевыми оборотами. Постоянные разглазгования о мускулах, о физической силе были призваны создать вокруг Муссолини ореол молодости, свежести, силы.

В формировании Муссолини-политика существенную роль сыграли и идеи В. Парето. С ним он познакомился довольно рано, будучи в Швейцарии. Муссолини быстро

усвоил учение Парето о «циркуляции элит». Уже будучи лидером фашистского движения, он обосновывал свои притязания ссылкой на Парето: «Если правящий класс умирает, необходимо, чтобы.. поднялись новые социальные элиты и заменили его»⁸⁵. Муссолини явно чувствовал себя паретианским львом, которому предназначено сменить запутавшихся и обессилевших лисиц. Тем более и родился он в день Льва (29 июля). Это царственное животное он считал символом своей личности. Став диктатором, Муссолини держал во дворце на виа Рассела клетку с доставленным из зоопарка львенком. Когда тот вырос, его заменили молодой львицей. Один из слуг диктатора был свидетелем такой сцены. Появившись в дворце Киджи после визита в львиную клетку, Муссолини понюхал свои руки и воскликнул: «Запах льва!»⁸⁶. В этой сцене весь Муссолини с его самолюбованием, позерством, дешевой претенциозностью.

Духовный мир Муссолини был своеобразным аккумулятором различных вариантов экстремизма, которые затем преломлялись в его пропагандистской и политической деятельности. Правда, экстремизм Муссолини отнюдь не был слепым. Он имел прагматический оттенок. Муссолини прямо ссылался на отца прагматизма, американского философа У. Джеймса: «Прагматизм Уильяма Джеймса также очень помог мне в моей политической карьере. Он дал мне понять, что тот или иной человеческий поступок должен оцениваться скорее по своим результатам, чем на основании доктринальной базы»⁸⁷. Но Муссолини явно преувеличивал степень знакомства с учением Джеймса. Скорее всего, кое-какие обрывки он узнал из «Леонардо» и «Воце». Когда американский философ Г. М. Каллен, автор работ о Джеймсе и Бергсоне, в 1926 г. был принят Муссолини, он надеялся на интересную и содержательную беседу. Однако его постигло разочарование. «Дискуссия о прагматизме, — констатировал он, — закончилась полным фиаско. Совершенно ясно, что дуче лучше знал имя Уильяма Джеймса, чем его учение»⁸⁸. Как и во многих других случаях, ссылки на авторитет тех или иных имен должны были придать интеллектуальный оттенок, в известной мере даже облагородить беспринципные политические трюки и махинации. «Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками легальности и нелегальщины в

зависимости от обстоятельств времени, места и окружающей среды», — говорил Муссолини. Подобная политическая всеядность была характерна для него и раньше, однако не проявлялась до поры до времени столь откровенно.

Когда в Италии поднялась волна интервенционизма, Муссолини своим острым политическим чутьем уловил, что пришел его час. Крайнему волонтаристу и авантюристу, ему было неуютно в рядах Социалистической партии, хотя он и сумел высоко подняться по лестнице партийной иерархии. Но как раз опыт лидерства в партии, чуждой для него, убедил Муссолини в том, что она никогда не станет послушным инструментом для осуществления его честолюбивых замыслов. Состав Социалистической партии, организационные принципы, программа — все это исключало возможность превращения ее в орудие политического авантюриста. Муссолини нужна была организация другого рода, которая слепо и беспрекословно подчинялась бы его воле, невзирая на самые головокружительные повороты политической игры. В значительной мере прав Г. Джудиче, когда он пишет, что предательство Муссолини по отношению к Социалистической партии можно расценивать как логически обусловленный акт верности самому себе⁸⁹. Предательство Муссолини носило ярко выраженный политический характер. Он порвал с социалистическим движением в тот момент, когда для него открылись иные, более подходящие политические возможности. Следует отметить, что разрыв с Социалистической партией еще не означал немедленного отказа от левацких устремлений. Его представления о революции ассоциировались с войной⁹⁰.

25 сентября 1914 г. Муссолини в качестве редактора «Аванти!» написал статью «Слово пролетариату», выдержанную в духе линии Социалистической партии на нейтралитет. Но уже 18 октября без согласования с руководством партии, по собственной инициативе, он публикует статью «От нейтралитета абсолютного — к нейтралитету активному и действительному». Отказ от нейтралитета в его истолковании выглядел революционным шагом. «Хотим ли мы — как люди и как социалисты — быть инертными зрителями этой грандиозной драмы? Или не пожелаем ли мы каким-то образом и в каком-то смысле быть ее действующими лицами?» — обращался он к читателям. 24 ноября его исключили из Социалистической партии.

За ним пошли очень немногие из социалистов. Но Д. Преццолини, редактор «Воче», приветствовал то, что «суровая и возвышенная натура Муссолини избавилась от «социалистической наклейки». Националисты, футуристы, революционные интервенционисты из синдикалистского течения — весь этот разношерстный и многоликий лагерь — приняли отступника в свои не столь многочисленные, но крикливые ряды. Впоследствии сам Муссолини, а вслед за ним и фашистская историография изображали вступление Италии в войну как дело рук дуче. Но это явное преувеличение. Муссолини был всего лишь одним из интервенционистских лидеров, причем отнюдь не самым влиятельным. Благодаря репутации ультрареволюционера он помогал поддерживать иллюзии у тех, кто искренне верил, что вступление Италии в войну приближает страну к социальной революции. Кровавая война в изображении Муссолини представляла как горнило, в котором выплавляются новые духовные и политические ценности, новая революционная модель Европы.

К Муссолини проявляют интерес правительственные и монополистические круги. С ним устанавливает контакт министерство иностранных дел. Посредником между ним и деловым миром стал болонский издатель Ф. Нальди. Бывшего социалиста субсидируют заинтересованные в интервенции монополии «Эдисон», «Фиат», «Ансальдо» и др.⁹¹ Это позволило Муссолини обзавестись собственной газетой «Пополо д'Италия», первый номер которой вышел уже 15 ноября 1914 г. Деньги поступали и от французского правительства. За миллион франков Муссолини предлагал свои услуги царскому агенту М. Геденштрому⁹².

23 января 1915 г. в Милане наиболее активные группировки интервенционистов, главным образом синдикалистского толка, объединились в «Фаши (отряды. — П. Р.) революционного действия». Муссолини стал одним из лидеров этого движения, которое действовало совместно с националистами и футуристами. Наконец, 24 мая 1915 г. правительство А. Саландры, используя интервенционистов в качестве рычага давления на парламент и нейтралистские фракции верхов, втянуло Италию в войну. Так война объединила экстремистские тенденции самого различного происхождения. Возник тот сплав, из

которого впоследствии было отлито собственно фашистское движение.

В лагерь верхов Муссолини влекло, конечно, не элементарное корыстолюбие. Финансовая поддержка монополий и правительство стран Антанты не может полностью объяснить его эволюцию. Имелись причины более глубокого и принципиального характера. Только в сближении с верхами, только в ориентации на буржуазно-аристократическую элиту он видел возможность осуществления своих необузданных амбиций, которые, правда, не сразу обрели четкие очертания. В свою очередь наиболее агрессивные фракции верхов особенно остро ощущали необходимость в экстремистских группировках и организациях, способных привлечь массовые слои для поддержки реакционной политики.

В писаниях и выступлениях Муссолини псевдореволюционная фразеология все более и более уступает место агрессивному национализму. Летом 1917 г. он был отозван с фронта, чтобы дать новый импульс захиревшей в его отсутствие «Пополо д'Италия». Укрепляются его контакты с представителями верхов, в частности с военной.

Политическая эволюция Муссолини прямо и непосредственно связана с усилением авторитарных тенденций среди влиятельных военно-промышленных и политических кругов Италии. Муссолини понимал, что такая конъюнктура открывала для него широкие возможности и быстро продвигался навстречу экстремистским фракциям верхов, стремившихся установить диктаторский режим. Дисциплина, иерархия, производительность — эти слова становятся одними из самых обиходных в лексиконе бывшего «ультрареволюционера». Он высоко ставит социальную функцию капитализма. На страницах «Пополо д'Италия» (7 мая 1918 г.) Муссолини утверждал, что капитализм будто бы претерпел такие трансформации, каких Маркс не мог предвидеть. Теперь капитализм, по уверениям Муссолини, «утратил свой одиозный эксплуататорский характер и приобрел иные функции: он более не накапливает, а распределяет».

Свойственный Муссолини острый политический нюх помог ему распознать ту силу, которая могла быть использована для осуществления реакционных замыслов военщины. Еще 15 декабря 1917 г. появилась его статья под названием «Тринчерократия» («Траншейная аристо-

кратия»). Ее основная мысль сводилась к следующему: Италия вскоре разобьется на две партии — тех, кто был на войне, в траншеях, и тех, кто там не был. Миллионы трудящихся, «которые возвратятся к бороздам полей после того, как они побывали в бороздах траншей, реализуют синтез антитезы: классов и наций»⁹³. Следовательно, через траншеи пролегает путь к ликвидации классовых противоречий. Но вместе с тем в траншеях формируется и новая элита, «траншейная аристократия», которой принадлежит будущее Италии.

Немудрено, что бывший социалист снискал симпатии капиталистических магнатов, которые высоко ценили его интервенционистскую деятельность и рассчитывали, что он может оказаться полезным в послевоенном будущем. Особенно тесные отношения сложились у него с могущественным концерном «Ансальдо», за годы войны в пять раз увеличившим объем капитала. С декабря 1917 г. на страницах «Пополо д'Италия» щедро публикуются его рекламные объявления. Результатом поездки Муссолини в Геную, в резиденцию «Ансальдо», явился панегирик концерну как воплощению «величия Италии» на страницах его газеты. 1 августа 1918 г. изменился подзаголовок «Пополо д'Италия». «Ежедневная социалистическая газета» теперь стала именоваться «Ежедневная газета бойцов и производителей». Муссолини не только фактически, но и формально отмежевался от прошлого, провозгласив своей задачей растворение классовых противоречий в общенациональных интересах. Тем самым он определил свое политическое будущее.

Безусловно, нельзя рассматривать личную эволюцию Муссолини как решающий фактор генезиса итальянского фашизма. Сама она была обусловлена прежде всего глубинными социально-политическими и идеологическими процессами. Присущие Муссолини фашистские задатки смогли созреть и раскрыться благодаря объективным предпосылкам. Среди них решающая роль принадлежит политике тех фракций господствующих классов, которые втянули Италию в войну ради агрессивных захватнических целей, а затем пытались навязать итальянскому народу режим диктатуры.

ПУТЬ В «НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАРАБАНЩИКИ»

Политический климат Германии первых послевоенных лет в значительной степени способствовал быстрому взрыванию нацизма. Лейтмотивом тактико-стратегических замыслов реакции была идея диктатуры в самых разнообразных вариациях: от формально конституционной диктатуры на основе пресловутой статьи 48 Веймарской конституции вплоть до диктаторского режима в стиле будущего «третьего рейха». Неудачной попыткой реализовать идею военно-монархической диктатуры был капловский путч в марте 1920 г. Отрядам фрейкоровцев во главе с Лютвицем и Эрхардтом удалось занять Берлин, покинутый президентом и правительством. Главари путча, за спинами которых стоял сам генерал-фельдмаршал Э. Людендорф, провозгласили рейхсканцлером В. Каппа. Через несколько дней это самозванное правительство пало под напором всеобщей забастовки, проведенной по призыву коммунистов. Однако реакция продолжала вынашивать планы создания диктаторского режима. Большие надежды возлагались на главу рейхсвера генерала Секта, отказавшегося выступить против путчистов. Важные организационные и пропагандистские функции выполнял Пангерманский союз.

В 1921 г. он привнял специальный «план действий» по установлению диктатуры. Его первой и непосредственной целью являлась пропагандистская деятельность по популяризации идеи диктатуры.

Ключевой фигурой среди тех, кто выступал за авторитарное решение, бесспорно, был промышленный король Г. Стайнес. «Самый могущественный человек в Германии — Стайнес. Когда я обдумываю нашу длинную беседу, он кажется мне и одним из опаснейших людей в мире», — таково впечатление посла США, в беседах с которым Стайнес, стремясь заручиться поддержкой Англии и США, видимо, раскрыл свои карты⁹⁴. Диктатура, которую планировал Стайнес, основана на запрете забастовок, введении десятичасового рабочего дня и строжайшей военной дисциплины на предприятиях.

Во время революционного кризиса осенью 1923 г. планы Стайнеса воплотились в проекте директории, т. е. коллегиальной диктатуры из монополистов, профессиональных военных и дипломатов. Во главе директории

должны были стать директор концерна Стайнеса Ф. Мишу и командующий рейхсвера генерал Сект. Активно ратовал за директорию О. Шпенглер, метивший на пост прусского министра просвещения. Люди Стайнеса поддерживали контакты с баварскими реакционерами, готовившими поход на Берлин. Показателем степени экстремизма подобных планов может служить и тот факт, что даже генерал Сект кое-кому из поборников диктатуры показался недостаточно твердой личностью. Были планы заменить его генералом Берендтом или генералом Рейнгардтом. А лидер пангерманцев Класс на всякий случай даже привялся готовить покушение на Секта.

Само понятие «диктатура» в лексиконе реакционеров было нераздельно связано с прилагательным «национальная». В ходе беседы с американским дипломатом Г. Стайнес говорил о том, что необходимо найти диктатора, человека, который «должен говорить на языке народа». Правда, с точки зрения Стайнеса, было бы все-таки лучше, чтобы диктатор принадлежал к буржуазии. Для Меллера ван ден Брука такой проблемы не существовало: «Нам нужен... прежде всего народный вождь; принадлежит ли он к демократическому или аристократическому типу, типу Мария или Суллы, — это вопрос маловажный»⁹⁵.

Буржуазии требовались и «сильные личности», и «национальные барабанщики». Большое внимание уделялось специальной подготовке пропагандистских кадров. Через разного рода кружки и курсы решались одновременно задачи поиска, отбора и обучения. Так, уже летом 1919 г. ефрейтор А. Гитлер попал в систему политической пропаганды баварского рейхсвера.

Вскоре Гитлера зачислили на курсы, организованные начальником отдела пропаганды баварского военного округа капитаном Майром. Будущих пропагандистов рейхсвера просвещали главным образом преподаватели Мюнхенского университета, причем лишь те, кто пользовался доверием военщины. Преподававший на курсах консервативный историк К. А. Мюллер заметил ораторские способности одного из слушателей и обратил на него внимание капитана Майра. Тот включил новичка в состав полковой агитационно-просветительной команды. Так Гитлер получил звание офицера-пропагандиста. Темы его выступлений вытекали из пропагандистского набора милитаристско-реваншистской реакции: осужде-

ние «версальского позора», «ноябрьских преступников», нанесших «удар кинжалом в спину» победоносному войску, разоблачение «всемирного еврейско-марксистского заговора». Гитлер активно использует только что обретенное на курсах «идейное богатство». Майр был в восторге от своего подопечного и считал возможным дать ему более серьезное поручение. Баварский рейхсвер искал такую политическую организацию, которая обеспечила бы ему определенную массовую поддержку. И вот по заданию Майра Гитлер 12 сентября 1919 г. очутился на собрании организованной А. Дрекслером Германской рабочей партии. Ему вручили членский билет № 555. Для того чтобы произвести более внушительное впечатление, руководство этой организации начало нумерацию членов с № 501. Гитлер впоследствии утверждал, что ему якобы принадлежит членский билет № 7. Из этого должно было вытекать, что он относится к «отцам-основателям» Германской рабочей партии (ДАП), прямой предшественницы НСДАП⁹⁶.

Какое значение придавали реакционные верхи кандидатам «национальные барабанщики», говорит тот факт, что «безымянный ефрейтор» очень скоро стал известен главарям экстремистского консервативного лагеря. В 1920 г. Гитлер был принят Классом. Лидер пангерманцев бережно пестовал даже еще хилые ростки любого проявления экстремистской реакции, в том числе и делавшую первые шаги нацистскую партию. Когда лидер ганноверских нацистов Б. Венцель в начале 1923 г. просил у Гитлера санкцию на получение миллиона марок от пангерманцев, тот ответил, что было бы еще лучше получить не один, а десять миллионов. Ведь это «источник, из которого и я частично черпал средства. Политически все мы стоим на плечах Пангерманского союза»⁹⁷.

При посредстве капитана Майра Гитлер попал в поле зрения Каппа. Во время капповского путча Майр послал Гитлера и его духовного наставника Д. Эккарта в Берлин в качестве эмиссаров от баварских путчистов. Но Гитлер и его спутник опоздали, к их прибытию путч успел провалиться. В сентябре 1920 г. Майр сообщал нашедшему убежище в Швеции Каппу о подготовке к новому выступлению, причем его ударной силой должна была стать нацистская партия, как «организация национального радикализма». Эту партию Майр считал своим

творением. Он считал также своей заслугой то, что ему удалось «поставить на ноги несколько дельных молодых людей». Один из них — «герр Гитлер... становится движущей силой, народным оратором первого ранга»⁹⁸.

Если Муссолини, рано вступивший на политическую стезю, пришел к политическим убеждениям фашистского толка уже во время первой мировой войны, то Гитлер был втянут в политику контрреволюционной волной первых послевоенных лет. В самой личности Гитлера, в том, что именно он стал лидером нацистской партии, можно обнаружить особенности германского варианта фашизма, но такие особенности, которые отнюдь не ставят под сомнение его общность с другими разновидностями этого международного явления.

Фактическая сторона биографии «национального барабанщика» весьма прозаична и не содержит каких-либо признаков «предначертания». Он сам всячески стремился окутать густой пеленой свое прошлое, чтобы его восхождение к власти выглядело как неожиданный взлет кометы. Основным источником сведений о раннем периоде его жизни является «Майн кампф», а также воспоминания очень немногих людей, с которыми он какое-то время поддерживал контакт. Вообще ему были чужды обычные человеческие привязанности, дружеские чувства к кому бы то ни было. Единственный, кто мог притязать на сомнительную честь считаться другом его юности, был А. Кубичек. С ним Гитлер вместе снимал комнату в Вене, и тот мог восторженно внимать его многочасовым монологам. С другим своим приятелем венского периода, Ханишем, Гитлер поссорился из-за того, что тот продал нарисованные им акварели не за 50, а за 10 крон, и затем выдал его полиции, так как у Ханиша не было документов на право жительства. Когда нацисты оккупировали Австрию в 1938 г., Ханиша было приказано убить. Круг лиц, способных сообщить сведения о молодых годах будущего фюрера, крайне ограничен. Что же касается такого источника, как «нацистская библия» — «Майн кампф», то он не отличается достоверностью.

Гитлер создавал миф о «бедном мальчике», который, несмотря на постоянные трудности и невзгоды, благодаря силе воли и дарованиям пробился к высотам политической жизни. В угоду этой легенде он не постеснялся очернить собственного отца, изобразив его семейным тираном и пьяницей.

На самом деле семья жила в достатке, в собственном доме. Жизнь в этом доме отличалась буржуазной солидностью и размеренностью. Тем не менее в «Майн кампф» Гитлер изобразил себя несчастной жертвой отцовского произвола, причем престарелый отец представлен алкоголиком и деслотом, измывающимся не только над ребенком, но и над молодой беззащитной женой.

Как раз эти страницы гитлеровской писанины стали настоящим кладом для психоаналитиков, усматривающих в них прямое отражение «эдипова комплекса». На самом же деле конфликты Гитлера с отцом возникали, видимо, из-за плохой учебы в школе. Уже тогда обнаружилась его неспособность к регулярному и систематическому труду.

Гитлер представил дело таким образом, что его плохая учеба была реакцией протеста против намерения отца сделать из сына такого же ограниченного чиновника, каким был он сам. Очередной ложью «Майн кампф» было утверждение, что ее герой бросил школу из-за конфликта с отцом. (Отец умер в 1903 г., а Гитлер оставил школу в 1905 г.) Безвольная больная мать не смогла заставить сына учиться. Недоросль-недоучка решает посвятить себя искусству, но его попытка попасть в художественную академию кончилась полной неудачей. Его рисунки были признаны слишком слабыми, а последовать доброму совету и переключиться на архитектуру он не мог: не было законченного школьного образования. Вскоре умерла мать, и Гитлер окончательно перебрался в Вену.

Начались годы беспдельного и бессмысленного существования. Впоследствии Гитлер назовет их годами «нужды и отчаяния». Он похвалялся тем, что как личность был «сформирован не университетским образованием, а жесточайшей школой жизни, нуждой и нищетой». Это очень созвучно с декларациями Муссолини, но у Гитлера еще меньше для этого оснований. Великовозрастный бездельник получал сиротскую пенсию, ему досталась часть родительского наследства, а затем кое-что перепало от умершей тетки⁹⁹. В общем, в его распоряжении было от 80 до 100 кроен в месяц, т. е. сумма, примерно равная жалованью среднего чиновника. Его жизнь состояла из бессмысленного шатания по Вене, постоянных посещений оперного театра, куда его привлекали главным образом оперы Вагнера. Единственным же его занятием было писа-

ние акварелей, которые он без особого успеха сбывал через посредников.

Зато он преисполнен сознания своей исключительности. Пока его притязания связаны со сферой искусства. Шатание по городу выглядит как изучение архитектуры. Не зная музыкальной грамоты, он берется сочинять оперу. Его политические взгляды формировались под влиянием дешевых популярных брошюр крайне националистического толка. Их издавал убежденный расист и антисемит Ланц фон Либенфельс под грифом «Остара» (таково имя древнегерманской богини весны). Еще с начальной школы Гитлер впитал пангерманские идеи и откровенно презирал австро-венгерскую монархию, где большинство принадлежало не немцам, а славянам и венграм. Он даже укрывался от службы в австро-венгерской армии.

Интеллектуальному уровню недоучки с большими претензиями и резко выраженными предрассудками вполне соответствовало крайне примитивное объяснение всех мировых проблем борьбой рас, фанатичная проповедь превосходства «арийской» расы и ее права на господство, решительное отрицание гуманистических ценностей, воспевание насилия.

Расизм, антисемитизм, вульгарный социал-дарвинизм — все это было впитано Гитлером не столько из литературных источников, сколько из обывденной жизни, из атмосферы зашудалых кафе, где подвыпившие мещане решали судьбы человечества. Мирок, в котором обитал Гитлер, был густо насыщен миазмами антигуманизма, иррационализма, воинствующего национализма. Все это «идейное богатство», обретенное им в венский период, стало «гранитным фундаментом», на котором позднее выросло уродливое здание нацистской идеологии. Мелкобуржуазные страхи, комплексы, предрассудки причудливо преломлялись в психологии незадачливого недоросля. Свою личную неустроенность проще всего было объяснить засильем неких мистических сил, всегда стоявших на пути вагнеровских героев.

По отношению к рабочим он испытывает чувство превосходства: «Моя одежда была еще приличной, выражался я литературно, вел себя сдержанно», — подчеркивал он, когда говорил о столкновении с рабочей средой во время своей единственной попытки подработать на стройке. Гораздо позднее, накануне первого крупного по-

литического успеха на выборах в сентябре 1930 г., Гитлер, раздосадованный верностью рабочих своим партиям, высказался еще резче и откровеннее: «Вы видите, что огромная масса рабочих не желает ничего другого, кроме хлеба и зрелищ, ей чуждо понимание каких-либо идеалов и мы никогда не могли бы рассчитывать на привлечение рабочих в значительном масштабе».

Гитлер был недоволен буржуазным миром, но это недовольство неудачника, а отнюдь не революционера, каким часто пытаются изобразить его представители буржуазной историографии. Источником подсознательно впитываемого политического опыта служила для него деятельность венского бургомистра К. Люэгера, лидера Христианско-социальной партии. Он восхищался его демагогическим искусством, тактической ловкостью, которые, казалось, могли заставить людей забыть о своих особых классовых интересах. Аппелируя к «маленькому человеку», Люэгер умел привлечь на свою сторону и мелких буржуа, и служащих, и рабочих-католиков, что придавало ему авторитет в глазах верхов.

Страницы «Майн кампф», где речь идет о формировании политических убеждений ее автора, поражают теоретическим убожеством. Он схватывал те или иные элементы немецкой буржуазной идеологии, не вникая в их структуру. Его внимание поглощено лишь «вопросами организации идей, их способностью мобилизовывать массы»¹⁰⁰. Навсегда врезалась в его память случайно увиденная массовая демонстрация венских рабочих, организованная социал-демократами. Он инстинктивно почувствовал, какая мощь заключена в этих многотысячных перенгах. Но впечатляющее шествие рабочих интересует его только с одной точки зрения, какими методами удалось собрать воедино такую массу. Отсюда его восхищение теми, кто умел оказывать сильное воздействие на окружающих, будь то Люэгер или же ловкая аферистка, сумевшая обманом распространить негодное средство для рачения волос. Как и Муссолини, ему свойственно глубочайшее презрение к массам, которое даже выражалось в сходных формулировках, отдающих нищезанятством вульгарного пошиба: «Психика широких масс нечувствительна для всего половинчатого и слабого. Подобно женщине... масса больше любит того, кто властно требует, чем того, кто просит...»¹⁰¹.

Нежелание служить в австро-венгерской армии подтолкнуло Гитлера к переезду в Мюнхен. Первую мировую войну он воспринял как выход из беспредельного существования. Гитлер полностью во власти «духа августа 1914». Уже 3 августа он отправил письмо баварскому королю с просьбой о зачислении в армию. Служить ему пришлось в качестве ординарца в 16-м баварском резервном пехотном полку. Казалось бы, армия с ее строгой дисциплиной будет неподходящим местом для великовозрастного бездельника. Но именно в армии, где все было предопределено и расписано, где не нужно было думать о завтрашнем дне, где все решения принимало начальство, Гитлер нашел удобное пристанище. Он исправно нес службу. Однополчане не любили его за то, что служба переходила у него в выслуживание. Ему достался большой набор наград, но по этому поводу даже его друг Э. Рем говаривал, что в окопах награды достаются труднее, чем в штабе. Дальше ефрейтора его все-таки не продвигали, так как, по мнению начальства, будущий фюрер не обладал «командирскими качествами»¹⁰².

Политическое пробуждение Гитлера начинается в конце войны, когда кайзеровское войско утратило былой ореол славы, когда замаячил призрак поражения, когда окончательно испарился «дух августа 1914». Для ревностного служаки это было страшным ударом. Он ищет виновных в том, что немцы утратили единство. Венский опыт незамедлительно подсказывает ответ: конечно же, «еврейские отравители народа». Такая могучая и опытная в военном деле нация, как германская, просто не могла проиграть войну на полях сражений. Кроме того, причины поражения кроются и в искусной пропаганде противника. Наряду с венским корифеем демагогии Люэгером Гитлер высоко ставит пропагандистское искусство Ллойд Джорджа, Клемансо, а затем и Вильсона. Из этого следовали выводы о роли пропаганды как важнейшего фактора в жизни народов, о необходимости обращения к самым широким массам, рассчитывая не на интеллект, а на эмоции. Представление о том, что Германия проиграла войну в силу невоенных обстоятельств, позволило Гитлеру немного позднее выдать легенду об «ударе кинжалом в спину» за свою собственную, тем более что в качестве виновников всех бедствий выступали «ноябрьские преступники» — категория, очень удобная благодаря своей емкости и неопределенности.

Уже тогда Гитлер начинает помышлять о политической деятельности. После Ноябрьской революции отряды фрейкора и рейхсвера беспощадно расправлялись со всеми, кто был заподозрен в сочувствии к Баварской советской республике. Гитлер включился в работу комиссии по расследованию дел лиц, замешанных в революционных событиях. Он опять старательно выслуживается перед начальством, становится активным участником охоты на «красных». Так водоворот контрреволюции подхватил ранее аполитичного деклассированного мелкобуржуа и бросил его в лагерь экстремистской реакции.

Мы уже говорили, как Гитлер попал в сферу пропагандистской деятельности баварского рейхсвера и по его заданию вступил в Германскую рабочую партию А. Дрекслера. Вместе с ним в эту организацию вступают профессиональные военные из разряда ландскнехтов — авантюристов с опытом войны и контрреволюционного террора. Из 193 человек, упомянутых в самом раннем списке партии (осень 1919 г.), — 4 офицера, 8 унтер-офицеров и 12 солдат. Не менее 20% всех членов партии так или иначе связаны с рейхсвером¹⁰³. «Без войска, — признавал Гитлер, — нас всех здесь не было бы. Мы все вышли из этой школы». Не случайно именно Бавария стала колыбелью и первоначальным плацдармом нацизма. После разгрома Баварской республики здесь окопались многочисленные формирования «черного рейхсвера», «национальных союзов», «организаций самообороны» и т. п. Баварские реакционеры самодовольно называли свою вотчину «ячейкой порядка» в противовес «греховному Вавилону», т. е. революционному Берлину.

Посланец рейхсвера, Гитлер сразу же взял в свои руки пропагандистскую работу Германской рабочей партии.

Нужно было решать главную задачу, поставленную командованием — завоевание масс. Особенно актуальный характер она приобрела после провала капшовского путча.

В феврале 1920 г. партия обзавелась программой. Пресловутые «25 пунктов», принятые на собрании в пивной «Хофброй», были выдержаны в духе пангерманизма и геополитики: объединение всех немцев в Великой Германии, колонии для того, чтобы разместить избыточное население, и т. п. В них явно ощущается влияние «фёль-

кише». Такие пункты, как «уничтожение процентного рабства», муниципализация больших универсальных магазинов, земельная реформа, рассчитаны на мелкобуржуазные элементы города и деревни. В стиле дешевой мещанской патетики звучало положение о том, что «общее благо выше личной выгоды». В целом мелкобуржуазный экстремизм «25 пунктов» в отличие от первой программы итальянских фашистов не прикрыт псевдореволюционной фразеологией.

Вскоре партия сменила вывеску. Она стала именоваться Национал-социалистской рабочей партией Германии. Термин «национал-социализм», однако, не был изобретением Гитлера и К°. Уже князь О. фон Бисмарк удостоился звания первого национал-социалиста за введенное им социальное законодательство. Понятие «национальный социализм» фигурировало и в писаниях основателя сионизма Т. Герцля. О национальном социализме, противостоящем социализму интернационалистическому, мечтали в довоенное время либералы во главе с Ф. Науманом. Хотя идеологи этих идейно-политических течений вкладывали различный смысл в понятие «национал-социализм», общей чертой всех его истолкований являлась враждебность марксизму, подлинному научному социализму. Еще в начале XX в. в Австро-Венгрии возникла Австрийская национал-социалистская партия, занявшая по отношению к рабочим других национальностей этой лоскутной империи враждебную позицию. От австрийских национал-социалистов заимствовано дополнение к названию партии, отразившее прежде всего антимарксистскую направленность гитлеровской организации, поскольку именно марксизм отождествлялся с интернационализмом. В то же время нацисты спекулировали на популярности идей социализма.

Гитлер быстро прибрал к рукам творение Дрекслера и взял курс на превращение «кружка пивных политиков» в массовую партию. Хотя в Мюнхене, где в то время существовало 49 партий и где, по словам одного из современников, насчитывалось с дюжину кандидатов в бисмарки и столько же кандидатов в наполеоны, трудно было выделиться, Гитлеру удалось обратить на себя внимание. Своим экстремизмом он стремился подавить и противников, и конкурентов в собственном лагере. «Чтобы вести нашу борьбу, нам нужно насилие... Пусть другие... расхищают в своих клубных креслах, мы хотим вспрыги-

вать на пивные столы», — истерически вопил главарь нацистов. Драками и побоищами на улицах и в пивных нацисты стремились доказать свою боеспособность тем, кто стоял за их спиной. Покровительство рейхсвера помогло им в создании специальных военизированных отрядов СА (Sturmabteilung). Костяком их стала бригада Эрхардта — главная сила капповского путча. Ее командир вынужден был скрываться после организации серии террористических актов. Через посредство Рема летом 1921 г. бригада поступила в распоряжение Гитлера.

Гитлером заинтересовываются те, от кого зависели судьбы Германии. Он неоднократно выступает перед избранной публикой в «Национальном клубе», среди членов которого магнаты индустрии и аристократы Гугенберг, Кирддорф, Стиннес, барон фон Вангенхейм, граф фон Калькрейт, Э. Ольденбург-Янушау и др.¹⁰⁴

С начала 20-х годов Гитлер получал финансовую поддержку не только от баварских нотаблей и рейхсвера. Средства поступали от магнатов индустрии и аграриев из разных районов Германии. Когда страна оказалась в тисках военно-инфляционного кризиса и марка катастрофически обесценилась, нацисты получали субсидии в твердой валюте. У них нашлись покровители и среди зарубежных крайне реакционных кругов, в частности в Финляндии, Швеции, Швейцарии, США, Франции, Чехословакии и т. д. Трудно и, наверное, практически невозможно получить исчерпывающее представление о субсидировании нацистской партии. Бывший имперский казначей Ф. К. Шварц уверял, что важнейшие документы были уничтожены в канун падения Берлина. Но и тех данных, которыми сейчас располагают историки, вполне достаточно, чтобы судить о том, кто вскармливал фашизм. Конечно, было бы упрощением сводить проблему взаимосвязи фашизма и монополий к перечислению того, кто, когда и сколько платил. Именно такой примитивный подход пытаются без всяких на то оснований приписать марксистам буржуазные историки. В действительности марксистско-ленинская историческая наука стремится раскрыть характер взаимосвязи между фашизмом и монополистическим капиталом во всем его многообразии. Роль господствующих классов в генезисе фашизма вырисовывается в полной мере лишь в контексте политических, социально-экономических и духовных процессов, присущих

буржуазному миру в период общего кризиса капитализма.

Что касается нацистской партии, то, несмотря на производимый ею шум, в начальный период своего существования она была еще довольно слабой. Как признавал на процессе по поводу «пивного путча» 1923 г. видный нацист Фрик, баварским властям ничего не стоило подавить ее. Почему это не было сделано? Ответ на этот вопрос имеет большое значение для понимания генезиса германского фашизма. Дело в том, что для властей нацисты — «ядро обновления Германии». Еще определеннее высказался тогда же министр юстиции, убежденный консерватор Гюртнер, назвавший нацистов «плотью от нашей плоти». Становление нацизма и политическая карьера его лидера неотделимы от политики правящих кругов.

Глава 3

ЗЛОВЕЩИЕ ВСХОДЫ

ПОХОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Пока нацисты еще терялись в обширном и многообразном потоке германской реакции, оставались организацией преимущественно локального характера, итальянский фашизм уже к середине 1921 г. выдвинулся в качестве ударной силы контрреволюционного террора. В Германии террористские функции, кроме нацистов, выполняли фрейкор, черный рейхсвер, многочисленные военизированные националистические союзы и организации, в Италии же политическое насилие стало монополией сквадристов. Итальянские господствующие классы и экономически, и политически, и организационно были слабее германских. Даже более умеренные их фракции, которые не без тревоги взирали на бесчинства фашистов, не видели иногда выхода, кроме включения этой новой силы в систему управления государством. Было ясно, что существующее положение вещей не может оставаться неизменным, нужен был какой-то решительный шаг.

На итальянском политическом горизонте маячили реакционная и либерально-реформистская альтернативы. Необходимо было сделать выбор.

Реализации либерально-реформистской альтернативы препятствовали как расстановка сил в социалистической партии, где реформистскому течению противостояли максималистские «революционные фракции», так и относительная слабость буржуазных леволиберальных группировок.

Замыслы сторонников «либерального курса» вызывали недоверие праволиберальных, или, точнее сказать, консервативных, фракций верхов. Да и сами по себе эти планы были слишком куцыми: они предусматривали главным образом участие реформистов в качестве младших партнеров в правительственной комбинации. Социальные уступки, которые по логике вещей должны были лечь в основу такого курса, сводились к минимуму.

Тем временем фашисты изо всех сил старались продемонстрировать благожелателям в верхах свою активность и боеспособность. Пользуясь попустительством, а то и прямой поддержкой властей, фашистские squads терроризировали страну. Они громили помещения рабочих партийных и профсоюзных организаций, редакции газет, кооперативы, квартиры неудобных политических деятелей, в том числе не только коммунистов и социалистов, но и католиков. В частности, погром был учинен в доме левокатолического парламентария Г. Мильоли. На транспорте, предоставляемом властями, фашисты совершали карательные экспедиции не только против селений, но и против крупных городов. Особого размаха террор достиг в провинциях Эмилия и Романья, где позиции левых были сильны и в городах, и в деревнях. О том, что при желании властям не стоило бы большого труда подавить фашистский террор, свидетельствовал эпизод в Сарцане близ Генуи 21 июля 1921 г. Колонна из 500 сквадристов во главе с А. Думини, который войдет в историю как убийца депутата-социалиста Д. Маттеотти, по пути в Каррару заняла станцию Сарцана. Но там находились восемь полицейских и три солдата под командой капитана. Думини вступил с ним в переговоры. Сквадристам, привыкшим к содействию властей, надоело ждать исхода переговоров. Они окружили маленький отряд и стали шуметь, что пора покончить с болтовней. Тогда разозленные представители власти взяли ружья на

изготовку. Из фашистских рядов раздался револьверный выстрел. Ответом стал ружейный залп. Несколько убитых и раненых фашистов осталось на земле, остальные обратились в бегство. Инцидент в Сарцане явился уникальным событием, явным исключением из общего правила, как и поведение болонского префекта Ч. Мори, пытавшегося усмирить фашистов. Не случайно Мори вскоре лишился должности.

Как явление общенационального масштаба, фашизм формируется в рамках политической стратегии буржуазии.

Если землевладельцы Паданской долины и часть промышленников использовали фашистов как ландскнехтов для расправы с крестьянами и рабочими, то даже умеренные группировки пошли на вовлечение фашистов в партийно-политическую структуру правящего лагеря. Джолитти, например, рассчитывал «приручить» фашистов и с их помощью «образовать» социалистическую партию. Он был в то время твердо уверен в том, что ему удастся сохранить контроль над ситуацией. (Только в 1924 г. он голосовал против доверия режиму чернорубашечников.) Даже представитель леволиберального крыла Ф. Нитти, предпринимавший немало усилий в духе либерально-реформистского курса, в конечном счете склонился к мысли о необходимости включения фашистов в правительственную коалицию. Летом 1922 г. он вел переговоры с Муссолини, нащупывая конкретные условия для подобного варианта.

Конечно, позиции различных либеральных группировок были при этом неодинаковы. Для Нитти дело шло о политическом эксперименте. Чтобы обеспечить его осуществление, нужно дать фашистам значительную свободу.

Этот взгляд на вещи сохраняется у Нитти и после того, как Муссолини пришел к власти. Весной 1923 г. либеральный политик подробно излагал свою точку зрения: «Необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех: никакой оппозиции с нашей стороны... Если эксперимент не удастся, никто не сможет сказать, что в этом повинны мы или хотя бы что мы чинили препятствия. Если же он удастся, все должно будет вернуться к нормальному порядку вещей и к конституции, а это единственное, чего я желаю и в чем фашисты могут сослужить нам службу»¹. Суть этих замыслов, как спра-

ведливо отмечает П. Алатри, сводится к следующему: «Фашисты должны были, по существу, вытащить каштаны из огня, т. е. раздавить социализм, а затем передать „очищенное“ таким путем государство святошам либерализма и демократии»². Мавр сделает свое дело и уйдет, полагали Нитти и его единомышленники.

Планы Джолитти были выдержаны в духе довоенного трансформизма. Умудренный прошлым опытом политик рассчитывал, что в рамках широкой коалиции удастся сгладить острые углы политической практики и идеологии фашистов, «нормализовать» фашизм, введя его в определенные конституционно-парламентские рамки как ценное к ним дополнение. Фашистский экстремизм должен был стать «живительным импульсом», освежающей струей для одряхлевшего либерализма. Безусловно, Муссолини не столь уже приятный партнер, но ведь в прошлом каток трансформизма укатывал и правых и левых. На это и надеялся престарелый политик, явно недооценивая, как и Нитти, динамику фашизма.

Наконец, целью правых либералов во главе с Салаандрой было создание консервативно-фашистской коалиции. Естественно, Салаандра рассчитывал стать премьер-министром такого реакционного правительства, но достойное место в нем предполагалось отвести и фашистам. Незадолго до «похода на Рим» Салаандра, встречаясь с делегацией фашистов своего родного города, просил, чтобы его считали «почетным фашистом»: он записался бы в активные фашисты, если бы ему не было 60 лет³. Конечно, консервативный политик зашел так далеко, потому что предвкушал момент, когда он станет главой кабинета. Но вряд ли у него вырвались бы такие слова, не будь он проникнут чувством близости к новой политической силе. Депутат Сандрини, также представитель праволиберальных кругов, считал фашизм спасителем либеральной Италии и силой, способной консолидировать правящий лагерь: «В фашизме я вижу принцип, который объединяет всех нас». Именно эти группировки итальянских верхов рассматривали фашизм как «немного, к сожалению, грубое, но мускулистое крыло либерализма»⁴. Они даже опасались буржуазно-демократической альтернативы консервативно-фашистскому решению. Их страшила возможность создания коалиции из социал-реформистов Турати, либералов Нитти и представителей католической партии «пополяри» во главе с Л. Стурцо.

Даже те буржуазные ученые, которые хотели бы преуменьшить степень ответственности верхов, не могут не считаться с суровой реальностью фактов. Так, итальянский историк Р. Де Феличе признает вину правящих кругов Италии, похоронивших возможность создания буржуазно-демократического правительства с участием реформистских лидеров Ф. Турати и Д. Маттеотти. Господствующие классы Италии избрали решение «более простое и более соответствующее традициям» — они предпочли ориентироваться на фашизм⁵. Если для либералов левого толка ориентация на фашизм была прежде всего следствием определенных политических расчетов, то консервативное крыло либералов исходило главным образом из принципиального схождения своих внутривнутриполитических и внешнеполитических установок с фашистскими. Особенно четкие формы фашистско-консервативный альянс принял на, так сказать, локальном уровне. Американский историк Ч. Майер прав, говоря, что важным фактором укоренения фашизма в структуре страны было не только насилие, но и фактическое слияние фашистских организаций с ассоциациями землевладельцев, местными либеральными клубами, коммерческими и промышленными группировками⁶. Этот сплав в свою очередь оказывал сильное давление на Рим. Фашистские тенденции в правящих верхах подкреплялись мощными импульсами, исходившими от провинциальной элиты.

Финансово-промышленные круги оказывали фашистам не менее широкую и существенную поддержку, чем их политическое представительство. К осени 1921 г. у буржуазии прошел острый приступ «великого страха». Революционное движение шло на убыль, «большевистская угроза» уже не выглядела прямой и непосредственной. Недавно пережитый ужас оставил неизгладимый след в сознании финансово-промышленных магнатов. Теперь они были «обозлены, но отнюдь не настроены панически».

Делать ставку на фашизм их побуждали не страх и растерянность, а целый комплекс соображений тактико-стратегического характера. В 1921 г. им удалось воспользоваться экономическим спадом для контрнаступления против трудящихся. Но весной 1922 г. наметилось улучшение конъюнктуры. Крупная буржуазия опасалась, что это может привести к новому подъему рабочего движения. Чтобы радикально устранить возможность подобной угро-

зы, нужно было принять меры, не дожидаясь возникновения нового революционного подъема. В фашизме многие влиятельные промышленники и банкиры как раз и усматривали подходящее орудие для своеобразной превентивной контрреволюции, призванной установить режим, который сможет обеспечить твердый порядок, право собственности и беспрепятственного получения прибыли. Глава фашистов Муссолини, по словам президента Конфиндустрии 1920—1922 гг. Э. Конти, в глазах делового мира был человеком, который больше верит в элиту, чем в массу, — человеком, который «борется против тех, кто стремится ввести господство серпа и молота...». Естественно такой человек «не мог не нравиться Конфиндустрии»⁷.

С фашизмом крупная буржуазия связывала свои надежды на обновление экономической политики Италии. Уже говорилось, что влиятельные промышленно-финансовые круги были недовольны либеральными правительствами, которые пытались маневрировать, шли на определенные уступки трудящимся, вторгались порой в прерогативы предпринимателей. Кроме того, добавился негативный эффект банковского кризиса конца 1921 г., перед которым правительство оказалось несостоятельным.

Со своей стороны Муссолини всячески пытался рассеять опасения банковско-промышленного мира насчет антикапиталистических тенденций фашистского движения, убедить его в том, что именно фашизм сможет обеспечить спокойствие и порядок. Меняется направленность фашистской пропаганды. Псевдореволюционная фразеология отходит на второй план. Главное теперь — обоснование курса на укрепление социальной стабильности в рамках существующего капиталистического порядка. Если XIX век был веком революции, заявлял Муссолини, то XX век стал веком реставрации. Первая мировая война была революционной в том смысле, что она ликвидировала «век демократии, век числа, большинства, количества. Процесс реставрации по направлению вправо виден в своих конкретных проявлениях». Все громче звучит хвала капитализму, представляющему собой прежде всего иерархию, «разработку, отбор и координацию ценностей, созданных веками, — ценностей, незаменимых и сегодня...»⁸. Однако Муссолини не мог отказаться от революционаристской позы. Он прекрасно понимал, что фашизм

не смог бы выполнять свою социально-политическую функцию и в значительной мере утратил бы ценность для верхов, если бы открыто идентифицировался с буржуазией. С помощью головоломных демагогических трюков Муссолини пытается решать одновременно обе задачи. «Фашистская революция», разглагольствовал он, будет не экономической, а политической. Ее задачей не является разрушение буржуазного экономического порядка, а лишь модернизация его посредством синдикалистского импульса, который ликвидирует социальные противоречия и превратит итальянцев в социально единую нацию производителей⁹. На основе такой словесной эквилибристики без труда можно было провозгласить революцией любую акцию, с помощью которой фашистам удалось бы приобщиться к власти.

Главарь фашистов начинает много говорить о компромиссах. Уже после выборов 1921 г. он помышляет о министерском портфеле. Особенно нравится ему портфель министра иностранных дел. Но сначала надо было укрепить контроль над собственным движением, придать ему более респектабельный облик. Необходимо было обуздать провинциальных фашистских главарей, демонстративно именовавших себя расами (так называли эфиопских племенных вождей). Расы чувствовали себя полноправными хозяевами на местах. Там они находили поддержку администрации и местных нотаблей. Привыкшие к постоянным террористическим акциям, ощущая почти полную безнаказанность, они и приход к власти мыслили однозначно: только поход на Рим, который представлялся этим провинциальным головорезам большой карательной экспедицией вроде тех, что они совершали чуть ли не ежедневно против рабочих и крестьянских организаций. Автономия местных фашистских организаций также таила опасность (кое-где дававшую о себе знать), что в них может скопиться неконтролируемый, преимущественно антикапиталистический экстремистский заряд.

Ареной укрощения строптивых расов стал римский съезд (ноябрь 1921 г.), где фашистское движение было преобразовано в партию. Сочетая кнут с пряником, Муссолини в принципе добился своего. Не обошлось без перепалок, однако финал был театральным: «братские» объятия и поцелуи. Самому красноречивому представителю фронды Д. Грайди Муссолини предложил руководство римским изданием «Пополо д'Италия» и соредак-

торство теоретического журнала «Джераркия». Гравди не устоял перед таким соблазном. В начале 1922 г. в «Пополо д'Италия» можно было прочесть написанную им статью «Миф и реальность», где он ставил вопрос о тактике фашистов и давал на него хотя и несколько уклончивый, но все-таки совсем иной ответ, чем до римского съезда: «Реформисты фашизма? Может быть, да»¹⁰. Консолидация партии, укрепление личных позиций Муссолини обеспечили ему значительную свободу маневра.

Чтобы еще более упрочить связь с крупным капиталом, Муссолини и его «мозговой трест» разрабатывают такую экономическую программу, в которой учтены самые насущные требования финансово-промышленных магнатов. Еще летом 1921 г. Муссолини, используя сравнение государства со сторуким гигантом, говорил, что «девяносто пять рук следовало бы ампутировать, т. е. нужно превратить государство в институт чисто юридический и политический». Необходимо вернуться к государству «манчестерского», т. е. классически либерального, типа. На римском съезде Муссолини развивает эту линию: «В экономических делах мы являемся либералами, так как считаем, что национальная экономика не может быть доверена коллективным и бюрократическим ведомствам». Было обещано превратить в частные предприятия железные дороги и телеграф. «Государство этическое, а не государство монополистическое», — провозглашал главарь фашистов.

Фашистские авторитеты в области экономики (А. Де Стефани, М. Рокка, О. Корджини) развивают эту тему, находившую горячий отклик у делового мира. Они требовали лишить парламент инициативы предлагать новые расходы. В разработанной ими программе речь шла о реформе государственного аппарата, о передаче государственных предприятий в частные руки, об ограничении масштабов общественных работ. По мнению фашистских «либералов», нужно было пересмотреть социальные законы, «которые сковывали производство»: «национальной экономике может только повредить обложение налогами богатых в пользу бедных»¹¹.

Выступая 20 сентября 1922 г. в Удине, Муссолини уверял промышленников, что фашизм положит конец всякому государственному вмешательству в экономику. Об этом он говорил и во время встречи с «капитанами индустрии» 16 октября 1922 г., т. е. в самый канун «похода

на Рим». Эволюция экономической программы фашистской партии свидетельствует о том, что фашисты соизмеряли свои программные положения прежде всего с интересами финансово-промышленных магнатов. Если тех обременяло государственное вмешательство, фашисты становились «либералами».

Многообещающая экономическая программа фашистов еще более усиливала желание промышленников и банкиров увидеть их партию у власти. Накануне «похода на Рим» Муссолини мог твердо рассчитывать на политическую, экономическую и моральную помощь делового мира. Это придавало ему уверенность в той сложной политической игре, которую он вел сразу за несколькими столами.

Муссолини стучится во все двери. Он готов обсуждать самые невероятные варианты правительственных коалиций. Главарь фашистов в решающие месяцы 1922 г. ведет почти синхронно переговоры с Саландрой, Орландо, Джолитти, Нитти, Д'Аннунцио, премьер-министром Фактой. К этому следует добавить контакты с крупными промышленниками и финансистами, двором, армией. Особенно ловко были проведены переговоры с премьер-министром Фактой, которого не без основания считали ставленником Джолитти. Муссолини опасался авторитета и опыта «человека из Дронеро» и предпочитал иметь дело с недалеким и серым премьер-министром. Муссолини сумел убедить его. К осени 1922 г. Факта был уверен, что только он сможет решить важнейшую политическую задачу, стоявшую перед итальянскими верхами, и войдет в историю как политик, которому удалось «нормализовать» фашизм. Факта даже позволил себе повести двойную игру по отношению к своему покровителю Джолитти. В конечном счете он был одурачен Муссолини, как, впрочем, и многие другие. Столь широкий диапазон тактических маневров Муссолини объяснялся тем, что практически все основные фракции верхов и их лидеры были готовы в той или иной мере сотрудничать с фашизмом. Кому из партнеров Муссолини по переговорам не хотелось предстать в роли спасителя буржуазного общества, сумевшего «приручить фашизм»? Не будь столь далеко идущего совпадения целей и интересов правящих верхов и фашистов, никакая тактическая изворотливость Муссолини не смогла бы подготовить исход событий осени 1922 г.

Путь к власти фашистам был практически открыт после того, как стала очевидной невозможность формирования антифашистской коалиции. В стране не созрели предпосылки для сотрудничества между левыми и буржуазно-демократическими силами. В левом лагере не было единства. Социалистическая партия раздиралась внутренними противоречиями между реформистами и максималистами. Реформистские элементы из социалистической партии и профсоюзов занимали пассивную, фактически непротивленческую позицию. Эффективность антифашистской борьбы молодой коммунистической партии, созданной лишь в январе 1921 г., снижалась из-за ее относительной слабости, недостаточности политического опыта. Слабость антифашистского лагеря продемонстрировала неудача всеобщей забастовки в августе 1922 г.¹² И правящие верхи, и фашисты чувствовали, что следует торопиться, чтобы не упустить благоприятный для государственного переворота момент.

Разобщенность антифашистских сил поставила решение вопроса о приходе фашизма к власти в зависимость от позиции верхов, а это и предопределило приход к власти Муссолини. Осенью 1922 г. речь могла идти лишь о его конкретных сроках и условиях. Как раз эти конкретные проблемы и обсуждались во время непрерывных переговоров, которые активно вел Муссолини с разнообразными партнерами. По мере того как лидер фашистов обретал все большую уверенность в скором приобщении к власти, росли его притязания. Если недавно он готов был удовлетвориться министерским портфелем, то теперь он собирался стать главой правительства. В донесении армейской разведки от 17 октября 1922 г. излагалось содержание конфиденциальной беседы Муссолини с одним из приближенных. Будущий дуче говорил, что «все готово для военного переворота...». Причем Муссолини «настолько уверен в победе и в том, что он хозяин положения, что он предвидит даже первые акты своего правительства». Когда собеседник задал вопрос, не лучше ли было бы найти решение путем участия фашистов в правительстве, Муссолини ответил: «В этом случае мы превратились бы в пленников; участие в правительстве означало бы ликвидацию фашизма»¹³.

Тем не менее и в конфиденциальных беседах Муссолини не открывается до конца. Официальная фашистская историография изображала дуче главным организатором

и руководителем «похода на Рим», превозносила его решительность и непреклонность. Между тем есть свидетельства ближайших его клевретов о том, что он склонялся скорее к компромиссу и им приходилось «гнать его в Рим пинками»¹⁴. Это две крайние точки зрения, истина скорее всего между ними. Вероятно, Муссолини, если бы дело зависело только от его воли, предпочел бы спокойный путь в правительство. Но за его спиной была целая армия алчущих власти мелких и средних фашистских иерархов, а самое главное — множество обманутого его пропагандой рядовых фашистов, нетерпеливо ожидавших обещанной «революции». Муссолини не мог не считаться с экстремистской динамикой своего движения, кроме того, риск, связанный с осуществлением переворота, к осени 1922 г. был сведен к минимуму. Расстановка сил в правящем лагере служила гарантией успеха. Тем не менее Муссолини решил подстраховаться. Сам он стоял как бы над практической подготовкой к походу, сохраняя полную свободу рук, оперативное пространство для маневрирования, и в любой момент мог бы отмежеваться от мероприятия в случае его неудачи.

На совещании в Милане 16 октября было создано специальное «верховное командование» из четырех человек — квадрумвират. Четверка квадрумвиров в известной мере олицетворяла различные социально-политические тенденции фашистского движения. М. Бьянки, секретарь фашистской партии, представлял синдикалистскую ветвь, крупный земельный собственник Ч. Де Векки — консервативно-монархическую реакцию, отставной генерал Э. Де Боно — милитаристов, а И. Бальбо был типичным ландскнехтом — авантюристом, «траншейным аристократом». «Верховное командование» разработало детальный план: всю Италию разделили на 12 зон, в каждой из которых намечалось сформировать отряды с целью захвата власти на местах и продвижения к столице.

24 октября в Неаполе состоялся смотр фашистского воинства. Муссолини произнес речь перед сборищем в 40 тыс. человек. Все они дружно скандировали: «На Рим! На Рим!». Всеобщая мобилизация была назначена на 27 октября. Квадрумвиры избрали место для командного пункта в Перудже, а Муссолини из Неаполя, минуя и Рим, и Перуджу, отправился в Милан, где и засел в 800 километрах от цели похода.

В Перудже «верховное командование» выбрало резиденцию как раз напротив местной префектуры. Достаточно было небольшого отряда солдат или полицейских, чтобы обезглавить готовившийся поход. На деле же все происходило совсем иначе. Когда поздним вечером 27 октября к префекту явились три фашистских делегата и предложили сдать полномочия, тот немедленно уступил, и фашисты ночью взяли под контроль все ключевые пункты. По такому же сценарию разворачивались события и в других местах. Стычки были редчайшим исключением из общего правила. Несмотря на легкость, с которой осуществлялись замыслы фашистов, квадрумвиры в первую же ночь (с 27 на 28 октября) потеряли всякий контроль над мобилизацией фашистских колонн. Более того, они ухитрились даже потерять друг друга. Между квадрумвирами не было и политического единения. В отличие от своих коллег, твердо стоявших за кабинет во главе с Муссолини, Де Векки был не против правительства во главе с Саландрой.

В дневнике «кампании» генерал Де Боно записал утром 28 октября: «...верховное командование почти полностью изолировано от действий, которые разворачиваются в провинциях»¹⁵. На Рим должны были наступать три колонны: одну из них возглавляли маркиз Перроне-Компани и генерал Чеккерины, вторую — Ильори и генерал Фара, а третью — Боттаи. Их должен был поддерживать резерв, возглавляемый еще одним отставным генералом — Дзамбони. Утром 28 октября маркиз Перроне-Компани с 4-тысячным отрядом находился в 60 км северо-западнее Рима и не мог воспользоваться железной дорогой для дальнейшего продвижения. Колонна Ильори (2 тыс. человек) располагалась в 30 км севернее Рима, а в 25 км восточнее столицы с самой многочисленной колонной (8 тыс. человек) стоял Боттаи. Резерв генерала Дзамбони находился еще весьма далеко от Рима, причем из 3 тыс. людей были вооружены лишь 300. Если полагаться на данные А. Таски, то 28 октября против 12-тысячного римского гарнизона сосредоточились 14 тыс. фашистов¹⁶. Командир римской дивизии генерал Пульезе приводит другие цифры: в столице 28 октября было 28 тыс. солдат, а им противостояли 26 тыс. фашистов, из-за прекращения железнодорожного движения разрозненных и блокированных на отдаленных подступах к Риму¹⁷. Так или иначе, правительственные силы имели

все возможности для разгрома фашистов. Это прекрасно понимал укрывшийся на всякий случай в Милане Муссолини, это сознавали и квадрумвиры. Они с огромной тревогой восприняли весть о том, что правительство Факта намерено ввести осадное положение. Беспокойство по этому поводу явно ощущается в дневниковых записях Де Боно. Но вот 28 октября наступает разрядка. Получена телеграмма: осадное положение не будет объявлено, король не подписал декрет. «Мы с Микелино (Бьянки.— П. Р.) обнимаемся»,— писал Де Боно. В Риме Чиапо, Де Векки и Гранди даже прослезились от радости. Ведь у фашистских иерархов были все основания опасаться в случае столкновения с войсками новой Сарцаны, только на сей раз в общенациональном масштабе.

Почему же Виктор Эммануил III не подписал декрет о введении осадного положения? Ответить на этот вопрос теперь не так уж трудно. Вообще, удивительнее было бы, если бы он его подписал. Такой шаг мог привести к краху фашистского движения, а это не входило в планы правящих кругов и королевской династии. Да и премьер-министр Факта едва ли был настойчив, когда принес на подпись королю декрет, который искренне одобряли лишь очень немногие члены его кабинета. Факта еще не потерял надежды на сговор с Муссолини и полагал, что слухи о возможном подписании декрета сделают того сговорчивее. Не собиравшись разогнать фашистов и армейское руководство. Постоянная помощь военных кругов была немаловажным фактором становления фашизма. Военщина видела в нем, как свидетельствует влиятельный армейский журнал того времени, «самую живую и действительную силу страны, которая желает избавить Италию от пут прошлого, чтобы повести ее, свободную и гордую, к лучшему будущему»¹⁸. На вопрос о позиции армии в ночь с 27 на 28 октября, т. е. в то время, когда речь шла о введении осадного положения, генералы Диас и Джиральди ответили так: «Армия исполнит свой долг, однако было бы лучше не подвергать ее испытанию»¹⁹. Не случайно Муссолини, представляя свое правительство палате депутатов, отвел центральное место на правительственной скамье генералу Диасу, а слева от себя поместил адмирала Таона де Ревеля. Одним из самых весомых аргументов в пользу фашизма были демарши, организованные Конфиндустрией и влиятельными местными группировками промышленников и банкиров. Деловой мир

энергично вмешался в ход событий, требуя включения фашистов в правительство.

К всеобщему облегчению итальянских верхов декрет остался пустой бумажкой. Факта ушел в отставку, формирование кабинета с участием фашистов возложили на Саландру. Муссолини по телефону было предложено войти в правительство. Первоначально он чуть было не согласился. Один из его окружения, А. Финци, просто вырвал у него трубку из рук. Тем временем стало известно, что декрет об осадном положении не подписан, и Муссолини занял твердую позицию: он намерен не просто войти в правительство, а возглавить его. Промышленники Милана и лидеры Конфиндустрии поддержали притязания фашистского главаря, и вечером 29 октября из Рима в Милан от имени короля была направлена телеграмма, приглашавшая Муссолини прибыть в столицу.

Пока голодные и промокшие под холодным осенним дождем сквадристы топтались на подступах к Риму, их «вождь» отправился туда в спальном вагоне. Утром 30 октября, опередив свои колонны, Муссолини прибыл в столицу и отправился к королю, чтобы разыграть перед ним сценку в своем стиле. Глава фашистов предстал перед монархом в черной рубашке, серо-зеленых галифе и крагах, театрально попросив прощения за свою боевую походную форму, так как он только что прибыл с поля боя, к счастью бескровного.

Движение фашистских колонн теперь можно было остановить, но Муссолини нужна была легенда, нужен был «героический» псевдореволюционный ореол для похода, который, в сущности, даже не состоялся. Десятки тысяч сквадристов должны поверить, что поход все-таки был. И Муссолини уже в качестве премьер-министра открыл ворота Рима для постоянно прибывавших фашистских скуадр. Так создавалась иллюзия захвата власти, тогда как на самом деле, она была вручена Муссолини господствующими классами. Конечно, кое-кому из представителей традиционной элиты хотелось бы в качестве гарантии видеть в роли ментора при Муссолини такого испытанного консервативного политика, как Саландра. Но в конце концов главное заключалось в том, чтобы провести «превентивную контрреволюцию». Муссолини это хорошо понимал и повел собственную политическую игру с «позиции силы», добиваясь неограниченной личной

власти. Приход к власти фашистского лидера объясняется не столько его тактическими маневрами, сколько единством стратегических целей крупной капитала, монархии, военщины и фашизма. Муссолини знал, чего хотят от него верхи. «Важно ясно и твердо сказать в этот момент, что сегодня в Италии есть государство и мы заставим его уважать посредством законов, а если понадобится,— с помощью пулеметов»,— заверял он тех, кто вручил ему власть.

В то же время у рядовых участников движения нужно было поддерживать иллюзию «революционности» фашизма, иллюзию насильственного захвата власти. Муссолини не жалел усилий, чтобы «поход на Рим» выглядел в глазах масс формой «революции». Мы совершили уникальную революцию, заявил он в интервью, данному «Коррьере делла сера»: «В какую эпоху, в какой стране мира совершалась революция, подобная этой? Революция делалась в то время, как службы функционировали, торговля продолжалась, в то время, как служащие были на своих местах, рабочие на заводах, крестьяне мирно работали на полях. Это революция нового стиля!»²⁰. (Вспомним, что именно «поход на Рим» представлялся Меллеру ван ден Бруку образцом «консервативной революции».) «Поход на Рим»,— поход которого фактически не было, стал одним из главных мифов итальянского и международного фашизма. На выставке современного итальянского искусства летом 1935 г. в Париже экспонировалась крупноформатная картина, изображавшая Муссолини верхом на коне во главе марширующих на Рим легионеров. По мере удаления от времени событий миф обрстал все новыми и новыми наслоениями, все более и более отрывался от исторической реальности.

Приход Муссолини к власти оказал существенное воздействие на становление фашизма за пределами Италии. До 1933 г. итальянский фашизм был главным воплощением этого международного феномена, эталоном для всех прочих его разновидностей. В этом качестве он становится важным фактором генезиса международного фашизма, влияя на его идеологию и организационные формы, политическую тактику и пропагандистские методы, темпы вызревания.

«ПИВНОЙ ПУТЧ», ИЛИ НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ ГИТЛЕРА

«Поход на Рим» послужил вдохновляющим примером для германских фашистов. Гитлер признавал серьезное воздействие итальянского фашизма на формирование нацистской партии. Прямое влияние итальянского опыта прослеживается в первой значительной политической акции нацистской партии, мюнхенском так называемом «пивном путче» 8—9 ноября 1923 г. Под его внешне опереточной формой скрывалось достаточно серьезное политическое содержание. Его смысл и значение можно понять лишь в контексте замыслов и действий общегерманской реакции в период революционного кризиса 1923 г.*

Сторонники консервативной политики, базирующейся на грубом насилии, всегда составляли могущественную фракцию германских господствующих классов. Правительство Эберта—Штреземана, сочетавшее насилие с более гибкими методами, казалось им слишком мягким. Монополистические магнаты, военщина, представители политического консерватизма разрабатывали планы создания диктаторского режима, способного железным кулаком подавить революционное движение и «переиграть войну». В качестве формы такого режима намечалась директория из военных и промышленников. Видная роль в этих планах отводилась баварским реакционерам, горделиво называвшим свою провинцию «ячейкой порядка». К тому времени заметное, хотя далеко еще не главное, место среди прочих элементов баварской реакции принадлежало гитлеровской НСДАП. Именно баварцы выступили застрельщиками в борьбе правых сил против имперского правительства, рискнувшего избрать более гибкую внешнеполитическую линию.

Актом открытого неповиновения правительству было введение в Баварии 26 сентября 1923 г. чрезвычайного положения. Фактически установилась диктатура генерального государственного комиссара Г. фон Кара, командующего VII военным округом генерала О. фон Лоссова и начальника полиции полковника Г. фон Зейссера. По их планам Баварии предназначалась роль трамплина для броска на «революционный Вавилон», т. е. Берлин. По-

* О подготовке и проведении путча см. также: Гинцберг Л. И. Рабочее и коммунистическое движение в Германии в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978.

путно предполагалось расправиться с рабочими правительствами Саксонии и Тюрингии. Были установлены контакты с командующим рейхсвером генералом Сектом, с людьми самого могущественного германского магната Г. Стиннеса, т. е. с «господами с Севера», как их называли баварцы. Триумвиры привлекли под свои знамена нацистов, ландскнехтов из «национальных союзов». Многие из этих организаций объединились с нацистскими штурмовыми отрядами в «Боевой союз», его политическим вождем стал Гитлер, а военное руководство досталось отставному подполковнику Крибелю.

Принципиальное единство цели не снимало острых внутренних противоречий, обусловленных личным честолюбием лидеров, расхождениями по вопросам тактики и форм организации власти. У нас одни цели, разъяснял свое отношение к фашистам итальянскому корреспонденту фон Кар, различие только в методах. Что же касается Гитлера, то он «демагог в лучшем смысле слова, безусловно желающий только добра»²¹.

Образцом для подражания нацистам служил дуче. «Разве не возможно у нас то, что смогла сделать в Италии кучка решительных людей? Итальянский Муссолини есть и в Баварии. Его зовут Адольф Гитлер», — говорил приближенный фюрера, журналист Г. Эссер²². Кара и Лоссова более привлекал пример хортистского режима в Венгрии. Им весьма импонировал образ действий испанского диктатора Primo de Rivera, только что 13 сентября совершившего государственный переворот.

С большим трудом баварский триумvirат сдерживал нетерпеливых штурмовиков. На совещании 24 октября Лоссов призывал главарей «национальных союзов» и штурмовых отрядов сохранять спокойствие и ждать сигнала. 26 октября последовал приказ об «осенних маневрах», предусматривающий приведение в боевую готовность 7-й дивизии и военизированных организаций. «Господа с Севера» с подозрением относились к баварскому сепаратизму. Генералов и профессиональных политиков несколько шокировали нацистские методы ведения политической борьбы. Баварские лидеры в свою очередь упрекали в бездействии «господ с Севера». 3 ноября Зейссер ездил в Берлин, где встречался с Сектом, генеральным директором Стиннеса Мину и другими влиятельными лицами. Ему пришлось выслушать — только в более изысканных выражениях — то же, что Лоссов говорил вож-

дям «национальных союзов». Берлинцы оставили право выбора момента за собой.

6 ноября Лоссов в очередной раз созвал строптивных партнеров и в преддверии грядущих событий потребовал от них беспрекословного повиновения. В отличие от руководителей «национальных союзов», осуждавших триумvirат за нерешительность, Гитлер заподозрил, что триумвиры хотят оставить его за бортом. Вечером он долго совещался с Д. Эккартом и прибалтийским графом Шейбнер-Рихтером, международным авантюристом, выполнявшим миссию посредника между фюрером и примкнувшим к нацистскому движению кумиром германских милитаристов Людендорфом. Энергичный и решительный, граф оказался в центре всех дел, связанных с подготовкой путча. Утром 7 ноября Гитлер и Шейбнер-Рихтер обсуждали с лидерами союзов Крибелем и Вебером военную сторону мероприятия, имевшего целью опередить триумвират.

Акция первоначально планировалась в ночь с 10 на 11 ноября. Однако 8 ноября в огромном зале пивной «Бюргерброй» было назначено собрание баварских нотаблей. В роли докладчика — сам генеральный комиссар Кар. Нацистские осведомители из баварских министерств и полиции сообщали, что собрание явится прелюдией к реставрации Виттельсбахов и «походу на Берлин». На просьбу Гитлера об аудиенции Кар отвечал, что сможет принять его только 9 ноября. Подозрения Гитлера переросли в уверенность: собрание в «Бюргерброй» станет форумом для провозглашения «национальной революции». В самой дате суеверный фюрер усмотрел символическое значение. Ведь 8 ноября находится как раз между годовщинами мюнхенской и берлинской революций 1918 г. Кроме того, разве Лоссов не говорил 24 октября, что «поход на Берлин» начнется самое позднее через две недели? В беседе с графом Гельддорфом, прибывшим из Берлина, Лоссов утром 8 ноября угрожающе заявлял, что баварцам надоело ждать «господ с Севера». Гельддорф, будущий глава берлинских штурмовиков, тут же помчался к Шейбнер-Рихтеру. Срок акции был перенесен на 20 час. 30 мин. 8 ноября, т. е. через полчаса после начала собрания. Силами мюнхенских штурмовиков и подразделений «национальных союзов» под командой Геринга, Крибеля, Вебера, Рема предполагалось захватить склады с оружием, занять главный вокзал и телеграф. Путчистам была обеспечена поддержка пехотного училища, офицеры

и курсанты которого (среди них пасынок Людендорфа лейтенант Пернет) симпатизировали нацистскому движению. Ключевым пунктом операции являлась пивная «Бюргерброй». Все зависело от позиции собравшихся там «их превосходительств». Выступление Гитлера было, по существу, борьбой не против них, а за них.

Вооружившись пистолетом и нацепив на скюртук железный крест, Гитлер к 20 час. 30 мин. подъехал к «Бюргерброй». Предварительно он по телефону просил Кара не начинать доклад до его прибытия, в надежде что ему удастся склонить генерального комиссара к совместным действиям. Однако тот с возмущением ответил, что не может из-за господина Гитлера заставлять ждать три тысячи собравшихся. Вестибюль был набит людьми до отказа. Гитлер обратился к полицейскому с требованием немедленно очистить помещение. Полиция повиновалась и расчистила путь подоспевшим вскоре штурмовикам из «ударной бригады Гитлера». Они, не мешкая, заняли вестибюль и установили там пулеметы. К Людвигсбрюкке (мост через Изар) подвезли орудие. Здание было блокировано. Когда один из полицейских позвонил в управление, начальство дало краткую инструкцию: поддерживать порядок на улице и не вмешиваться. Инструкция исходила от Фрика, которого Гитлер через час назначил главой мюнхенской полиции, а через десять лет министром внутренних дел «третьего рейха». Настало время для подключения к акции Людендорфа. Шейбнер-Рихтер отправился к отставному полководцу, чье внимание было поглощено уходом за розами. По замыслу Гитлера, появление Людендорфа в «Бюргерброй» должно было произвести благоприятный психологический эффект.

В 20 час. 45 мин. с пистолетом в руке во главе вооруженных до зубов штурмовиков Гитлер ворвался в переполненный зал, где значительная часть присутствовавших спокойно дремала, убаюканная докладом генерального комиссара. «Национальная революция началась!» — провозгласил Гитлер. Прерванный на полуслове Кар застыл в оцепенении. Навстречу глашатаю «национальной революции» поднялся полицейский майор Хунглингер. Гитлер с криком приставил к его груди пистолет. Телохранители мигом убрали полицейского с дороги. В зале раздались возмущенные возгласы. Вскочив на стул, Гитлер выстрелил в потолок, чтобы призвать публику к порядку, затем заявил, что в «Бюргерброй» находится 600 штурмовиков,

а рейхсвер и полиция шествуют сюда под знаменем свастикки. Присутствующим было приказано оставаться на своих местах, а Кару, Лоссову и Зейссеру — следовать в соседнюю комнату.

На трибуне Гитлера сменил Геринг, тоже воспользовавшийся пистолетом в качестве председательского колокола. В заключение своей разъяснительной речи начальник СА привел самый убедительный, с его точки зрения, для баварцев аргумент: «А в общем вы можете быть довольны, ведь у вас здесь есть пиво».

Впоследствии генерал Лоссов утверждал, что по дороге из зала он успел шепнуть своим коллегам: «Разыграть комедию!». На этих двух словах зиждилась официальная версия путча, зафиксированная в памятной записке, составленной Каром и Лоссовым для собственного оправдания в декабре 1923 г. Этой версии придерживаются и большинство современных буржуазных историков. Среди немногих усомнившихся — западногерманский ученый Г. Г. Гофман, автор капитального исследования о путче. На его взгляд, утверждение Лоссова «совершенно неправдоподобно»²³.

В маленькой комнате напротив гардероба Гитлер изложил Кару свою программу: «Имперское правительство уже образовано, баварское — изложено. Бавария — трамплин для имперского правительства. В Баварии должен быть наместник, Пенер будет министром-президентом с диктаторскими полномочиями, Вы — наместником, имперское правительство — Гитлер, национальная армия — Людендорф, Лоссов — министр рейхсвера, Зейссер — министр полиции»²⁴. Несмотря на угрозы, перемежаемые с извинениями и мольбами, Гитлер не мог добиться у триумвиров согласия. Тогда он оставил их на попечение Крибеля и Вебера, а сам обратился к залу. Здесь ему сопутствовал бблший успех. Аудитория с энтузиазмом поддержала «национальную революцию», простив ее глашатаю грубое вторжение. Торжествующий Гитлер вернулся в комнату и объявил Кару, восседавшему на единственном стуле, что зал готов приветствовать его как наместника Баварии.

В этот момент явился Людендорф, раздраженный и тем, что его так долго держали в неведении, и предполагаемым распределением портфелей. Демонстративно игнорируя Гитлера, он заявил триумвирам, что удивлен происходящим не менее их, но дело начато, выбора нет.

Людендорфу триумвиры вынуждены были ответить. Правда, Кар оговорился, что присоединяется к «национальной революции» в качестве представителя свергнутой династии Виттельсбахов, а Лоссов поначалу лишь буркнул: «Ладно». Однако лед быстро растаял. Гитлер, Людендорф и баварский триумвират вышли к публике и произнесли короткие речи. Затем под бурную овацию зала они обменялись рукопожатиями. В разгоряченном воображении присутствующих возникла ассоциация со знаменитой клятвой швейцарцев на горе Рютли. Переживший «третий рейх» самый молодой член триумвирата Г. Зейссер писал в 1959 г., что братание и дружеские рукопожатия были всего лишь уловкой: «Меня следовало бы обвинить в непростительной глупости, если бы я в таком положении хотя бы выражением лица поставил под угрозу нашу ближайшую важнейшую цель — вернуть свободу действий»²⁵. Но если бы триумвиры на самом деле разыгрывали комедию, то ценителям искусства пришлось бы сожалеть, что такие талантливые актеры пропали для театральной сцены.

После торжественного финала участники событий разделились на группки и принялись за обсуждение практических вопросов. Кар с Пенером, этим полицейским ангелом-хранителем Гитлера, говорили о предстоящих переменах в правительственном аппарате, Людендорф и Лоссов — о мерах по созданию национальной армии. Гитлеру пришлось отправиться улаживать конфликт между людьми из союза «Оберланд» и саперами. Людендорф, несмотря на робкий протест Шейбнер-Рихтера, разрешил триумвирам разойтись по домам. Когда возвратившийся в «Бюргерброй» Гитлер попытался возмутиться, бывший генерал-квартирмейстер свирепо цыкнул на бывшего ефрейтора.

Между тем дела путчистов шли не так уж гладко. Наибольшего успеха добился Рем, овладевший зданием окружного командования. Занять казармы саперов не удалось. В памятной записке Кара—Лоссова выражалось лицемерное удивление в связи с тем, что Гитлер не предпринял ночью серьезных усилий для захвата телеграфа, вокзала и правительственных зданий²⁶.

Что же побудило триумвиров выступить против Гитлера и Людендорфа после патетической сцены в «Бюргерброй»? Во-первых, им пришлось считаться с тем, что в полицейском управлении майор барон фон Имхоф, в ге-

неральном комиссариате барон фон Фрейберг, а в военной комендатуре генерал-майор фон Даннер сразу же по получении известий из «Бюргерброй» подняли по тревоге рейхсвер и полицию, вызвали подкрепления из баварских гарнизонов. Когда Лоссов переступил порог комендатуры, ему при всем желании было бы трудно повернуть вспять начавший работать механизм. Фактически триумвиры оказались в руках генералов, сохранявших лояльность по отношению к Берлину и с подозрением следивших за политической игрой Лоссова.

И все-таки поведение триумvirата оставалось двусмысленным, пока не стало известно, что в ночь на 9 ноября президент Эберт вручил диктаторские полномочия генералу Секта. Нюрнбергский коммунальный политик Лупше, командир 24-го пехотного полка полковник фон Бек, полковник барон Лёфенхольц фон Кольберг утверждали, что они сообщили в Мюнхен о назначении Секта между 1 и 2 часами ночи. Кар и его коллеги впоследствии пытались представить дело таким образом, что они будто бы сразу после выхода из «Бюргерброй» взялись за подавление путча и до утра 9 ноября ничего не знали о переменах в Берлине. Однако показания нескольких свидетелей подтверждают осведомленность триумvirов, в частности Кара²⁷. Назначение Секта было истолковано им как практическое претворение планов создания директории. Поэтому в 2 часа 50 мин. ночи войсковая радиостанция передала следующее сообщение: «Генеральный государственный комиссар фон Кар, генерал фон Лоссов, полковник фон Зейссер отклоняют путч. Вынужденные под угрозой оружия заявления на собрании в „Бюргерброй“ недействительны. Необходима осторожность на случай злоупотребления вышеупомянутыми именами»²⁸.

Загадочное поведение партнеров озадачило путчистов. В недоумении они следили в казармы 19-го пехотного полка, где под надзором генерала Даннера обосновались триумвиры, одного связного за другим, пока Лоссов не процедила: «С мятежниками не ведут переговоров». Гитлер после приступа бешенства впал в апатию, уповал лишь на посредничество баварского кронпринца Рупрехта, к которому был послан лейтенант Нойнцерт. Даже свои пропагандистские функции он переложил на Ю. Штрейхера. Вожди путча, перебравшиеся из здания окружного командования на Шёнфельдштрассе снова в «Бюргерброй», долго совещались. К пивной, расположен-

ной на окраине Мюнхена, за Изаром, стекались люди. Из города доходили обнадеживающие сведения о настроении мюнхенских обывателей. Ободренные этим, путчисты, вопреки возражениям павшего духом Гитлера, решили выступить утром. «Мы маршируем!» — повелительным тоном произнес Людендорф, отметая всякие сомнения и возражения. Отставной полководец был уверен, что рейхсвер встретит его так же, как в свое время французская армия встретила вернувшегося с Эльбы Наполеона.

Образовалась колонна численностью «до трех тысяч человек». Впереди знаменосцы с флагами СА и «национальных союзов». За ними в первом ряду Людендорф, сопровождаемый справа Вебером, а слева Гитлером и Шейбнер-Рихтером. В арьергарде несколько личных автомобилей и грузовики с тяжелыми пулеметами. Путчисты шли рядами по восемь человек, на более широких улицах ряды сдваивались. Шествие занимало всю ширину улиц, сметая жидкие заградительные цепи полиции.

Хор, в несколько тысяч глоток распеваящий воинственные песни, развевающиеся знамена. У высыпавших на улицы мюнхенцев невольно выпячивалась грудь, перехватывало от восторга дыхание, увлажнялись глаза. Демонстрация путчистов превращалась в триумфальный марш. Людендорф, дойдя до Мариенплац, вместо того чтобы повернуть обратно, приказал продолжать движение, он хотел соединиться с Ремом, осажденным в здании окружного командования. При выходе из узкой Резиденцштрассе у Фельдхернхалле путчисты заметили полицейский отряд. Не обращая внимания на команду «Стой!», они с возгласами «Хайль!», «Не стрелять!» вплотную подошли к полицейскому кордону. Раздался выстрел, породивший много толков. Большинство историков склонно принять версию главы союза «Оберланд» Вебера. В соответствии с ней один из полицейских направил карабин в грудь знаменосца. Тот отбил его древком. Карабин выстрелил. Сразу же за одиночным выстрелом последовал обмен залпами. Через несколько минут колонна рассеялась. 13 путчистов было убито на месте. Среди них шедший об руку с Гитлером Шейбнер-Рихтер. Тяжело ранен был Геринг. Гитлер же искал спасения на земле. Только Людендорф и отставной майор Штрекк прошествовали сквозь полицейский кордон на Одеонплац, где и были арестованы. Гитлера посадили в один из двигавшихся за колонной автомобилей и увезли в Уффинг, на виллу его

друга Ханфштенгля. Там помышлявший о самоубийстве будущий фюрер «тысячелетнего рейха» был арестован 12 ноября. Чтобы оправдать свое бегство, Гитлер выдумал историю о мальчике, которого он якобы выносил из-под огня. Несколько лет спустя он даже демонстрировал будто бы спасенного им ребенка на одном из нацистских сборищ.

Дольше всех держался Рем. Он сдался рейхсверу на условиях почетной капитуляции. Знамя капитулировавших выносил бывший баварский юнкер, сын почтенного директора мюнхенской гимназии Г. Гиммлер.

Всего несколько часов нацисты и их союзники хозяйничали в Мюнхене, но в их действиях можно узнать тот специфический почерк, который окончательно оформился после 1933 г. Немцев, особенно баварцев, в те времена трудно было удивить актами насилия и террора. Может быть, поэтому современникам не бросились в глаза некоторые зловещие черты путча. Его водевильные моменты вызвали и недостаточно серьезное отношение к декретам «национального правительства» Пенера—Фрика. Так, предполагалось создание национального трибунала, чей суд должен быть скорым и свирепым: смертная казнь или оправдание. Срок приведения приговоров в исполнение — три часа²⁹. Утром 9 ноября штурмовики под командой Р. Гесса схватили в ратуше социал-демократов, членов муниципалитета, и бросили их в качестве заложников в подвал «Бюргерброй». От расстрела арестованных спас только случай. Штурмовики грабили и арестовывали граждан, чьи фамилии, взятые из телефонной книги, казались им еврейскими. Это была заявка на будущее.

Неудача первой попытки нацистов захватить власть была предопределена ее несвоевременностью. Союз социал-реформистов и буржуазных партий оказался в состоянии преодолеть революционный кризис, не прибегая пока к крайним методам. Кроме того, к моменту путча этот кризис прошел кульминационную точку. Реакции уже удалось подавить гамбургское восстание, разогнать рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии.

«История Гитлера — это история его недооценки», — писал германский либеральный историк В. Валентин³⁰. Перефразируя его высказывание, современный западногерманский историк К. Д. Брахер говорит, что «история национал-социализма является, в сущности, историей его недооценки»³¹. Тому, что многие современники не вос-

приняли всерьез нацистское движение и его фюрера, в немалой степени способствовал жалкий конец первого значительного политического выступления нацистов. В самих определениях: «пивной путч», «мюнхенский политический карнавал», «опереточный переворот» — отразилось пренебрежительное отношение современников к этому событию.

Однако поражение у Фельдхерихалле обернулось для Гитлера политическим успехом во время процесса над участниками путча. Процесс, проходивший весной 1924 г., стал достойным эпилогом мюнхенского фарса. Во имя спасения репутации высокопоставленных лиц, непосредственно или косвенно замешанных в событиях 8—9 ноября, вся ответственность была возложена на Гитлера. Благодаря этому вокруг имени провинциального баварского политика стал складываться ореол вождя. Вразрез с мнением большинства своих коллег, делающих упор на врожденные «вождистские» свойства Гитлера, западногерманский историк А. Тирелл убедительно показал, что тот только после событий 1923 г. начал ощущать себя уже не просто «национальным барабанщиком», а фюрером³². Это служит еще одним подтверждением того факта, что Гитлер как политик специфического фашистского типа был порождением германской реакции.

Из своего политического провала Гитлер сумел извлечь ценный опыт: «национальная революция» имеет шансы на успех только с санкции их превосходств. Именно поэтому Муссолини, по приглашению короля совершивший «марш на Рим» в спальном вагоне, оказался удачливее своего мюнхенского подражателя, обреченно шагавшего в рядах путчистов. Опыт 1923 г. подсказал Гитлеру наиболее подходящий путь к власти.

ОТ ФЕЛЬДХЕРИХАЛЛЕ ДО ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

После бурных событий 1923 г. Германия входит в полосу временной стабилизации. Благодаря, в частности, финансовой помощи США наметилась благоприятная экономическая конъюнктура, которой широко воспользовались монополии. К этому нужно добавить, что в 1925 г. президентом Веймарской республики стал кумир консерваторов, националистов и военщины отставной генерал-

фельдмаршал П. фон Гинденбург. В нем не без основания правые круги видели надежную гарантию от каких бы то ни было поворотов влево, с ним связывали надежды и на реставрацию монархии, и на создание военно-авторитарной диктатуры. По-прежнему ненавидя Веймарскую буржуазно-демократическую республику, «систему» (как ее обычно именовали правые), консерваторы в новой, относительно спокойной атмосфере отдают предпочтение более «умеренной» политической тактике. Цели остаются те же (подавление рабочего движения, ликвидация «системы»), но средства на время меняются. Опыт капповского, а затем и «пивного» путча заставил правящие круги усомниться в эффективности акций такого рода. Не отказываясь в принципе от экстремистских методов, реакционные фракции верхов решили шире эксплуатировать возможности, таившиеся в политических институтах буржуазной демократии.

Нацистам и другим экстремистским группировкам пришлось до поры до времени уйти с политической сцены; они стали политическим резервом реакционных фракций верхов, которые не отвернулись от мюнхенских неудачников. Для тех настало время зализывания ран, собирания сил, чтобы во всеоружии встретить новый «день икс». Не будь разнообразной помощи сверху, нацисты едва ли смогли оправиться от поражения. Достаточно сказать, что к началу 1925 г. их ряды по сравнению с осенью 1923 г. сократились более чем в сто раз (до 521 человека). В отсутствие Гитлера, сидевшего в ландсбергской тюрьме, его приспешники были целиком поглощены внутренними дразгами, царил идейно-организационный разброд. Чтобы занять заметное место на политической сцене, вернуть доверие власть имущих, следовало прежде всего восстановить боеспособность. Но это была задача-минимум, для решения которой хватало поддержки со стороны наиболее верных покровителей. Планы Гитлера и его окружения шли гораздо дальше. Они претендовали на приоритет в лагере правозэкстремистской реакции, что позволило бы рассчитывать на неограниченную помощь монополий и крупных землевладельцев, а тем самым и на приход к власти.

Первым шагом в этом направлении явилась идейно-организационная консолидация нацистской партии во второй половине 20-х годов. Один из главных ее моментов заключался в закреплении абсолютного господства Гитле-

ра в собственной партии. Во многом ему помог ореол мученика, созданный вокруг него за время пребывания в тюрьме; а также непомерное возвеличение его роли на процессе по поводу мюнхенского путча. Перед самым арестом он сделал тонкий тактический ход, оставив своим преемником крайне непопулярного в партии А. Розенберга. Прочие фюреры с явным пренебрежением отнеслись к временному «вождю», и тот даже при желании не смог бы составить конкуренцию, оказавшемуся не у дел Гитлеру. Началась «война всех против всех», а затем передравшиеся «диадохи» встретили досрочно освобожденного фюрера как верховного арбитра. Гитлер требовал слепого подчинения, не допускал никаких дискуссий и споров по тактическим и программным вопросам. «Наша программа выражается в двух словах: Адольф Гитлер», — так сформулировал эту позицию один из приближенных нацистского фюрера. Гитлер твердо придерживался принципа «слепая вера сдвигает горы». Ради укрепления личного господства он постоянно сталкивал лбами своих приспешников, чтобы избежать опасной концентрации власти, создавал ведомства, которые дублировали друг друга, т. е., по остроумному замечанию одного американского историка, насаждал своеобразный «институциональный дарвинизм», позволявший ему постоянно выступать в качестве всемогущего арбитра. К концу 20-х годов пресловутый «фюрер-принцип» пронизывал всю структуру НСДАП сверху донизу. Свойственные политическому стилю крайне правых организаций и партий авторитарные тенденции, ставка на «сильную» личность достигли качественно новой ступени.

Консолидация нацистской партии проходила в ожесточенной борьбе с конкурирующими экстремистскими группировками и организациями. Гитлер решительно отвергал попытки объединения; они должны были полностью раствориться в нацистском движении, отказаться от какой бы то ни было идейной или организационной автономии. Таким образом, нацистский экстремизм проявлялся не только в борьбе против революционных сил, но и по отношению к соперникам из реакционного лагеря. Многочисленные националистические группки и последыши фрейкора в конечном счете вынуждены были подчиниться и войти в состав НСДАП на условиях, продиктованных Гитлером.

Организационная консолидация способствовала окончательному оформлению тех политических и идеологических черт фашизма, которые отличают его от других проявлений реакции. Особенности исторического развития Германии, а также факторы, порожденные спецификой послевоенной ситуации в стране, обусловили наивысшую степень завершенности основных признаков фашизма в его германской форме.

Бешеный антикоммунизм, отрицание любой формы демократии, оголтелый национализм, достигающий кульминации в расизме, неограниченные империалистические притязания, культ «вождя», антигуманизм, разнузданная социальная демагогия, умение мобилизовывать массовый базис — все эти свойства фашизма в целом с особой выразительностью проступают у его германской разновидности.

Борьба против марксизма — главный отправной пункт фашистской теории и практики — означала жесточайшие репрессии против рабочего класса и его авангарда — коммунистов, включая физическое истребление ядра функционеров рабочих партий. «Марксизм будет выкорчеван с корнем. Думаете я пошел бы на компромиссы с марксизмом во время революции? Я не иду на компромиссы. Ни на какие. Если я пойду на какой-либо компромисс, тогда через 30 лет марксизм оживет опять. Марксизм нужно убить», — так говорил Гитлер в беседе с правобуржуазным политиком, редактором влиятельной газеты Р. Брейтингом³³.

Другим основным признаком фашизма является перманентный и тотальный террор. Причем особенно следует подчеркнуть перманентный, т. е. непрерывный, постоянный характер фашистского террора. К террористическим методам прибегают и другие реакционные силы, но для них в отличие от фашизма методы такого рода являются все же эпизодическими, а не постоянными. Террор был возведен нацистами в норму повседневной политической практики, причем еще до прихода к власти. С установлением фашистского господства террор становится тотальным по своему масштабу. Сама нацистская партийная организация представляла собой орудие террора, острием которого являлись отряды головорезов СА и созданные несколько позднее как лейбгвардия фюрера СС. Концентрированным выражением террористической политики нацистов стал лозунг Геббельса «Вперед по могилам!».

Террор должен был прежде всего подавлять врагов, устрашать конкурентов, а также давать разрядку экстремистским тенденциям массового базиса, которые могли вылиться и в нежелательное антикапиталистическое русло. Постоянные террористические акции, потасовки на улицах и в пивных должны были создавать у рядовых фашистов иллюзию «революционного активизма», якобы приущего движению.

Будучи порождением империалистической реакции, фашизм представлял собой самую агрессивную ее форму. На страницах «Майн кампф» война провозглашалась основой мирового порядка. Только неограниченная экспансия может решить все социальные и экономические проблемы. Гитлер прямо говорил Брейтингу, что с осуществлением политических целей «социальные вопросы будут урегулированы автоматически»³⁴. Достаточно хорошо известны фантазмагорические завоевательные планы нацистов. Его главари планировали физическое истребление целых народов и этнических общностей, уничтожение многих национальных государств. Главным объектом агрессии должна была стать первая страна победившего социализма. Подобные варварские замыслы обосновывались геополитическими и социал-дарвинистскими концепциями, заимствованными из обширного идейного багажа реакции и доведенными нацистами до логического предела.

Национализм принял у фашистов форму зоологического расизма. В отличие от других националистических групп и течений фашисты не видели какой-либо альтернативы физическому уничтожению «расово чуждых элементов».

В духе самого вульгарного социал-дарвинизма нацистский фюрер строил свою аргументацию на грубых аналогиях между животным миром и человеческим обществом. Чтобы доказать необходимость расправы с «расово чуждыми элементами», он ссылался, например, на повадки обезьян, которые, как он утверждал, «забивают до смерти всякого чужака. А что годится для обезьян, должно быть в еще большей степени пригодно для людей». Сочетая проповедь геноцида с культивированием чувства превосходства «избранной расы», нацисты преследовали и важную социальную цель: принадлежность всех «истинных» немцев к «расе господ» снимала проблему социального неравенства. Расизм должен был, таким образом, создать иллюзию ликвидации классовых антагонизмов,

а соучастие в геноциде — связать широкие слои населения круговой порукой с фашистскими палачами.

По сравнению с традиционной реакцией фашизм (прежде всего германский) отличался крайним авантюризмом.

Хотя все свойства нацизма в полной мере раскрылись после прихода к власти, когда в его руках оказались могущественные рычаги господства, эти признаки формируются еще на генетической стадии. В ее завершающей фазе нацизм выделяется сначала как самая последовательная, а затем и как главная сила экстремистской реакции. На основе идейно-организационной консолидации он во второй половине 20-х годов отпочковывается от прочих родственных формирований крайне правого лагеря. Нацисты претендуют на гегемонию.

Но этим не исчерпывается содержание данной генетической фазы. Ключевой момент генезиса фашизма — это слияние, синтез экстремизма мелкобуржуазного с экстремизмом господствующих классов при решающей роли последнего. Начало этому процессу было положено самим возникновением нацистской партии, он интенсифицируется с превращением нацистов в главную силу правого лагеря в конце 20-х — начале 30-х годов, когда мировой кризис подтолкнул в ряды нацистского движения растерявшихся представителей мелкой буржуазии и средних слоев, стимулировал фашизацию верхов. По мере приближения к власти мелкобуржуазный экстремизм все более растворялся в экстремизме верхов. Противоречия между двумя типами экстремизма не были антагонистическими, их нельзя отождествлять с противоречиями между массовым базисом и социальной функцией фашизма. Ведь мелкобуржуазный экстремизм, несмотря на присущие ему антимонополистические тенденции, отражал не столько истинные интересы мелкой буржуазии, сколько ее претензии и предрассудки.

Наглядным примером того могут служить так называемые «левые нацисты» во главе с братьями Штрассерами, которых буржуазные историки обычно изображают носителями неких «социалистических» идеалов первоначального нацизма. Аптекарь из баварского городка Ландсхута Грегор Штрассер даже чисто внешне мог служить живым воплощением воинственного мелкобуржуазного экстремизма. Его могучее телосложение, тяжелые кулаки и зычный голос были весомыми аргументами на

многочисленных митингах и собраниях, часто сопровождавшихся потасовками. Если младший Штрассер — Отто — был главным образом кабинетным идеологом, то Грегор отличался бойцовским темпераментом и организаторской хваткой. Пока Гитлер сидел в заключении, Штрассер-старший сосредоточил в своих руках основные пружины нацистского партийного аппарата, и вплоть до конца 1932 г. на его плечах лежала тяжесть повседневной рутинной работы, которой чурался фюрер НСДАП. Именно Г. Штрассеру Гитлер после выхода из тюрьмы поручил завоевание Севера, где нацистам противостояли главные силы рабочего движения.

Известный западногерманский историк М. Брошат охарактеризовал концепции братьев Штрассеров как «ярко выраженные социалистические и пролетарско-революционные». Выражая прочно укоренившуюся в буржуазной историографии точку зрения, он утверждал, что «по крайней мере до начала 30-х годов между более революционно настроенной северогерманской НСДАП и мюнхенским партийным руководством оставалась глубокая пропасть»³⁵. Несостоятельность этой идеи достаточно обстоятельно раскрыта марксистско-ленинской исторической наукой. Немало материалов, опровергающих это истолкование содержится и в работах зарубежных авторов разной ориентации, хотя для большинства буржуазных ученых такой взгляд уже успел стать аксиомой.

Прежде всего необходимо отметить неуместность определения «левые» применительно к штрассеровской группировке. Более широкое и активное использование антикапиталистической фразеологии не может служить для этого основанием. Их идейно-политические представления не выходили за пределы воззрений крайне правого националистического лагеря и в существенных моментах совпадали с официальной идеологией нацистской партии. Очень много общего у них и с «идейным богатством» «революционных консерваторов», причем во взглядах «левых» нацистов еще больше ощущается налет архаичности, преклонения перед «здоровыми» порядками средневековья. Идейную близость с «революционными консерваторами» подчеркивал в своих послевоенных воспоминаниях сам О. Штрассер.

Разработанная штрассеровской группой в 1925 г. программа в целом была близка 25 пунктам НСДАП, отличаясь от них лишь двумя чертами. Во-первых, несколь-

ко резче звучали антикапиталистические мотивы: речь шла о «социализации» крупных предприятий, ограничении крупной земельной собственности. А во-вторых, штрассеровская программа громко проповедовала идею сословно-корпоративного переустройства общества. Такой «органический» порядок должен был, по мысли авторов программы, ликвидировать классовое деление общества, обеспечить социальную стабильность, загнав все трудовое население в принудительно организованные гильдии, цехи, «товарищества». Совершенно прав Р. Кюнль, когда пишет, что штрассеровская программа «прокламировала возврат к докапиталистическим и раннекапиталистическим отношениям как выход для средних слоев из угрожаемого положения при позднем капитализме»³⁶. Мысль о возврате к «славным» спокойным временам, когда все было устойчиво, когда каждый сверчок знал свой шесток, импонировала умонастроению «старого среднего сословия»: мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, которые испытывали повседневное давление крупного капитала.

Подобные взгляды находили отклик и у служащих, и у неустроенных «академиков».

Как доказательство «левизны» штрассеровского течения буржуазные историки приводят тот факт, что оно ратовало за активную «рабочую политику», часто апеллировало к рабочим, пытаясь оторвать их от левых партий.

Надо отметить, что «рабочая политика» нацистов в последнее время стала привлекать самое пристальное внимание буржуазных ученых. Их интерес к этой теме в известной мере носит прикладной характер. Это видно хотя бы из тех задач, которые ставил перед своим исследованием американский ученый М. Келе: проверить эффективность «рабочей политики» нацистов, проанализировать, насколько им удалось «искоренить классовое самосознание у рабочих». В фокусе внимания Келе деятельность «левых» нацистов, наиболее активно пытавшихся внедриться в рабочий класс³⁷.

Понимая, что социальный консерватизм братьев Штрассеров находится в противоречии с устоявшейся легендой о них как о выразителях «левых» тенденций в НСДАП, Келе не останавливается перед их развенчанием, а истинным глашатаем такого рода тенденций у него предстает... Геббельс. Тот действительно одно время

подвизался в качестве секретаря и ближайшего приспешника Штрассера-старшего, но очень быстро переметнулся на сторону Гитлера. То обстоятельство, что именно Геббельс и ему подобные выступали в роли проводников нацистской «рабочей политики», со всей очевидностью обнажает ее демагогический характер.

Современные буржуазные историки навязывают мысль о том, что нацистская партия в целом первоначально придерживалась «прорабочего курса» в полном соответствии со своим названием. Поворот вправо, в сторону средних слоев и правящих верхов, будто бы произошел вынужденно, потому что не удалось вырвать рабочих из-под влияния коммунистов и социал-демократов. «Поворотные пункты» в истории нацистского движения западные ученые ищут между 1924 и 1930 гг. Чаще всего в качестве таковых фигурируют даты парламентских выборов 1928 и 1930 гг. или начало мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Полагают, что выборы 1928 г., на которых нацисты получили всего 2,6% голосов, показали неэффективность курса, рассчитанного на привлечение рабочих, и тогда только происходит метаморфоза в сторону национализма и консерватизма за счет «социализма»³⁸.

Нетрудно уловить сходство такой трактовки с антитезой «движение—режим». Только в итальянском варианте она представляла собой противопоставление раннего фашизма режиму Муссолини, а в Германии, где генетическая фаза затянулась, буржуазные историки находят «поворотные пункты» еще до прихода Гитлера к власти. Таким образом настойчиво протаскивается мысль о том, что фашизму изначально были присущи некие «социалистические свойства», которые он терял (правда, не полностью) по пути к власти. В эту схему и вписывается противопоставление штрассеровского крыла Гитлеру и его мюнхенскому окружению.

На самом же деле в основе «рабочей политики» нацистской партии, о каком бы ее течении ни шла речь, лежала идея интеграции рабочего класса в так называемое «народное сообщество», т. е. ту форму организации социальной жизни, которую нацисты намеревались создать взамен веймарских порядков. Интеграция по-нацистски означала жестокое подавление рабочего класса, ликвидацию его социальных завоеваний. В то же время наряду с грубым насилием она включала и солидную дозу социаль-

ной демагогии. Предполагалось вытравить у рабочих классовое самосознание, внушить им иллюзорные представления о принадлежности к некоему сословию «трудящихся руки и мозга», которое фактически охватило бы все самодеятельное население и было бы почти идентично «народному сообществу». Различие между Гитлером и штрассеровским крылом в подходе к этой проблеме состояло лишь в том, что нацистский фюрер скептически оценивал возможность «завоевания» рабочего класса до прихода к власти, когда удастся расправиться с его авангардом — коммунистами, тогда как «левые» надеялись, что смогут привлечь рабочих еще в ходе «борьбы за власть». Позиция «левых» нацистов оказалась совершенно нереалистичной. Анализируя политику нацистов по отношению к рабочему классу, А. А. Галкин отмечает, что «при сохранении демократических завоеваний трудящихся им даже при самых благоприятных обстоятельствах не удастся дезорганизовать и повести за собой большинство пролетариев»³⁹.

Антикапиталистическая пропаганда «левых» нацистов служила удобным прикрытием подлинные цели нацистского руководства. Кроме того, наличие «левого» крыла создавало для Гитлера выгодный фон, поскольку в глазах верхов он выглядел более умеренным и уважаемым. Опять возникает аналогия с Италией; и там верхние эшелоны в Муссолини сравнительно уважаемого лидера, способного обуздать наиболее непримиримых поборников мелкобуржуазного экстремизма. Этим и объясняется весьма терпимое отношение обычно скорого на расправу Гитлера к штрассеровцам. Г. Штрассер был «устранен» лишь во время «ночи длинных ножей» — 30 июня 1934 г.

В сущности, Штрассер и его люди так же, как и Гитлер, хотели перевести мелкобуржуазный экстремизм в фашистское русло: различие было не в принципах, а скорее в нюансах. Они не столько выражали противоречие между массовым базисом и социальным содержанием фашизма, сколько стремились, играя на этом противоречии, обеспечить себе более мощные позиции во внутрипартийной борьбе. Показательно, что только О. Штрассер и около двух десятков его сторонников в 1930 г. вышли из НСДАП. (Кстати, Штрассер-младший всю жизнь оставался в праворадикальном лагере, а на склоне лет сумел найти общий язык с западногерманскими неонацистами.) Что касается

Г. Штрассера, то он осудил своего брата и продолжал сотрудничество с Гитлером.

В рамках нацистского движения штрассеровское крыло выполняло функцию, сходную с той, какую до 1924 г. выполняли сами нацисты в лагере общегерманской реакции, будучи еще недостаточно дифференцированной его частью. Штрассер и К^о своей деятельностью способствовали радикализации мелкой буржуазии, разжигали ее экстремизм, придавая нацистскому движению динамическую силу, что привлекало к нему благосклонное внимание верхов, несмотря на их опасения насчет степени управляемости этой динамикой.

Чтобы успокоить монополистических магнатов и крупных землевладельцев, Гитлер дал соответствующее толкование тем пунктам «неизменной» программы, в которых наиболее четко выразился антимонополистический настрой мелкой буржуазии. Как свидетельствовал «советник фюрера по экономическим вопросам» В. Кепплер, уже при первой встрече в 1927 г. Гитлер сказал ему, что экономические цели партийной программы «никуда не годятся». Далее Гитлер сослался на то, что он был слишком молод во время разработки и принятия программы, и признал, что в этой части она фактически неосуществима⁴⁰.

В беседе с Р. Брейтингом нацистский фюрер следующим образом раскрывал истинный смысл грозно звучащего 13 пункта программы НСДАП, где провозглашалась необходимость «огосударствления трестов»: «Правда, в нашей программе под пунктом 13 стоит... социализация, но при чем здесь социализм? Это скверное слово. Прежде всего речь идет не о том, что эти предприятия должны быть социализированы, а только о том, что они могут быть социализированы, если они нарушают интересы нации. Пока они этого не делают, было бы вообще преступно разрушать экономику». «Основная идея экономической политики моей партии... — говорил далее Гитлер, — это чтобы каждый человек сохранил за собой собственность, которую он себе завоевал». Он обещал покончить с «профсоюзной политикой в ее нынешней форме», т. е. лишить рабочий класс результатов почти вековой борьбы с капиталистами⁴¹.

Нацистский фюрер неустанно вел разъяснительную работу среди воротил финансово-промышленного капитала, выступая с докладами в элитарных клубах, обрабатывая их индивидуально. Ярким примером является его монолог

перед старейшиной германского монополистического капитала Э. Кирддорфом, длившийся четыре с половиной часа. Кирддорф, давно мечтавший об авторитарном диктаторском режиме, но не замечавший подходящей личности с фюрерскими задатками, наконец-то увидел ее в Гитлере. Слова о необходимости достижения «национального величия», о «здоровом» и «естественном империализме» не могли не вызвать одобрения Кирддорфа. К тому же они подкреплялись обещанием искоренить «бессмысленную демократию», преобладание числа, т. е. слабости и глупости». Восхищенный старый реакционер немедленно вступил в нацистскую партию, передал в ее распоряжение 100 тыс. марок. Кроме того, он позаботился, чтобы монолог Гитлера был опубликован и распространен среди крупных предпринимателей. По сути дела, это было предвосхищением речи 26 января 1932 г., которая, как известно, оказала серьезное влияние на «капитанов» индустрии в критический период германской истории.

Как и в более ранние времена, нацисты могли опираться и на поддержку зарубежной монополистической реакции. Среди тех, кто способствовал укреплению политических позиций нацистской партии, были такие крупные фигуры международного бизнеса, как нефтяной король из Англии Г. Детердинг, его соотечественники магнаты военной промышленности из концерна «Виккерс», шведский спичечный король И. Крюгер и др. По данным архива рейхсканцелярии, только с апреля 1931 г. по апрель 1932 г. в кассу нацистской партии из зарубежных источников поступило 40—45 млн. марок⁴².

В научный оборот введен обширный материал, неопровержимо свидетельствующий о тесной связи между нацизмом и монополиями. Будучи не в состоянии отрицать многие конкретные факты сотрудничества монополий с нацистами, буржуазные историки пытаются представить дело таким образом, будто нацизм самостоятельно превратился в грозную силу и только после этого правящие круги вынуждены были считаться с ним как с фактором в политической игре. У читателя, ознакомившегося с книгами буржуазных авторов, может создаться впечатление, что нацистская партия только благодаря энтузиазму своих членов и дьявольской интуиции фюрера сумела воспользоваться паникой мелкой буржуазии в годы кризиса и подобно комете взлететь на политическом небосклоне веймарской Германии. До выборов в рейхстаг в сентябре

1930 г., где фашисты получили 18,3% голосов по сравнению с 2,6% в 1928 г., верхи якобы почти не замечали нацистов. Отсюда должно следовать, что господствующие классы не имели прямого отношения к формированию нацизма, лишь некоторые представители верхов по тем или иным соображениям вступили в партнерство с нацистами, причем в тот период, когда движение находилось на завершающей фазе генезиса.

В действительности взлет нацизма в кризисном 1930 г. не был бы возможен, если бы к тому времени экстремизм верхов не достиг такой степени и размаха, не зашел бы так далеко его синтез с экстремизмом мелкобуржуазным. Даже в сравнительно спокойные докризисные годы реакционные группировки монополистического капитала, юнкерство и военщина не оставляли надежд на ликвидацию буржуазно-демократического строя и установление режима диктатуры. До нас дошло множество источников, свидетельствующих об этом, хотя кое-кто из буржуазных историков хотел бы навсегда похоронить их в архивных недрах. Так, Г. Э. Тернер, работая в архиве Рейша, «просмотрел» такой источник, как письмо П. Рейша, относящееся к 1928 г., где тот высказывался в пользу создания «национальной диктатуры»⁴³. Еще летом 1926 г. правозащитная военщина с благословения ряда монополистических магнатов готовила переворот, чтобы осуществить «коренное изменение режима», «разгром парламентаризма»⁴⁴.

В авангарде реакции опять находятся короли угля и стали. По отношению к рабочему классу они стояли за политику с позиции силы, а для этого им был нужен «твердый порядок». Электротехнические и химические магнаты лучше приспособились к условиям буржуазной демократии. Более высокие прибыли в этих отраслях, базирующихся на последнем слове техники, создавали объективные предпосылки для социального маневрирования; их хозяева были готовы пойти на долгосрочный сговор с лидерами реформистских профсоюзов. Они довольно уверенно чувствовали себя и на внешних рынках, тогда как угольные и стальные короли ориентировались главным образом на внутренний рынок и остро нуждались в помощи государства, государственных заказах. Если экономические позиции представителей «старых» отраслей тяжелой индустрии ослабли, то их политический удельный вес сохранился, тем более что они опирались на тра-

диционную поддержку консервативных землевладельческих кругов, чье влияние на политическую жизнь особенно возросло с избранием на пост рейхспрезидента потомственного остальбского помещика П. фон Гинденбурга.

Лидеры тяжелой индустрии планировали создать консервативный противовес слишком радикальному, на их взгляд, рейхстагу. С 1925 г. они требовали преобразования рейхсрата (имперского совета) во вторую палату, формируемую либо по сословному принципу, либо по назначению рейхспрезидента. Причем эта палата должна была располагать правом вето прежде всего по финансовым вопросам, чтобы помешать в случае надобности росту расходов на социальные нужды. Требовали также расширения прав рейхспрезидента: его предполагалось наделить правом формирования правительства из министров-специалистов независимо от рейхстага. Такие планы разрабатывались «Союзом за обновление рейха», состоявшим из представителей крупного капитала и землевладельческой аристократии⁴⁵.

Экстремистские устремления монополий особенно рельефно отразились в деятельности реакционера с довоенным стажем А. Гугенберга, главы суперконцерна, контролировавшего средства массовой информации. Уже к 1927 г. им был разработан план «нового государства» на авторитарной основе. Годом позднее Гугенберг становится лидером Немецкой национальной народной партии, вытеснив с этого поста относительно умеренного графа Вестарпа. Если последний надеялся в сотрудничестве с Немецкой народной партией создать сильную консервативно-либеральную партию, то Гугенберг считал своей задачей формирование широкого экстремистско-националистического объединения правых сил от «Стаального плема» и Пангерманского союза до нацистов⁴⁶. В этом проекте угадываются контуры будущего Гардбургского фронта 1934 г.

В ходе реализации замысла Гугенберга нацисты смогли совершить рывок в «большую политику» еще летом 1929 г., до того, как в стране разразился грандиозный экономический кризис. Вместе с другими силами правого лагеря нацисты воспользовались волной недовольства в связи с планом Юнга, регулировавшим проблему выплаты Германней репараций победителям в первой мировой войне, чтобы повести атаку на буржуазно-демократические

институты, разжигая в массах националистические эмоции. Самые воинственные и реакционные фракции монополистического капитала, чьим глашатаем был Гугенберг, предоставили в распоряжение нацистов огромные средства, мощный аппарат пропаганды (прессу, кино, радио). Успешный для нацистов исход сентябрьских выборов 1930 г. способствовал их дальнейшему сближению с верхами.

Этому содействовало и благожелательное отношение к нацистам со стороны международной реакции. Восторженно встретила результаты сентябрьских выборов 1930 г. влиятельная английская консервативная газета «Дейли мейл», принадлежавшая известному профашистскими симпатиями лорду Ротермиру. Фашисты не замедлили перепечатать статью из этой газеты в своем центральном органе под заглавием «Победа Гитлера — возрождение германской нации. Новая эра в мировой политике». Достаточно красноречива следующая выдержка из этой статьи: «Для благополучия западной цивилизации было бы лучше всего, если бы в Германии оказалось у руля правительство, руководствующее теми же самыми здоровыми принципами, на основе которых Муссолини за последние восемь лет обновил Италию»⁴⁷.

Когда речь идет о быстром подъеме нацизма в годы кризиса, то обычно обращают внимание на приток в его ряды растерявшейся и отчаявшейся мелкой буржуазии, ранее политически инертных категорий населения. Однако с точки зрения генезиса германского фашизма чрезвычайно важно иметь в виду процесс инфильтрации нацистов в структуру правых буржуазных партий и организаций. Прежде всего это относится к партии Гугенберга и Союзу сельских хозяев. Этот процесс на богатом эмпирическом материале по Нижней Саксонии исследован английским историком Дж. Ноаксом. Правда, Ноакс хотел бы представить дело таким образом, что инфильтрация будто бы охватывала только рядовой состав этих организаций⁴⁸. Но материалы, которыми оперирует английский ученый, свидетельствуют о том, что процесс происходил «на всех этапах». В этом и кроется одна из важных причин заметного роста численности НСДАП в начале 30-х годов (апрель 1925 г. — 521 человек, март 1932 г. — 1 002 157)⁴⁹.

Благодаря далеко зашедшему процессу инфильтрации нацистам после прихода к власти легко и безболезненно удалось осуществить унификацию буржуазных партий,

которые без сопротивления самораспустились и в значительной степени растворились в НСДАП. Насколько глубоко нацисты внедрили в политическую структуру Германии, насколько они сумели приблизиться к рычагам власти, в известной мере отражало хвастливое высказывание Гитлера в интервью для корреспондента американского агентства Ассошиэйтед пресс. На вопрос американца, не намерен ли он по образцу Муссолини маршировать на Берлин, нацистский фюрер в августе 1932 г. отвечал так: «Зачем мне идти на Берлин? Я и так уже там»⁵⁰. Легкое и органичное вращение нацистов в сферу правых буржуазных партий и организаций было возможно благодаря генетическому родству. Именно это настойчиво оспаривают буржуазные историки.

Они истолковывают взаимоотношения между нацистами и господствующими классами преимущественно в политическом плане, отрицая их генетический характер. Причем сотрудничество верхов с нацистской партией выглядит скорее следствием ошибок и заблуждений, чем последовательным стратегическим курсом. По словам Г. Шульца, у нацизма имелись определенные черты, которые на первый взгляд воспринимались как консервативные и могли ввести в заблуждение буржуазных политиков. На самом же деле, по утверждению Шульца, все в нацизме, что «казалось консервативным, было таковым чисто внешне»⁵¹. Кроме того, Шульдц, как и прочие его коллеги, ссылается на тактическую ловкость Гитлера, будто бы искусно скрывавшего от буржуазных партнеров истинную суть своего движения. В действительности верхи были достаточно хорошо осведомлены о характере нацистской партии и ее целях. Гитлер был настолько открыт перед в «Майн кампф», что позднее даже сожалел об этом. По его собственному признанию, он никогда не опубликовал бы этой книги, если бы твердо знал, что станет главой германского рейха. Можно вспомнить монолог Гитлера перед Кирддорфом, его беседы с Брейтингом, многочисленные выступления в элитарных клубах и т. д.

Шульдц сетует и по поводу «интеллектуальной неподвижности» крупных предпринимателей и менеджеров, их «неспособности к предвидению». Примерно такая же аргументация и у Й. Феста, который характеризует политику Гугенберга и К° как проявление «слепоты консерватизма немецко-национального образца»⁵². Однако все дело в том, что это был отнюдь не традиционный, преи-

мущественно охранительный консерватизм, а консерватизм экстремистский и курс того же Гугенберга был продиктован неумолимой логикой консервативной политики нового типа. Сам Фест не может отрицать экстремизм политического курса Гугенберга, нацеленного на то, чтобы «любыми средствами уничтожить „республику социалистов“, разгромить профсоюзы и ответить на классовую борьбу снизу классовой борьбой сверху»⁵³.

Конечно, Гугенберг и К° сами рассчитывали играть первую скрипку в реакционном ансамбле, но, как выяснилось довольно скоро, просчитались. Они явно недооценили возможности нацистских главарей, которым значительную силу придавал мобилизованный ими массовый базис, а также искусное использование разногласий между различными группировками верхов. Однако этот просчет носил чисто тактический характер, поскольку стратегические цели обеих сторон были в принципе идентичны. Не случайно в рамках нацистского режима наблюдалось интенсивное срастание нацистской верхушки с традиционной элитой.

Чтобы замаскировать генетический характер связи монополистической реакции с фашизмом, буржуазные авторы нередко пытаются свести проблему «фашизм—монополии» к взаимоотношениям отдельных капиталистов с нацистскими главарями, называя при этом два-три наиболее скомпрометированных имени вроде Кирддорфа и Тиссена. Ведущий адвокат монополистического капитала в современной буржуазной историографии Г. Э. Тернер призывает искать мотивы политического поведения своих подзащитных не в их экономических интересах, а главным образом в личностных свойствах. Представители делового мира, уверяет он, действовали так, а не иначе, не столько потому, что они были генеральными директорами и членами правлений, сколько в силу особенностей индивидуальной психологии. У Тернера и его сторонников фигурируют отдельные индивидуумы, поэтому вместо ответственности социальной речь идет об ответственности индивидуальной. Монополистический капитал как таковой в результате подобных манипуляций исключается из процесса генезиса фашизма.

По вопросу, связанному с проблемой «фашизм—монополии», идет наиболее напряженное противоборство между марксистско-ленинской исторической наукой и буржуазной историографией. Ученые-марксисты в своих трудах

раскрывают генетическую связь между монополиями и фашизмом, базировавшуюся на принципиальной общности политико-стратегических установок.

Курс на фашизм не был импровизацией или следствием временной растерянности верхов. Он сложился в результате внутренней борьбы между экстремистскими и умеренными фракциями господствующих классов, в результате серии политических экспериментов, например с президиальными кабинетами, которые носили авторитарный характер, будучи зависимыми от главы государства, а не от рейхстага*.

Важно отметить, что роль монополистической реакции проявилась не только в прямой поддержке нацистов, но и в срыве альтернативы гитлеровской диктатуре. Так, в 1930—1931 гг. выдвигались планы создания широкой консервативно-либеральной партии, т. е. от умеренных консерваторов до представителей Демократической партии времен Веймарской республики. Вследствие вмешательства магнатов тяжелой индустрии этот план был похоронен⁵⁴. На рубеже 1932—1933 гг. такая же участь постигла бонапартистские замыслы генерала Шлейхера. Этот «социальный», как его называли, генерал намеревался сформировать правительство на основе сотрудничества самых разнообразных сил: от реформистских профсоюзов до штрассеровской группировки НСДАП. На сей раз магнаты тяжелой индустрии блокировали инициативу Шлейхера, несмотря на ее реакционную суть, опасаясь, с одной стороны, его заигрывания с профсоюзами, а с другой — возможного раскола и ослабления нацистской партии. Характерно, что Гитлер получил доступ к власти в тот момент, когда его движение находилось отнюдь не в зените. Пик избирательных успехов был пройден на июльских выборах в рейхстаг 1932 г. (37,3% голосов). Во время ноябрьских выборов того же года нацисты получили на два миллиона голосов меньше, чем в июле. Усилилась грызня внутри партии, начался процесс ее саморазложения. Это обстоятельство и ускорило передачу власти Гитлеру, так как капиталисты, помещики, военщина опасались потерять столь «ценное» орудие в борьбе против

революционных и демократических сил. Конкретные факты свидетельствуют, что установление нацистской диктатуры не было исторической неизбежностью, определенные альтернативы имелись даже в верхах.

Что же касается левой альтернативы, то она имела под собой вполне реальную почву, ее осью, могло стать единство действий двух массовых рабочих партий. Коммунисты и социал-демократы располагали внушительными силами как в парламентской, так и во внепарламентской сфере. Страх перед возможным массовым сопротивлением рабочего класса был одной из причин, побудивших нацистов отказаться от «марша на Берлин» и воспользоваться легальными возможностями прихода к власти. И даже после этого нацисты весьма опасались всеобщей забастовки, помня об участии правительства Каппа (1920 г.), сметенного массовым протестом трудящихся. Но социал-демократические лидеры, руководствуясь тактикой «меньшего зла», единству действий рабочего класса предпочли поддержку Гинденбурга, которого они считали противником Гитлеру. Затем после 30 января 1933 г. они отклонили предложение коммунистов о всеобщей забастовке, придерживаясь тактики «выжидания», оказавшейся не меньшим злом, чем предшествовавшая ей тактика «меньшего зла». Очень интересное признание вырвалось у социал-демократического историка Э. Маттиаса в связи с описанием трусливого поведения лидеров СДПГ в период разгона прусского кабинета 20 июля 1932 г. Тогда они тоже отвергли призыв КПГ к всеобщей забастовке. Вот что пишет Э. Маттиас о мотивах пассивности верхушки СДПГ: «...для образа мыслей социал-демократического руководства была характерна примесь тайного страха перед последствиями маловероятной победы»⁵⁵. Самыми последовательными борцами против фашизма были германские коммунисты, но раскол рабочего класса мешал объединению всех антифашистских сил.

В генезисе германского фашизма немаловажную роль играл итальянский фактор. Приход Муссолини к власти был не только вдохновляющим примером для гитлеровцев — Италия демонстрировала верхам, какие перспективы открывает фашистский режим. Перед их глазами уже был итальянский образец, и они откровенно им восхищались, хотели воспроизвести основные его элементы у себя в стране. Видный промышленник из Рейнско-Вестфальского региона Шленкер без обиняков говорил: «Мы

* С подробностями зловещей политической игры, эпилогом которой стал приход Гитлера в имперскую канцелярию, читатель может ознакомиться по книге советского историка Л. И. Гинцберга «На пути в имперскую канцелярию» (М., 1971).

должны уделить внимание опытам Муссолини и учиться на них»⁵⁶. «Я глубоко убежден, что нынешняя система анонимного демократического парламентаризма со временем уступит место новой системе, которая будет основана на ответственности вождя и преданной ему свиты и будет обладать сущностным родством с итальянским фашизмом», — заявил А. Хейнрихсбауэр, издатель газеты рейнско-вестфальских магнатов, а затем посредник между ними и нацистами⁵⁷.

Консервативными кругами в начале 1932 г. было основано «Общество по изучению фашизма». Учредителем его стал видный деятель правоэкстремистских кругов, организатор убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург майор Пабст. Наряду с консервативными историками, философами и правоведами в обществе можно было встретить представителей делового мира, аристократов. Здесь подвизался бывший глава «Антибольшевистской лиги» Э. Штадлер, с обществом был связан и О. Шпенглер. Итальянский фашистский журнал «Антиевропа» с одобрением писал об обществе, которое видело свою задачу в том, чтобы «проанализировать фашистские государственные и экономические идеи, а также возможность их применения в Германии»⁵⁸. Восприятие итальянского опыта отражает высокую степень фашизации влиятельных группировок господствующих классов Германии, их активную роль в генезисе фашизма.

По сравнению с Италией та фаза генезиса германского фашизма, которая включает в себя формирование движения, оказалась более продолжительной, зато характерные для нее процессы успели достигнуть гораздо большей завершенности. Многие из того, что Муссолини доделывал после прихода к власти, нацисты сумели осуществить еще в генетической фазе. Если итальянскому фашизму удалось стремительное восхождение к власти, то процесс укрепления режима растянулся почти на десятилетие. У германских нацистов путь к власти был длиннее, но для консолидации режима потребовалось всего лишь полтора года. Когда нацисты получили ключи от имперской канцелярии, они перенесли на государственные институты ту организационную структуру, которая сложилась внутри НСДАП.

Особенности генезиса существенным образом влияли на выбор путей к власти. В Италии пресловутый «поход на Рим» имел псевдореволюционную окраску; фашисты

спекулировали на популярности идеи революционного низвержения существующих порядков, хотя и действовали в союзе с верхами. Что же касается Германии, то здесь инфильтрация нацистов в партийно-политическую структуру буржуазного государства зашла так далеко, что приход Гитлера в имперскую канцелярию выглядел легальным в соответствии с нормами Веймарской конституции. Но если в первом случае путь был псевдореволюционным, то второй можно назвать псевдолегальным. «Легальное» приобщение к власти нацистов сопровождалось актами террора против антифашистских сил. Вообще тактика фашизма отличается гибкостью, отсюда и многообразие путей, которыми фашисты пробиваются к власти. Исследование генезиса фашизма как раз и позволяет глубже изучить существенные черты его политической стратегии и тактики, что имеет немаловажное значение в борьбе против современных разновидностей этого явления.

* * *

Кульминацией первой фашистской волны явились «поход на Рим» и мюнхенский «пивной путч». В период стабилизации (1924—1929 гг.) созревание фашизма проходило преимущественно в латентных формах, хотя дело и не обошлось без острых всплесков в ряде стран.

Вторая волна поднялась под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., захватив почти все 30-е годы⁵⁹. Если в период революционного подъема 1918—1923 гг. особенно рельефно выявились слабости традиционных политических методов буржуазии, то во время кризиса обнажилась несостоятельность традиционных подходов к решению социально-экономических проблем капиталистического общества. Вопрос о путях выхода из кризиса становится вопросом о путях развития государственно-монополистического капитализма.

Внутри буржуазного лагеря противоположные подходы к этой проблеме в конечном счете выкристаллизовались в столкновениях вокруг альтернативы фашистская диктатура или «государство всеобщего благоденствия», причем каждая из возможностей имела разнообразные конкретные формы. Столкновение различных вариантов государственно-монополистического развития открывало благоприятные перспективы для фашизма, поскольку влиятельные фракции буржуазии, прежде всего реакционнейшие

монополистические группировки, тяготея к авторитарным методам решения вопроса. Если, с одной стороны, кризис резко активизировал массы, способствовал втягиванию их в политическую борьбу, то, с другой стороны, он порождал предпосылки для направления активности определенных слоев в реакционное русло.

Особенно тесно был связан с внедрением государственного-монополистического регулирования генезис фашизма в наиболее развитых странах капиталистического мира. Об этом уже шла речь применительно к Германии. В США на волне реакции против буржуазно-реформистского «нового курса» Рузвельта всплыла целая команда фашиствующих демагогов (Х. Лонг, Ч. Кофлин, Д. Уинрод и др.). В процессе поиска государственно-монополистического решения пришли к фашизму бывший лейборист О. Мосли и французский правый социалист М. Деа.

Пик второй фашистской волны приходился на середину 30-х годов. 30 января 1933 г. фашизм пришел к власти в одной из крупнейших стран Западной Европы — Германии.

Фашистская пропаганда твердила, что наступил «век фашизма», «век корпоративизма» и т. п. Современники стали говорить о «фашистском интернационале». Поводом для этого послужили организованные по итальянской инициативе сборища фашистов в Монтрё (декабрь 1934 г.), Париже (январь 1935 г.), Амстердаме (апрель 1935 г.). До того как Италия увязла в войне против Эфиопии, ей принадлежала главная роль в экспорте фашизма. Он осуществлялся через официальные каналы, в частности ведомства министерства иностранных дел, а также через специально созданную для этого организацию «Комитеты действия во имя универсальности Рима». Ее эмиссары готовили и проводили фашистские конгрессы. Со второй половины 30-х годов ведущая роль переходит к гитлеровской Германии. В преддверии войны акцент делается на формирование «пятой колонны» из фашистских и профашистских элементов, призванных служить вспомогательным отрядом нацистской агрессии.

Было бы серьезной ошибкой объяснять распространение и усиление фашистской опасности только экспортом фашизма из Италии и Германии. Генезис фашизма был обусловлен внутренними предпосылками развития отдельных стран. Влияние извне способствовало их ускоренному вызреванию и более полной реализации.

Следствием установления гитлеровской диктатуры было не просто расширение сферы господства фашизма, а радикализация этого явления в целом, поскольку наиболее мощная и экстремистская его разновидность решающим образом повлияла на все прочие фашистские движения и режимы (в том числе и на муссолиниевскую Италию, которая стала приближаться к «классическому» германскому образцу). Это способствовало более полному и откровенному проявлению варварской сущности фашизма.

Агрессивный союз с главными фашистскими государствами подстегнул фашизацию Японии, где в конце 30-х годов сформировался военно-фашистский режим. Эволюционируют в направлении к фашизму диктатуры в странах Южной и Восточной Европы. Фашистскими чертами «обогащаются» реакционные режимы в государствах Латинской Америки.

Итапо-германская интервенция при попустительстве буржуазно-демократических стран Запада помогла утвердиться фашизму в Испании.

Победа фашизма в Германии стимулировала усиление фашистских тенденций в капиталистическом мире. «Но эта победа и неистовства фашистской диктатуры, — подчеркивал Г. Димитров, — вызвали ответное движение за единый пролетарский фронт против фашизма в международном масштабе»⁶⁰. В антифашистскую борьбу вовлекались многочисленные и разнообразные социальные слои. Решающая роль в их мобилизации принадлежала коммунистам, накопившим богатый практический и теоретический опыт борьбы. Непреходящая историческая заслуга коммунистического движения состоит в том, что коммунисты сумели организовать отпор мощной волне фашизма.

В основной группе западноевропейских стран фашизм не смог прорваться к власти, не сумел создать определенную социальную опору, но было бы опасно недооценивать степень угрозы, исходившей от сравнительно слабых фашистских движений, поскольку фашисты, как показал исторический опыт, могли создавать массовую базу после прихода к власти с помощью влиятельных профашистских фракций господствующих классов. Из этого вытекала необходимость активной и последовательной борьбы против фашизма независимо от того, каковы его шансы на успех. Такого принципа придерживались коммунисты, шедшие в авангарде антифашистских сил. Слад самой мощной фа-

шистской волны, наметившийся со второй половины 30-х годов, в значительной мере был обусловлен силой антифашистского сопротивления. Именно тогда сказались результаты стратегического курса, разработанного VII конгрессом Коминтерна.

Препятствием для фашизма явились глубокие и прочные демократические традиции, наиболее последовательными защитниками и продолжателями которых выступили коммунисты. Это было тем более важно, что среди буржуазии значительно усилились антидемократические тенденции, способствовавшие формированию фашизма и приходу его к власти. Даже в тех странах, где господствующие классы не делали главную ставку на фашизм, они рассматривали его как политический резерв, как благоприятный фон, на котором традиционные правые элементы выглядели «меньшим злом».

При всем многообразии проявлений западноевропейского фашизма в процессе его эволюции во второй половине 30-х годов четко просматривается тенденция к сближению всех его разновидностей с «классическим» германским образцом. Это было обусловлено как функциональной общностью фашистских движений, так и общностью их происхождения. В то же время если суть фашистского феномена в целом определялась как крайнее проявление империалистической реакции, то облик отдельных его разновидностей, степень их силы или слабости обуславливались факторами ситуационными. Поэтому нельзя усматривать фатальную предопределенность в том, что фашизму удалось тогда набрать огромную силу. Историческую ответственность за это несут господствующие классы буржуазного общества, выпестовавшие фашизм и открывшие ему путь к власти.

Третья фашистская волна пришлась на годы второй мировой войны и была прямым следствием агрессии стран «оси». Она разбилась о непреклонную волю народов антигитлеровской коалиции. Гитлеровская агрессия была главной движущей силой этой фашистской волны, поэтому победа над нацистской Германией и ее союзниками, достигнутая при решающей роли СССР и активном участии движения Сопротивления, была победой над международным фашизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальные процессы, явления и события послевоенного мира свидетельствуют о том, что в современном капиталистическом обществе сохраняются социально-экономические, политические и духовные предпосылки, генерирующие фашизм, возникают и такие ситуации, которые могут оказаться благоприятными для правых экстремистов. Все эти факторы общего и частного характера связаны в единый узел общим кризисом капитализма, необычайно обострившимся с середины 70-х годов нашего столетия. Особенность этого обострения заключается в том, что оно происходит в условиях развитого государственно-монополистического капитализма. «Характерно, что кризис такой силы поразил высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период», — подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС¹.

Рычаги, более или менее удовлетворительно обслуживавшие буржуазию, отказывают, теперь ей приходится искать новые возможности, причем какой-то лимит этих возможностей оказался исчерпанным.

В процессе поисков возникают перспективы для самых разнообразных и противоречивых альтернатив, включая и крайне правые.

Эволюция государственно-монополистического капитализма сопровождается возрастанием относительной самостоятельности государственной власти, политической надстройки. Этот процесс весьма сложный, не укладывающийся в рамки однозначной оценки, тем не менее одно из его последствий — усиление авторитарных тенденций, на которых паразитирует современный фашизм.

В результате обострения общего кризиса капитализма и нарастающего натиска мирового революционного про-

песса углубляется кризис политической системы в империалистических государствах. Это тоже стимулирует тенденции к авторитарным методам господства, элитарному технократизму. «С развитием государственно-монополистического капитализма,— отмечал на Эссенском международном симпозиуме по проблемам современного фашизма шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» К. И. Зародов,— носителями ультрареакционных тенденций все в большей мере выступают различные звенья аппарата самой государственной машины современного капитализма. Усиливается стремление к реакционному самовластию гражданской бюрократии...»² Рост прерогатив исполнительной власти во всех сферах общественной жизни способствует и созданию правовой системы для репрессий против рабочего класса и прогрессивных сил.

Серьезные сдвиги наблюдаются в политической стратегии современной буржуазии. Империализм утратил господствующие позиции и не в состоянии более оказывать решающее воздействие на мировое развитие. Буржуазии приходится считаться с постоянным усилением мировой социалистической системы, её возрастающим влиянием на социально-экономические и политические процессы современности. «Экономические и научно-технические успехи социалистических стран, классовая борьба вынуждают капитал идти и на определенные уступки трудящимся в социальной сфере. Он стремится замаскировать растущее увеличение степени их эксплуатации. Таким путем монополистический капитал пытается предотвратить наиболее опасные для буржуазного строя социально-экономические потрясения»,— говорил на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. Л. И. Брежнев³.

Если прежде политическая стратегия буржуазии строилась главным образом в расчете на силу, то в наше время она вынуждена ориентироваться на продуманное, сознательное приспособление к меняющемуся под натиском мирового революционного процесса миру; империализм лишен былой свободы политического маневра. Однако, как подчеркивал Л. И. Брежнев, империализм — «сильный и коварный противник. Он многому научился, старается извлечь уроки из своих поражений, приспособиться к новой обстановке»⁴.

Буржуазии приходится консолидировать свои ряды преимущественно на основе социально-политического маневрирования, что наиболее характерно для либерально-реформистских методов отстаивания ее классового господства. В докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Л. И. Брежнев отметил: «Конечно, буржуазия противник опытный. Она меняет тактику, маневрирует. Методами частичных реформ она пытается укрепить свои позиции, ослабить тягу масс к социализму»⁵. Причем эти гибкие методы усвоены различными фракциями правящих кругов, вплоть до умеренных консерваторов. Наблюдается известная нивелировка тактико-стратегических принципов в широком спектре от реформизма до умеренного консерватизма.

В этом процессе многие на Западе склонны усматривать гарантию от возрождения фашистской угрозы. Однако такой подход грешит односторонностью. «Ослабление капиталистической системы,— пишет А. А. Галкин,— выражается также в оттеснении откровенно буржуазных партий на крайний фланг и в укреплении позиций рабочих партий». В противовес этому «у правящего класса вновь растет тяга к прямым насильственным действиям»⁶.

Активизируются консервативные элементы. Они пытаются всплыть на поверхность, используя неудачи либерально-реформистской политики, утверждая, что лишь с консерватизмом связаны шансы буржуазного общества на выход из кризисного тупика⁷. Попытки консервативных сил добиться поворота вправо представляют самую серьезную опасность. В этой связи особенно актуально звучит вывод, сделанный на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в 1976 г.: «Необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп»⁸.

С консервативной реакцией современный фашизм имеет общие корни; хотя у неофашизма много новых элементов в идеологии, пропагандистских методах и тактике, ему присуща способность к мимикрии, которая порой способна сбить с толку. Однако при сопоставлении современного фашизма с «классическими» образцами преемственная связь проступает четко и явственно. В современном фашизме, как и в фашизме «традиционном», соче-

таются «социально-политический консерватизм и реакционность правящего класса с мелкобуржуазными иллюзиями и бунтарством»⁹. Эти два варианта экстремизма сливаются в фашизме воедино, но между ними, как и в прошлом, возникают коллизии чаще всего тактического свойства.

Неофашистские террористы теперь часто маскируются под «левых». Эту возможность создают для них своей террористической тактикой всякого рода левацкие группировки. Хотя такие итальянские экстремистские организации, как «рабочая автономия», «красные бригады» и т. п., имеют левацкую окраску, их практическая деятельность сливается с неофашистским экстремизмом. Видный идеолог международного неофашизма М. Бардеш откровенно признает, что благодаря левацким террористам возникает благоприятная ситуация для неофашистских сил: «Используя в качестве политических инструментов террор, грабежи и убийство, „левые“ делают необходимым установление авторитарного законодательства и создают возможность для возникновения спонтанных групп самозащиты»¹⁰. Под предлогом борьбы против ультралевого терроризма особенно активно в роли ревнителей порядка выступают западногерманские неонацисты. Таким образом, современный фашизм паразитирует и на ультраправых и на ультралевых экстремистских тенденциях, усугубленных обострением общего кризиса капитализма. В отличие от межвоенного времени, когда в ряде стран фашизм стал главным орудием реакции, «на протяжении всего послевоенного периода фашистские движения служат в основном политическим резервом империалистической буржуазии, которая бросает его в бой пока что в сравнительно ограниченных масштабах»¹¹. Относительная слабость неофашистских движений в современном мире не должна быть поводом для недооценки исходящей от них угрозы. Сам факт их существования влияет негативно на духовно-политический климат многих стран. Кроме того, как показывает исторический опыт, они могут быстро набирать силу. Наличие неофашистских организаций может способствовать сдвигу вправо и благодаря тому, что на их фоне более приемлемыми выглядят прочие правые элементы.

Развитие государственно-монополистического капитализма, научно-техническая революция в условиях капитализма порождают такие социальные последствия,

которыми могут воспользоваться неофашистские элементы. По-прежнему питательной социальной средой для фашизма являются мелкобуржуазные и средние слои, которые не всегда достаточно осознанно ориентируются в сложной современной обстановке. К этому следует добавить и крестьянство, подвергающееся интенсивному вымыванию. Не случайно в Италии наибольшую поддержку неофашисты нашли на Юге, с его отсталым, зараженным предрассудками крестьянским населением и могущественными реакционно-консервативными группировками латифундистов. Теряют социальный статус служащие и представители интеллигенции, чей род занятий превратился в массовые профессии. Логика социальной борьбы влечет их влево, но, учитывая умение фашистов спекулировать на нуждах и чаяниях социально ущемленных слоев, следует считаться с потенциальной возможностью временного перехвата какой-то их части неофашизмом.

Сохраняются и социально-психологические источники фашистской опасности. Современное буржуазное общество усиленно стремится привить своим гражданам конформизм, аполитичность, индифферентность, превратить их в элементарных «потребителей», легко поддающихся манипулированию со стороны господствующих классов.

Обострение общего кризиса капитализма все ярвственнее обнажает неизлечимые язвы буржуазного общества. Инфляция, безработица, энергетический кризис, рост преступности, моральное разложение — все это вызывает острую психологическую реакцию у населения Запада, причем далеко не все его категории способны разобраться в истинных причинах этих социальных бедствий. Чувство социального недовольства в сочетании с ощущением собственного бессилия порождает мессианские настроения. Отсюда упование на «сильную личность», способную навести «порядок». Характерно, что именно в такой атмосфере возник спрос на литературу о Гитлере. Это не значит, конечно, что для недовольных существующим положением вещей мелкобуржуазных и средних слоев нацистский фюрер выглядит сегодня эталоном «сильной личности», но они усматривают в его деятельности определенные «позитивные» моменты, услужливо подсказываемые влиятельными буржуазными историками.

Современный фашизм пытается спекулировать и на кризисе буржуазной культуры. Научно-техническая рево-

люция в условиях государственно-монополистического капитализма углубила противоречия между техническим прогрессом и культурой. Как никогда остро встает проблема «человеческого фактора» в буржуазном мире. Растущее отчуждение личности находит отражение в модной на Западе теории «деперсонализации». Все сильнее дает о себе знать тенденция к бездуховному существованию. Неофашистские идеологи, учитывая это, пытаются выступить в роли спасателей человеческих духовных ценностей. Так, на страницах журнала «Нация Ойропа» можно найти выступления, решительно осуждающие «безудержную технизацию и нескончаемую индустриализацию, которые делают жизнь бесчеловечной, отчуждают от человека его человеческое содержание, разрушают основы жизни». Если раньше традиционный фашизм откровенно издевался над гуманистическими идеалами и ценностями, то теперь определенные элементы из современного неофашистского лагеря выступают с псевдогуманных позиций¹².

Таким образом, фашизм представляет собой потенциальную опасность, с которой нельзя не считаться. Однако марксистам чужд фаталистический взгляд на перспективы фашистской реакции. Они учитывают всю совокупность факторов как способствующих, так и противодействующих реализации фашистского потенциала, таящегося в недрах капиталистической системы.

Подлинно научный анализ фашизма и реалистическая оценка фашистской опасности в современном мире возможны лишь на основе марксистско-ленинской методологии и огромного политического опыта, накопленного коммунистическим движением в антифашистской борьбе.

Последовательную борьбу против неофашизма ведут коммунисты; обогащенные историческим опытом, они стремятся не дать ему развиваться в такие страшные явления, какими в свое время стали фашистские режимы.

Попытки империалистов вновь свергнуть мир в состояние «холодной войны» активизируют неофашистские элементы. Поэтому борьба за сохранение и упрочение разрядки — это одновременно борьба против фашистской угрозы. В успехе ее заинтересовано все прогрессивное человечество.

Коммунистические и рабочие партии видят свою задачу в сплочении всех антифашистских сил, в создании

широкого фронта борьбы против всевластия монополий, за мир и социальный прогресс.

Необратимые изменения в соотношении сил между двумя противоборствующими системами, рост влияния рабочего класса на важнейшие социально-экономические и политические процессы современности, его растущая способность объединять вокруг себя широкие антифашистские силы, наконец, накопленный народами исторический опыт — все это резко ограничивает возможности империалистической реакции и ее крайнего проявления — фашизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, т. 1, с. 54.
- ² См. более подробно: Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975; Галкин А. А. Социология неофашизма. М., 1971; Филатов Г. С. Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977.
- ³ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин. 25—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 39.

Глава 1

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 353.
- ² Там же, т. 27, с. 419.
- ³ Там же, т. 30, с. 170.
- ⁴ Там же, т. 27, с. 388; т. 30, с. 93.
- ⁵ Пезенати А. Очерки политической экономики капитализма. М., 1976, т. 2, с. 99.
- ⁶ Rathenau W. Briefe. Dresden, 1926, Bd. 1, S. 44.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.
- ⁸ Там же, т. 38, с. 156—157.
- ⁹ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 181.
- ¹⁰ Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia 1861—1961. Bologna, 1972, p. 108.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 394.
- ¹² Там же, т. 17, с. 187.
- ¹³ Хальсгартен Г. Империализм до 1914 года. М., 1961, с. 437.

- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 175.
- ¹⁵ Манчестер У. Оружие Крупна М., 1971, с. 195.
- ¹⁶ Хальсгартен Г. Указ. соч., с. 434.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 352.
- ¹⁸ Там же, с. 351.
- ¹⁹ Kunt R. Formen bürgerlicher Herrschaft. Liberalismus — Faschismus. Hamburg, 1971, S. 96.
- ²⁰ Stegmann D. Die Erben Bismarcks. Köln; [West] Berlin, 1970, S. 299.
- ²¹ Хальсгартен Г. Указ. соч., с. 597.
- ²² Corradini E. Il volere d'Italia. Napoli, 1911, p. 163—164.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 717.
- ²⁴ Алатри Л. Происхождение фашизма. М., 1961, с. 31.
- ²⁵ Цит. по кн.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 400.
- ²⁶ Semmel V. Imperialism and Social Reform. Cambridge (Mass.), 1960, p. 248.
- ²⁷ Tenenbaum E. R. 1900. The Generation Before the Great War. New York, 1976, p. 332.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, т. 23, с. 144.
- ³¹ Там же, т. 22, с. 189.
- ³² Там же, т. 20, с. 305.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, т. 30, с. 176.
- ³⁵ Там же, т. 21, с. 84.
- ³⁶ Зомбарт В. Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX века. М., 1924, с. 259.
- ³⁷ Weber M. Gesammelte politische Schriften. München, 1921, S. 27.

- ³⁸ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 357.
- ³⁹ Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik und preußischer Konservatismus im Wilhelminischen Reich. Hannover, 1966, S. 106.
- ⁴⁰ Ibid., S. 278.
- ⁴¹ Stegmann D. Op. cit., S. 299.
- ⁴² Ibid., S. 294.
- ⁴³ Ibid., S. 296.
- ⁴⁴ Ibid., S. 361.
- ⁴⁵ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 373.
- ⁴⁶ Journal of Contemporary History, 1978, N 4, p. 704.
- ⁴⁷ Littelton A. La conquista del potere. Il Fascismo dal 1919 al 1929. Roma; Bari, 1974, p. 12.
- ⁴⁸ De Ruggiero G. Storia del liberalismo europeo. Bari, 1966 (1 ed.—1925), p. 329.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 242.
- ⁵⁰ Грамши А. Избр. произв. М., 1957, т. 1, с. 488.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Salvatorelli L. Nazionalfascismo. Torino, 1977, p. 44.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 407.
- ⁵⁴ Там же, т. 27, с. 16.
- ⁵⁵ Цит. по кн.: Лотухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919—1929. М., 1968, с. 17.
- ⁵⁶ Там же, с. 20.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 84.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же, т. 17, с. 187.
- ⁶⁰ Грамши А. Избр. произв. М., 1959, т. 3, с. 219—220.
- ⁶¹ Soucy R. Fascism in France. Berkeley; Los Angeles, 1972, p. 242.
- ⁶² Tenenbaum E. R. The Action Française. New York, 1962.
- ⁶³ Curtis M. Three against the Third Republic. Sorel, Barres and Maurras. Princeton, 1959, p. 61.
- ⁶⁴ Цит. по кн.: Ралл М. Два облика Франции. М., 1962, с. 86.
- ⁶⁵ Soucy R. Op. cit., p. 313.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 368.
- ⁶⁷ Там же, т. 25, с. 75.
- ⁶⁸ Drennan J. B. U. F. Oswald Mosley and British Fascism. London, 1934, p. 292.
- ⁶⁹ Бойер Р. О., Морейс Г. М. Нерассказанная история рабочего движения. М., 1957, с. 116.
- ⁷⁰ Татаренко А. И. Антиидеи. М., 1976, с. 240.
- ⁷¹ Обухов С. Ф. Тропами Заругустры. М., 1971, с. 21.
- ⁷² Хайзе В. В плену иллюзий. М., 1968, с. 188.
- ⁷³ Новый мир, 1970, № 6, с. 246.
- ⁷⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896, с. 157.
- ⁷⁵ Там же, с. 190.
- ⁷⁶ Pareto V. The Mind and Society. New York, 1935, vol. 4.
- ⁷⁷ Рассел Б. История западной философии. М., 1959, с. 808.
- ⁷⁸ Кузнецов В. Н. Французская буржуазная философия XX века. М., 1970, с. 79.
- ⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 190—191.
- ⁸⁰ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907, с. 22.
- ⁸¹ Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. М., 1964, с. 287.
- ⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 134—137.
- ⁸³ Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973, S. 140.
- ⁸⁴ См.: Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973, с. 89.
- ⁸⁵ Цит. по кн.: Дементьев И. П. Указ. соч., с. 126.
- ⁸⁶ Stern F. The Politics of Cultural Despair. Berkeley; Los Angeles, 1961, p. 90.
- ⁸⁷ Грамши А. Избр. произв., т. 1, с. 365.
- ⁸⁸ Гарин Э. Указ. соч., с. 273—274.
- ⁸⁹ Кин Ц. И. Итальянские светотени. М., 1975, с. 237.
- ⁹⁰ Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1974, p. 28.
- ⁹¹ Кертманн Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1968, с. 371.
- ⁹² Curtis M. Op. cit., p. 125.

- ⁵³ *Ibid.*, p. 63.
⁵⁴ Hughes G. Imagism and imagists. New York, 1960, p. 14.

Глава 2

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 102—103.
² Gaeta F. Nazionalismo italiano. Napoli, 1965, p. 205.
³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 21.
⁴ Цит. по кн.: Кирова К. Ф. Западная Европа 1917-й. М., 1977, с. 105.
⁵ Там же, с. 116—117.
⁶ Kitchin M. The Silent Dictatorship. New York, 1976, p. 277.
⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 3.
⁸ Там же, т. 30, с. 347.
⁹ Ruge W. Hindenburg. Berlin, 1977, S. 75.
¹⁰ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 376.
¹¹ *Ibid.*, S. 377.
¹² *Ibid.*, S. 384.
¹³ Schuls G. Aufstieg des Nationalsozialismus. Krise und Revolution in Deutschland. Frankfurt a/M. etc., 1975, S. 197.
¹⁴ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 385—386.
¹⁵ Geußen K. История германского фашизма. М.; Л., 1935, с. 6.
¹⁶ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 395.
¹⁷ *Ibid.*, S. 398.
¹⁸ Gaeta F. Op. cit., p. 129—130.
¹⁹ Auff W. Der Begriff Faschismus und andere Aufsätze für Zeitgeschichte. Frankfurt a/M., 1971, S. 87.
²⁰ Алатри П. Указ. соч., с. 442.
²¹ Gaeta F. Op. cit., p. 137.
²² Федоров П. П. Анонимная власть. М., 1970, с. 67.
²³ Maier Ch. S. Recasting bourgeois Europe. Princeton, 1975, p. 581.
²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 322.
²⁵ Metnecke F. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1958, S. 324.

- ²⁶ Harientstein W. Die Anfänge der Deutschen Volkspartei 1918—1920. Düsseldorf, 1962, S. 122.
²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 123.
²⁸ Там же, т. 41, с. 85.
²⁹ Nitti F. Die Tragödie Europe und America? Frankfurt a/M., 1924, S. 151.
³⁰ Malcolm Carrol E. Soviet Communism and Western Opinion 1919—21. Chapel Hill, 1965, p. 9.
³¹ Проблемы испанской истории. М., 1975, с. 85.
³² Pareto V. Transformazioni della democrazia. Bologna, 1964, p. 103.
³³ Асмус В. Ф. Избр. филос. труды. М., 1971, т. 1, с. 380.
³⁴ Манн Т. Доктор Фаустус. М., 1975, с. 406.
³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 57.
³⁶ Wait R. G. L. Vanguard of Nazism. Cambridge (Mass.), 1952, p. 40.
³⁷ *Ibid.*, p. 264.
³⁸ Цит. по кн.: Восса G. Palmiro Togliatti. Roma; Bari, 1973, p. 54.
³⁹ Rochal G. L'esercito italiano da Vittorio Veneto a Mussolini (1919—1925). Bari, 1967, p. 398.
⁴⁰ Hofmann J. Der Pfrimer — Putsch. Wien; Graz, 1965, S. 8.
⁴¹ Maier Ch. S. Op. cit., p. 60, 390, 382.
⁴² Rathenau W. Politische Briefe. Dresden, 1929, S. 264.
⁴³ Catalano F. Potere economico e fascismo. Milano, 1974, p. 100.
⁴⁴ *Ibid.*, p. 26.
⁴⁵ *Ibid.*, p. 319.
⁴⁶ *Ibid.*, p. 118.
⁴⁷ Грамши А. Избр. произв., т. 1, с. 453.
⁴⁸ Haifner S. Die verratene Revolution. Deutschland. 1918/19. Bern; München; Wien, 1969, S. 85.
⁴⁹ Галкин А. А. Социология нефашизма, с. 131.
⁵⁰ Gentile E. Le origini dell'ideologia fascista (1918—1925). Roma, Bari, 1975, p. 84—85.
⁵¹ Schwierskott H. J. Arthur Moellervan den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer

Republik. Göttingen, 1962, S. 149.

- ⁵² Pechel R. Deutscher Widerstand, Erlenbach; Zürich, 1947, S. 279—280.
⁵³ Kedward H. R. Fascism in Western Europe. 1900—1945. London, 1969, p. 34.
⁵⁴ De Felice R. Intervista sul fascismo, p. 33.
⁵⁵ Ruge W. Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1963, H. 6, S. 1093.
⁵⁶ Руге В. Германская монополистическая буржуазия и революционный кризис 1919—1923 гг. — В кн.: Германский империализм и милитаризм. М., 1965, с. 95.
⁵⁷ Castronovo V. La stampa italiana dall'Unità al fascismo. Bari, 1970, p. 265—268.
⁵⁸ Gentile E. Op. cit., p. 192.
⁵⁹ Faschismus als soziale Bewegung. Hamburg, 1976, S. 133.
⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 31.
⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.
⁶² Zeitkin C. Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, 1960, Bd. II, S. 696.
⁶³ *Ibid.*, S. 719.
⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 128.
⁶⁵ Winkler H. A. Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Köln, 1972, S. 36, 37.
⁶⁶ Schoenemann W. Der Nationalsozialismus. Berlin, 1931, S. 16.
⁶⁷ Галкин А. А. Социология нефашизма, с. 57.
⁶⁸ Грамши А. Избр. произв., т. 1, с. 434—435.
⁶⁹ Gramsci A. Socialismo e fascismo. L'Ordine nuovo, 1921—1922. Torino, 1972, p. 9—12.
⁷⁰ De Felice R. Mussolini il fascista (1925—1929). Torino, 1968, vol. II, p. 187.
⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 168.
⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 267.

- ⁷³ См. подробнее: Генри Ф. Современный компен-пролетариат и экстремизм. — Проблемы мира и социализма, 1979, № 9.
⁷⁴ Kater M. Zur Soziographie der frühen NSDAP. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1971, H. 2.
⁷⁵ Faschismus als soziale Bewegung, S. 142, 144—146.
⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.
⁷⁷ Генри Ф. Заметки по истории современности. М., 1970, с. 150.
⁷⁸ Giudice G. Benito Mussolini. Torino, 1969, p. 138.
⁷⁹ Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Verona, 1932, p. 98.
⁸⁰ Giudice G. Op. cit., p. 297.
⁸¹ *Ibid.*, p. 170.
⁸² *Ibid.*, p. 121.
⁸³ Подробнее см.: Кин Ц. И. Миф, реальность, литература. М., 1968.
⁸⁴ Гарин Ф. Указ. соч., с. 43.
⁸⁵ Santarelli E. Op. cit., p. 73—74.
⁸⁶ Giudice G. Op. cit., p. 380.
⁸⁷ Цит. по кн.: Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, с. 30—31.
⁸⁸ The New Republic, 1927, 12/1.
⁸⁹ Giudice G. Op. cit., p. 218.
⁹⁰ *Ibid.*, p. 187.
⁹¹ De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965, p. 277.
⁹² Исторический архив, 1962, № 5, с. 78—112.
⁹³ Giudice G. Op. cit., p. 258.
⁹⁴ Hallgarten G. W. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a/M., 1962, S. 57.
⁹⁵ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Berlin, 1923, S. 223.
⁹⁶ Забытый основатель партии, «независимый ремесленник» А. Дренклер, обладатель билета № 501, писал в 1940 г. Гитлеру: «Никто не знает лучше, чем Вы сами, мой фюрер, что Вы никогда не были седьмым членом партии, а самое большее седьмым членом комитета (руководящего органа. — П. Р.), куда я предложил Вам войти в качестве ответственного за агитацию. И несколько лет назад я был вынужден пожало-

- ваться в партийные инстанции, что Ваш первый подлинный билет ДАП, подписанный мной и Шлюссером, подделан: номер 555 выведен и вписан новый» (Der Aufstieg der NSDAP. 1919—1933 in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1968, S. 98).
- ⁹⁷ Franz-Willing G. Krisenjahre der Hitlerbewegung. Preussisch Oldendorf, 1923, S. 204.
- ⁹⁸ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 413.
- ⁹⁹ Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a/M.; Wien, 1973, S. 52; Maser W.. Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt a/M., 1965, S. 79—81.
- ¹⁰⁰ Fest J. C. Op. cit., S. 78.
- ¹⁰¹ Ibid., S. 79.
- ¹⁰² Ibid., S. 104.
- ¹⁰³ Bennecke H. Hitler und SA. München; Wien, 1962, S. 23.
- ¹⁰⁴ Archiv für Sozialgeschichte, 1972, Bd. XII, S. 413.

Глава 3

- ¹ Алатри П. Указ. соч., с. 49—50.
- ² Там же.
- ³ Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Bari, 1965, vol. 2, p. 431—432.
- ⁴ Maier Ch. S. Op. cit., p. 322, 342.
- ⁵ De Felice R. Intervista sul fascismo, p. 44.
- ⁶ Maier Ch. S. Op. cit., p. 322.
- ⁷ Conti E. Dal taccuino di un borghese. Milano, 1971, p. 169.
- ⁸ Guidice G. Op. cit., p. 336—337.
- ⁹ Gentile E. Op. cit., p. 155—157.
- ¹⁰ De Felice R. Mussolini il fascista (1921—1925), p. 201.
- ¹¹ Ibid., p. 331.
- ¹² Подробнее см.: Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии.
- ¹³ Лопухов Б. Р. Поход на Рим.— Вопросы истории, 1965, № 11, с. 212.
- ¹⁴ Tasca A. Op. cit., p. 444.
- ¹⁵ Ibid., p. 470.

- ¹⁶ Ibid., p. 473.
- ¹⁷ Алатри П. Указ. соч., с. 315.
- ¹⁸ Rochat G. Op. cit., p. 400.
- ¹⁹ Ibid., p. 406.
- ²⁰ Guidice G. Op. cit., p. 375.
- ²¹ Franz-Willing G. Krisenjahr der Hitlerbewegung, S. 177.
- ²² Franz-Willing G. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1919—1922, S. 221.
- ²³ Hoffmann H. H. Der Hitlerputsch. München, 1961, S. 162.
- ²⁴ Ibid., S. 163.
- ²⁵ Politische Studien, 1959, H. 106, S. 208.
- ²⁶ Der Hitler-Putsch. Bayrische Dokumente zum 8./9. November 1923. Stuttgart, 1962, S. 501.
- ²⁷ Hoffmann H. H. Op. cit., S. 227.
- ²⁸ Der Hitler-Putsch, S. 509.
- ²⁹ Гебен К. Указ. соч., с. 132.
- ³⁰ Valentin V. The German People. New York, 1946, p. 633.
- ³¹ Die neue Gesellschaft, 1967, H. 4, S. 289.
- ³² Tyrell A. Vom «Trommler» zum «Führer». München, 1975.
- ³³ Саис Е. Ohne Maske: Hitler — Breiting Geheimsprache 1931. Frankfurt a/M., 1968, S. 42.
- ³⁴ Ibid., S. 35.
- ³⁵ Broszat M. Der Nationalsozialismus. Stuttgart, 1961, S. 50.
- ³⁶ Kuhn R. Die nationalsozialistische Linke 1925—1930. Meisenheim a/ Glan, 1966, S. 62.
- ³⁷ Kele M. H. Nazis and Workers: National Socialist Appeals to German Labor. 1919—1933. Chapel Hill, 1972, p. 5.
- ³⁸ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1978, H. 1, S. 93.
- ³⁹ Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1969, с. 195.
- ⁴⁰ Geschichte und Gesellschaft, 1976, H. 2, S. 103.
- ⁴¹ Саис Е. Op. cit., S. 36—37.
- ⁴² Schulz G. Op. cit., S. 635.
- ⁴³ Industrielles System] und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1974, S. 945.
- ⁴⁴ Ruge W. Hindenburg. Berlin. 1977, S. 240—241.

- ⁴⁵ Archiv für Sozialgeschichte, 1977, Bd. XVII, 1977, S. 281.
- ⁴⁶ Leopold J. A. Alfred Hugenberg. New Haven; London, 1977, p. 43.
- ⁴⁷ Der Aufstieg des NSDAP, S. 323
- ⁴⁸ Neakes J. The Nazi Party in Lower Saxony 1921—1933. Oxford, 1971.
- ⁴⁹ Faschismus als soziale Bewegung, S. 26.
- ⁵⁰ Fest J. C. Op. cit., S. 478.
- ⁵¹ Schulz G. Op. cit., S. 756.
- ⁵² Fest J. C. Op. cit., S. 371.
- ⁵³ Ibid., S. 369.
- ⁵⁴ Archiv für Sozialgeschichte, 1977, Bd. XVII, S. 282.
- ⁵⁵ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1965, H. 3, S. 257.
- ⁵⁶ Sörgel W. Metallindustrie und Nationalsozialismus. Frankfurt a/M., 1956, S. 23.
- ⁵⁷ Archiv für Sozialgeschichte, 1974, Bd. XIII, S. 410.
- ⁵⁸ Носке К. Р. Die deutschen Rechte und der italienische Faschismus. Düsseldorf, 1968, S. 299—300.
- ⁵⁹ Подробнее см.: История фашизма в Западной Европе.
- ⁶⁰ VII Конгресс Коммунистического Интернационала в борьбе против фашизма и войны. М., 1975, с. 136.

Заключение

- ¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.
- ² Современный фашизм: его обличье и борьба с ним, с. 15.
- ³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 44.
- ⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2., с. 109.
- ⁵ Там же, 1978, т. 6, с. 59.
- ⁶ Правда, 1977, 13 окт.
- ⁷ Konservative-Chance und Zukunft: Neue Aspekte für Politik. Kultur und Weltanschauung. Wien, 1979.
- ⁸ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс, с. 39.
- ⁹ Современный фашизм, его обличье и борьба с ним, с. 15.
- ¹⁰ Цит. по кн.: Gaddi G. Neofascismo in Europa. Milano, 1974, p. 128.
- ¹¹ Современный фашизм: его обличье и борьба с ним, с. 12.
- ¹² См. подробнее: Критика идеологии неонацизма. М., 1976, с. 94—106.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Глава 1. Истоки фашизма	7
Социально-экономические предпосылки	9
Политические факторы	20
Духовные импульсы	41
Глава 2. Требуются диктаторы и «национальные барабанщики»	56
Первая мировая война — катализатор фашизма	56
«Великий страх»	67
Рекруты фашизма	83
Школа диктаторов	96
Путь в «национальные барабанщики»	108
Глава 3. Зловещие входы	119
Поход, которого не было	119
«Пивной путч», или неудачный дебют Гитлера	134
От Фельдхерихалле до имперской канцелярии	143
Заключение	167
Примечания	174

Павел Юхимович Рахшмир

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства О. Б. Константинова
Художник В. А. Кобрин
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Р. С. Алимova, В. А. Бобров

ИБ № 15327

Сдано в набор 29.09.80.
Подписано к печати 23.03.81
Т-04СБ3. Формат 84×108^{1/2}
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 42.000 экз. Тшп. зак. 3544
Цена 65 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10